

55
72

Ф Е Л И К С К О Н

**И С Т О Р И Я
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ
В РОССИИ**

ИГ 6
182

л т I
Мам 24
915

* П Р О Л Е Т А Р И Й *

W/6
182

ФЕЛИКС КОН

801-94
3182-2
801-17
3281

~~5542~~

ИСТОРИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В РОССИИ

ТОМ ПЕРВЫЙ

29-16603
17-3971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОЛЕТАРИЙ»
1929

Библиографическое описание этого издания помещено в „Літопису Українського Друку“, „Карточном репертуарі“ и др. указателях Украинской Книжной Палаты.

Напечатано во второй типографии
Издательства „Пролетарий“
Харьков, ул. К. Либкнехта, 38
в колич. 5.000 экзempl.
Упрлит. № 1503
Заказ № 708.

2010482046

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переломным моментом в жизни России был 1861 г.—год „освобождения“ крестьян. В основу „освобождения“ были положены интересы помещиков. Царское правительство исходило из того, что сельская производительность была сосредоточена преимущественно в помещичьих имениях и до момента „освобождения“ основывалась на крепостном труде. Если бы не грозные и чреватые взрывом волнения крестьян в конце царствования Николая I и в первые годы царствования Александра II, правительство и не помышляло бы ни о какой реформе. Вынужденное же к ней, чего не скрывал Александр II, сказавший прямо: „дадим крестьянам волю сверху, чтобы они не взяли ее сами снизу“,— оно в первую очередь заботилось об обеспечении помещиков наемным трудом взамен крепостного.

„Если крестьянам дать земли в пользование столько,— писал в своей докладной записке правительству помещичий саратовский губернский комитет,— сколько для них необходимо не только для обеспечения первых потребностей существования, но даже для полной зажиточности, то, будучи довольны своими участками и не нуждаясь ни в съемке земли, ни в предложении своего труда в то время, какое им останется за обработкой своих участков, они не станут обрабатывать помещичьих полей и, таким образом, и сами будут коснеть в лености, и владельцев оставят без возможности извлекать выгоды из своих земельных капиталов“.

Эти соображения,— соображения создать экономический кнут в виде нищеты и голода, который гнал бы крестьян на работу в помещичьи усадьбы, а излишек населения—в города на фабрики и заводы,—и легли в основу пресловутого освобождения крестьян 19 февраля 1861 г.

В высшей степени характерно, что даже такие выдающиеся деятели, как Герцен и Бакунин, из-за формы не разо-

брались в содержании и сущности этого „освобождения“, из-за громких слов об „освобождении“ и „наделении землей“ не поняли, что „на место сетей крепостных люди придумали много других“.

Бакунин в статье „Романов, Пестель или Пугачев“ становится на сторону Романовых; редактор „Колокола“ Александр Герцен при известии о манифесте 19 февраля 1861 г. восторженно восклицает: „Ты победил, Галилеянин! Пойдем за Романовыми“.

Иначе реагировали на это крестьянство и такие деятели, как Н. Г. Чернышевский, Н. В. Шелгунов и погибший впоследствии на каторге поэт Михайлов. Крестьянство ответило на „освобождение“ бунтами. В первые же четыре месяца после манифеста об освобождении было 647 случаев бунтов, т.-е. более чем за все предшествовавшие 30 лет.

Чернышевский же до введения „аграрной реформы“ предупреждал, что в том виде, в каком собирается ее проводить правительство, она приведет к окончательному разорению крестьян; после проведения реформы он писал увлекавшемуся Герцену:

„Надежда в политике—это золотая цепочка, которая легко может сделаться железной цепью. Россию может спасти только топор“.

Вскоре не только Герцен, но и вся мыслящая Россия убедилась в этом.

Шумно рекламированные в начале царствования Александра II реформы были приостановлены или изменены к худшему, проведение их в жизнь было поручено злейшим реакционерам, противникам всяких реформ. Во главе министерства народного просвещения стал крупнейший реакционер Дмитрий Толстой, а одновременно с этим студенты были лишены права свободно собираться, права организовывать собственные кассы взаимопомощи, библиотеки и т. д., а наряду с этим, дабы преградить доступ в высшие учебные заведения неимущим слоям населения, плата за учение была значительно повышена. В связи с этим начались студенческие волнения, и сотни студентов оказались за тюремной решеткой.

Миссия проведения аграрной реформы была возложена на принципиального противника ее—графа Палена; и при его

активном содействии, благодаря этой пресловутой реформе, положение крестьянства еще более ухудшилось. Мало того,— между тем, чего требовало крестьянство и что оно получило, был полный контраст.

Крестьянство требовало предоставления ему всей земли, которая до этого фактически была в его пользовании, требовало сохранения общинного землевладения, передачи ему земли без всякого выкупа и без всяких обязательств по отношению к прежним владельцам этой земли и, наконец, действительного освобождения его от помещика, в частности, полной свободы передвижения.

Социалисты того времени в значительной степени поддерживали эти требования крестьянства.

Н. Г. Чернышевский решительно возражал против выкупа крестьянами земли и против насильственного обезземеления крестьян. Н. В. Шелгунов и его последователи стояли на том, что земля должна принадлежать не отдельным лицам, а всей стране, и равным образом возражали против выкупа земли крестьянами, возлагая на казну уплату помещикам „вознаграждения“ за отрезанную у них землю. Среди требований того времени характерно настойчивое требование сохранения общинного землевладения. В общине они усматривали своего рода противоядие от капитализма и выражали опасение, что, если земля будет передана в частную собственность крестьянам, она вскоре станет предметом купли-продажи, последует обезземеление, и крестьяне увеличат ряды пролетариата.

Ставя эти требования, социалисты совершенно не вникали в то, что, в сущности, представляла община, и только впоследствии самые выдающиеся из них во главе с П. Л. Лавровым предлагали „развить общину не только в смысле общинного владения землей, но и в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами“, с тем, чтобы, как формулировал это П. Н. Ткачев, „постепенно преобразовать общину, основанную на принципе частного владения, в общину-коммуны, основывающуюся на принципе общего совместного пользования орудиями производства и общего совместного труда“.

Такие требования и такие задачи формулировались впоследствии; в 60-х же годах требования социалистов в общем совпадали с требованиями крестьянства.

Правительство Александра II не считалось с этими требованиями. 19 февраля 1861 г. была объявлена свобода крепостных крестьян. Они освобождались с землею, но за эту землю помещикам должно было выдаваться вознаграждение. Это создавало для крестьянства весьма тяжелые условия. Помещик мог сохранить за собой определенный доход (оброк) с крестьянских наделов, мог, по соглашению с крестьянами, продать им на началах выкупа часть или всю наделную землю, мог без согласия крестьян заставить их выкупить всю наделную землю и, наконец, по добровольному соглашению с крестьянами подарить им не менее одной четверти высшего или указного надела.

„В первом случае,— пишет Уланов в статье „Крестьянская реформа“,— крестьяне оставались во временно-обязанных отношениях к помещику, во всех остальных—они переходили в разряд собственников“. Но все зависело от помещика. „Считал помещик для себя выгодным разорвать временно-обязательные отношения—он заставлял крестьян приступить к выкупу их наделов; заявляли крестьяне желание приобрести наделы в собственность“,—это зависело от помещика: он мог отказать в этом. Эта зависимость от помещика в корне подрывала ту „свободу“, которая была объявлена актом 19 февраля. Мало того, не говоря уже о том, что крестьянам не была передана земля, какой они пользовались до отмены крепостного права, но и переданная крестьянам в надел земля была оценена очень высоко, и выкуп значительно превышал те суммы, какие до этого платили крестьяне помещикам за право пользования землей. А так как объявленный „свободным“ крестьянин мог бросить все и уйти, то в предвидении этого правительство лишило его права свободного передвижения до уплаты возложенного на него выкупа. Таким образом, освобождение превратилось в миф, а вся пресловутая реформа на долгие годы тормозила развитие крестьянства. Если ко всему этому прибавить, что около полумиллиона крестьян получило нищенские наделы, а более 4.020.000 душ „дворовых“ не получило ничего, что, как это с цифрами в руках доказано проф. Янсоном, размеры крестьянских наделов не давали возможности наделенным крестьянам прокормить семью и живой инвентарь, не говоря уже о всякого рода платежах и повинностях,—то станет ясным, почему кре-

стьяне на пресловутое освобождение ответили в целом ряде мест бунтами.

Эти бунты,—наряду с тем, что обездоленное крестьянство составляло 90% всего населения,—естественно, приковывали внимание всех тех, кто не мог примириться с существовавшим тогда в России помещичье-полицейским режимом, в первую же очередь тогдашних социалистов.

Крестьянство, как мы уже говорили, настаивало на сохранении общинного владения землей, считало ее „божьей“, так же, как вода или воздух, принадлежащей всем, и поэтому высказывалось против частной собственности на землю и настаивало на сохранении пережитка первобытного коммунизма— „общины“.

Эта община до того въелась в течение веков в мировоззрение крестьянства, что народные, а в особенности „социалистические“ партии,—если последователей Прудона в России можно назвать социалистами,—в то время вообще склонные к идеализации „народа“, как мы уже указывали, полностью поддерживали требование сохранения этой общины. На этой почве и создалось мировоззрение тогдашней социалистической интеллигенции, увлекавшейся формой, не разбираясь в сути; создалась вера в общину, как в зародыш будущего социалистического строя, несмотря на то, что эта община не исключала обработки земли наемным трудом.

В этом отношении в высшей степени характерно воззвание, изданное в 1861 г. социалистическими группами,—„К молодому поколению“.

„Мы хотим, чтобы земля принадлежала не лицу, а стране; чтобы у каждой общины был свой надел; чтобы личных землевладельцев не существовало; чтобы землю нельзя было продавать, как продают картофель и капусту, чтобы каждый гражданин, кто бы он ни был, мог сделаться членом земледельческой общины, т.-е. или приписаться к общине существующей, или несколько граждан могли бы составить новую общину. Мы хотим сохранения общинного владения землею с переделами через большие сроки. Правительственная власть не должна касаться этого вопроса. Если идея общинного владения землею есть заблуждение, пусть она кончится сама собой, умрет вследствие собственной несостоятельности, а не под влиянием экономического учения Запада.

Мы хотим, чтобы 9 миллионов десятин свободных земель Европейской России (оброчные статьи) были отданы дворцовым людям, пущенным манифестом 19 февраля по-миру.

Мы хотим уничтожения переходного состояния освобожденных крестьян; мы хотим, чтобы выкуп всей личной земельной собственности состоялся немедленно. Если операцию эту не в состоянии взять на себя правительство, пусть возьмут ее все сословия страны. Это—путь мирный, и мы хотели бы, разумеется, чтобы дело не доходило до насильственного переворота. Но если нельзя иначе, мы не только не отказываемся от него, но мы зовем охотно революцию на помощь к народу“.

Уже в этом отрывке в высшей степени характерно противопоставление России Западу. Оно резко подчеркивается в этом воззвании, составленном поэтом Михайловым, а также в дальнейшем:

„Отчего же наш народ недоволен царской милостью, недоволен тем, от чего немцы пришли бы в восторг? А недоволен народ потому, что он не может представить себя без земельной собственности, он не может представить себя вне земледельческой общины. Ему нужно равенство прав и владения; он не верит и не хочет верить в законность такого порядка, по которому у 30 миллионов крестьян есть своя земельная собственность, а у остальных 23 миллионов земля чужая, принадлежащая какой-нибудь сотне тысяч владельцев. В Европе сидят еще и до сих пор остатки феодального права; а мы его не знали и не знаем; наше дворянство, наши помещики — не европейская аристократия; наши — просто незаконнорожденная власть, вышедшая из того же народа, искусственно созданная императорской властью и особенно расплодившаяся со времен Екатерины II; она должна осесть в народ и осядет с падением власти императорской.

Неудача 1848 года если что-нибудь и доказывает, так доказывает только одно — неудачу попытки для Европы; но не говорит ничего против невозможности других порядков у нас в России. Разве экономические, земельные условия Европы те же самые, что и у нас? Разве у них существует и возможна земледельческая община? Разве у них каждый крестьянин и каждый гражданин может быть земельным собственником? Нет. А у нас может. У нас земли столько, что достанет ее нам на десятки тысяч лет.

Мы — народ запоздалый, и в этом наше спасение. Мы должны благословить судьбу, что не жили жизнью Европы. Ее несчастья, ее безвыходное положение — урок для нас. Мы не хотим ее пролетариата, ее аристократизма, ее государственного начала и ее императорской власти.

До сих пор народ наш жил своею жизнью, не мешаясь в дела правительства и не понимая их, — и он был прав. Правительство тоже не знало народа, да ему и было некогда за политическими бирюльками. А, между тем, русская мысль зрела; мы изучали экономическое и политическое устройство Европы; мы увидели, что у них неладно, и тут-то мы поняли, что имеем полнейшую возможность избежать жалкой участи Европы настоящего времени.

Мы похожи на новых поселенцев; нам ломать нечего. Оставимте наше народное поле в покое, как оно есть; но нам нужно выполоть ту негодную траву, которая выросла из семян, налетевших к нам с немецкими идеями об экономизме и государстве. Нам не нужно ни того, ни другого в той форме, как это проповедывали и проповедают нам наш профессор-правительство и разные последователи Рошера и Гнейста.

Европа не понимает да и не может понять наших социальных стремлений; значит, она нам не учитель в экономических вопросах. Никто не идет так далеко в отрицании, как мы, русские. А отчего это? Оттого, что у нас нет политического прошлого, мы не связаны никакими традициями, мы стоим на новине и, нисколько не пленясь немецкими садиками и рощами, хотим разделять свое поле не по немецкой методе, не в заграничном вкусе, а как делилась земля встарь, когда еще людям не было тесно, — и мы можем сделать это. Вот отчего у нас нет страха пред будущим, как у Западной Европы; вот отчего мы смело идем навстречу революции; мы даже желаем ее. Мы верим в свои свежие силы; мы верим, что призваны внести в историю новое начало, сказать свое слово, а не повторять зады Европы. Без веры нет спасения; а вера наша в наши силы велика.

Если для осуществления наших стремлений — для раздела земли между народом — пришлось бы вырезать сто тысяч помещиков, мы не испугались бы и этого“.

Что касается других требований, то, как увидим ниже, в них наряду с идеей „федерации общин“ формулированы требования, уже не противопоставляемые Западу.

„Мы хотим, чтобы власть, управляющая нами, была власть разумная, власть, понимающая потребности страны и действующая в интересах народа. А чтобы она могла быть такой, она должна быть из самих нас — выборная и ограниченная.

Мы хотим свободы слова, т.е. уничтожения всякой цензуры.

Мы хотим развития существующего уже частью в нашем народе начала самоуправления. Если крестьяне имеют это право, если они избирают сами от себя старшин и голов, если общинам предоставлено право гражданского суда и полицейской расправы, — зачем же этими правами выборного начала и самоуправления не пользуется вся остальная Россия? Или все остальное население хуже понимает свои потребности и потребности страны? Или в нем меньше смысла, чем в земледельческом населении? Нет, этого не скажет наше правительство. Оно дало крестьянам волю потому, что боялось крестьянских топорков; но нас никто и никогда не боялся. Теперь же мы сильнее, и мы хотим последовательного развития начал народного управления. Наша сельская община есть основная ячейка; собрание таких ячеек есть Русь. Везде должно проходить одно начало. Вот что нам нужно.

Мы хотим, чтобы все граждане России пользовались одинаковыми правами, чтобы привилегированных сословий не существовало, чтобы право на высшую деятельность давали способности и образование, а не рождение; чтобы назначения в общественные должности шли из выборного начала. Мы не хотим дворянства и титулованных особ.

Мы хотим равенства всех перед законом, равенства всех в государственных тягостях, в податях и повинностях. Мы хотим, чтобы денежные сборы со страны не шли неизвестно куда; чтобы их не крали; чтобы правительство давало народу отчет в собранных с него деньгах.

Мы хотим открытого и словесного суда, уничтожения императорской полиции, явной и тайной, уничтожения телесного наказания.

Мы хотим полного уничтожения следов крепостного права, уничтожения развитого им неравенства в землевладении, мы хотим полного обновления страны.

Мы хотим уничтожения мещанства, этой неудавшейся русской буржуазии, выдуманной Екатериной II. И какие они tiers-

état! *). Те же крестьяне, как и все остальные, но без земли, бедствующие, гибнущие с голоду. Им должна быть дана земля.

Мы хотим сокращения расходов на бесполезную громадную армию. Она стоит нам более 100 миллионов деньгами да военные натуральные повинности, падающие на народ, стоят почти столько же (90 миллионов). А чего стоит потеря в рабочей силе, оторванной от плуга и от верстака! Насколько должен народ усилить свои занятия, чтобы трудящиеся люди работали за ничегонеделаящую армию! В армию берут лучших людей, и люди эти делаются совсем бесполезными для своей страны на всю жизнь. Прослужив 25 лет, отставной солдат делается не способным к сельским занятиям, от которых его оторвали. Он идет или по-миру, как искалеченные севастопольские герои, или в сторожа, швейцары, в легковые извозчики. А зачем нам гвардия? Для защиты Зимнего дворца и царской семьи ее слишком много. И что такое гвардия? Военное дворянство. Но это вздор: или все — гвардия, или все — армия, — все граждане равны, обязанности всего военного сословия одинаковы, а потому нет привилегий.

Мы хотим, чтобы срок службы солдата не была целая вечность, убивающая в нем все гражданские способности, все человеческие силы, делающая его никуда не годным в отставке. Мы хотим, чтобы солдат шел в службу охотой, чтобы она представляла ему выгоды, чтобы срок службы был три — пять лет, чтобы солдат не отрывался окончательно от своей родной избы, чтобы он уходил только на время и после службы возвращался в свою семью, чтобы после службы он оставался тем же селянином, как и до рекрутства, чтобы он получал жалованье, не только достаточное для его текущих потребностей, но чтобы он мог посылать кое-что домой, а не тянуть из дому последнюю копейку. Пусть наше войско будет ополчением; пусть каждая губерния составляет свою дружину. Незачем солдату уходить в мирное время за тысячу верст от своего дома.

Мы хотим сокращения расходов на все управление; мы хотим уничтожения вредных для народа управлений, как министерство государственных имуществ, министерство двора, удельное управление“.

*) Третье сословие.

Мы привели целый ряд отрывков этого воззвания, так как в нем без всяких недомолвок, прямо и открыто сформулировано многое, что продолжительное время отличало специально русских социалистов от социалистов Запада.

Здесь и идеализация общины, относительно которой автор воззвания не отдает себе отчета в том, что это лишь пережиток первобытного коммунизма, что это вовсе не специфическая особенность русского крестьянства, что в той или другой форме община существовала у всех народов, что она сохранилась до наших дней на Балканском полуострове (сербская „задруга“) и у чехов, и в южной Франции, и в Пиренейских горах, и везде на определенной стадии развития народа. Закрывая глаза на то, что происходило внутри общины, автор усматривает в ней зародыш будущего социалистического строя и желает чуть ли не китайской стеной оградить Россию от влияния Запада. В этом воззвании наряду с противопоставлением России Западу проявляется и вера в свободное творчество в социальной области, и стремление установить „справедливый порядок“, не считаясь с соотношением социальных сил, и наивная вера в возможность уничтожения целых социальных слоев, — например, мещанства, — и детские уверения в том, что в России хватит земли на десятки тысяч лет.

Это воззвание, подписанное Центральным революционным комитетом, обращенное к молодежи, не делало никаких ни организационных, ни тактических указаний и лишь призывало молодежь вести работу в народе и в войсках. Оно является до некоторой степени первой ласточкой „хождения в народ“.

Автор этого воззвания, Михаил Илларионович Михайлов, арестованный вскоре после составления воззвания, был приговорен „правительствующим сенатом“ к двенадцати годам каторжных работ. Царь сократил срок каторги до шести лет. Михайлов был отправлен в Сибирь в Нерчинский завод. Там поэт был освобожден от работ начальником Нерчинского округа полковником Дейхманом, за что последнего постигла жестокая кара: он был разжалован в солдаты. Узнав об этом, Михайлов 3 августа 1865 года отравился...

Смерть Михайлова произвела огромное впечатление на молодежь, которой он был кумиром. Когда его арестовали,

молодежь, попавшая в тюрьму в связи с беспорядками в университете, приветствовала его стихотворением:

Из стен тюрьмы, из стен неволи,
Мы братский шлем тебе привет.
Пусть облегчит в час злобной доли
Тебя он, наш родной поэт.
Проклятым гнетом самовластья
Нам не дано тебя отнять
И дань любви, и дань участия
Тебе, учитель наш, воздать.
Но день придет, и на свободе
Мы про тебя расскажем всё,
Расскажем в русском мы народе,
Как ты страдал из-за него.
Да, сеял доброе ты семя,
Вещал ты слово правды нам,
Верь, плод взойдет, и наше время
Отметит сторицею врагам.
И разорвет позора цепи,
Сорвет с чела ярмо раба
И призовет из снежной степи
Сынов народа и тебя.

Поэт ответил на это известным стихотворением:

Крепко, дружно вас в объятья,
Всех бы, братья, заключил
И надежды и проклятья
С вами, братья, разделил.
Но тупая сила злобы
Вон из братского кружка
Гонит в снежные сугробы,
В тьму и холод рудника.
Но и там, на зло гоненно,
Веру лучшую мою
В молодое поколение
Свято в сердце сохраню.
В безотрадной мгле изгнанья
Твердо буду света ждать,
И в душе одно желанье,
Как молитву, повторять:
Будь борьба успешней ваша,
Встреть в бою победа вас,
И минуй вас эта чаша,
Отравляющая нас.

Любимец молодежи, Михайлов был первой жертвой, а руководимые им и Шелгуновым кружки были разгромлены. Под

влиянием этих репрессий, перед разрозненными до того времени кружками властно встал вопрос о создании организации. Вскоре предпринятые в этом направлении шаги увенчались успехом. Возникла организация, принявшая название „Земля и Воля“ и уже этим указывавшая на то, что в основу своей деятельности она кладет требования крестьянства.

Эта организация начала было развивать весьма энергичную деятельность, которую, однако, вскоре пришлось приостановить в связи со вспыхнувшим в Польше восстанием.

Как известно, самые выдающиеся деятели того времени—эмигранты Герцен, Бакунин и другие—были в контакте с руководителями польского восстания и активно поддерживали стремление Польши к независимости. Бакунин даже организовал отряд в помощь восставшим. Весьма сочувственно относилась к польскому восстанию и партия „Земля и Воля“, руководители которой находились в тесной связи с группой повстанцев-радикалов, известных в Польше под названием „красных“. Сочувственное отношение русских революционеров к восстанию не ограничивалось одними лишь словами. Одни, как Потехня, с оружием в руках стали на сторону восставших, другие активно проявляли свою солидарность с ними. Офицер Лотов, в ответ на приказание выступить против поляков, демонстративно перед фронтом сломал саблю; офицеры Давидов и Павлович подали в отставку и были расстреляны; офицеры Рейтерн, Корф и Бентковский покончили самоубийством. Более широкую огласку получил расстрел по суду в Модлинской (Ново-Георгиевской) крепости 28 июня 1862 года поручика Арнольда, подпоручика Сливицкого и унтер-офицера, обвиненных в оскорблении величества, в ложном и злом интерпретировании крестьянской реформы и, наконец, в осуждении действий правительства в Польше и в призыве солдат к неповиновению властям.

„Земля и Воля“ во всех этих выступлениях русских революционеров принимала более или менее активное участие до тех пор, пока во главе восстания стояли демократические элементы. Это продолжалось недолго. „Красных“ в руководстве восстания сменили белые, по преимуществу крупные землевладельцы, свои классовые интересы ставившие выше интересов родины, ради которой было поднято восстание, и потому отказавшие крестьянству в наделении его землею.

Это предрешило отношение к восстанию демократических элементов, а тем более партии „Земля и Воля“. Герцен, Огарев и другие, ранее сочувствовавшие восстанию, начали колебаться в своем сочувствии и сомневаться в том, правильно ли они действовали, призывая русскую интеллигенцию поддерживать восставших. Этот момент был успешно использован известным реакционером Михаилом Катковым, весьма талантливым публицистом. Он яростно напал на русскую демократию, поддерживавшую в Польше отъявленных аристократов, и добился цели. Симпатии к Польше сменились отрицательным отношением к ней, и царскому правительству была представлена полная возможность через своих агентов — лютого генерала Берга и получившего громкую известность Муравьева-вешателя—подавить восстание.

Прерванная на время боевая связь русских революционеров с польскими вскоре возобновилась, с той лишь разницей, что не русские принимали участие в польском движении, а поляки в русском.

Весной 1863 года во внутренних губерниях России,—главным образом, в Поволжье,—был распространен поддельный царский манифест, которым объявлялась свобода крестьянам, передача им всей земли без всякого выкупа, отменялась постоянная армия, солдаты освобождались от военной службы и увольнялись домой, с тем, чтобы по месту их жительства им был отведен земельный надел. Сверх того, этим манифестом отменялись подушные подати, военный набор, приказывалось провести избрание начальников уездов и губерний, и в заключение крестьяне призывались к восстанию против властей, если они осмелятся идти наперекор этим предписаниям манифеста. Вся эта кампания должна была закончиться вооруженным восстанием в Казани в момент прибытия туда партии высылаемых в Сибирь поляков-повстанцев. Согласно выработанному плану, к этому времени должно было приехать в Казань около 100 революционеров, которые вместе с местной молодежью должны были устроить нападение на конвой, отбить арестованных поляков и при их помощи занять пороховые погреба, арсенал, губернскую кассу и начать военные действия, передвигаясь по направлению к Москве по побережью Волги и Оки.

Этого плана не удалось осуществить. Власти еще до выступления революционеров узнали о заговоре, и началась

расправа. Сотни поляков и русских погибли: часть была расстреляна, часть сослана на каторгу.

Тем не менее начавшегося движения уже нельзя было остановить. Несколько месяцев спустя после расстрела одного из главных вожakov этого движения—Черняка,—в Петербурге была привлечена к ответственности группа революционеров, в том числе известный публицист Писарев, по обвинению в составлении, напечатании и распространении противоправительственных воззваний и брошюр, в организации заговора и создании первой в России нелегальной типографии.

Главную роль в этом деле играл не Писарев, а студент Баллод. Писареву, согласно приговора, вменялось в вину „составление возмутительной статьи, преисполненной дерзких и оскорбительных выпадов и против правительства, и против священной особы самого государя императора“.

Обвинение Баллода носило другой характер. Он приговорен был к каторжным работам (Писарев же только к двум годам восьми месяцам крепости) за участие в заговоре против правительства, в устройстве тайной типографии, в печатании в ней „противоправительственных сочинений и в распространении их посредством подкидывания“.

На этих „сочинениях“ необходимо остановиться для того, чтобы проследить постепенное развитие революционной мысли, прокладывавшей себе русло, то откидываясь в сторону, то вновь выпрямляя свое направление.

Характерно, что и в этих „сочинениях“ главная роль отводится молодежи, и эти „сочинения“ обращены к ней, причем впервые отмечается, хотя и без соответствующей терминологии, классовый антагонизм правящих и трудящихся.

„Россия,—гласит это „сочинение“, озаглавленное „Молодая Россия“,—вступает в революционный период своего существования. Проследите жизнь всех сословий, и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые, следовательно, стоят враждебно одна к другой.

Снизу слышится глухой и затаенный ропот народа, народа, угнетаемого и ограбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти, народа, который грабят чиновники и помещики, продающие ему его же собственность—землю, царь, увеличивающий более чем вдвое прямые и косвенные подати и

употребляющий полученные деньги не на пользу государства, а на увеличение распутства двора, на приданое своим любовницам и на награду холопов, прислуживающих ему, да на войско, которым хочет оградиться от народа.

Опираясь на сотни тысяч штыков, царь отрезывает у большей части народа (у казенных крестьян) землю, полученную ими у своих отцов и дедов, делает это в видах государственной необходимости и в то же время, как бы в насмешку над бедным, ограбляемым крестьянином, дает по несколько тысяч десятин генералам, покрывшим русское оружие неуязвимою славою побед над безоружными толпами крестьян, чиновникам, вся заслуга которых—немилосердный грабеж народа, тем, которые умеют ловчее подать тарелку, налить вина, красивее танцуют, лучше льстят.

Это—всеми притесняемая, всеми оскорбляемая партия, партия—народ.

Сверху над нею стоит небольшая кучка людей, довольных, счастливых. Это—помещики, предки которых, или они сами, были награждены населенными имениями за свою прежнюю холопскую службу. Это—потомки бывших любовников императриц, щедро одаренные при отставке. Это—купцы, нажившие себе капиталы грабежом и обманом; это—чиновники, накрававшие себе состояния. Одним словом, все имущие, все, у кого есть собственность родовая или благоприобретенная воровством. Ни он без нее, ни она без него существовать не могут. Падет один—уничтожится и другая. В настоящее время партия либеральничает, обиженная отнятием у нее права на даровую работу крестьян, ругает государя, требует конституции, но не бойтесь: она и царь неразрывно соединены между собою, и звеном соединения—собственность. Она понимает, что всякое народное революционное движение направлено против собственности, и потому в минуту восстания окружит своего естественного представителя—царя. Это—партия императорская.

Между этими двумя партиями издавна идет спор—спор, почти всегда кончавшийся не в пользу народа. Но едва проходило несколько времени после поражения, народная партия снова выступала. Сегодня забитая, засеченная, она завтра встанет вместе с Разиным за всеобщее равенство и республику русскую, с Пугачевым—за уничтожение чиновничества,

за надел крестьян землею. Она пойдет резать помещиков, как было в восточных губерниях в 30-х годах, за их притеснения.

К этой безурядице, к этому антагонизму партий,—антагонизму, который не может прекратиться, пока будет существовать современный экономический порядок, при котором немногие, владеющие капиталами, являются распорядителями участи остальных,—присоединяется и невыносимый общественный гнет, убивающий лучшие способности современного человека.

В современном общественном строе, в котором все ложно, все нелепо: от религии, заставляющей веровать в несуществующее, в мечту разгоряченного воображения—бога, и до семьи, ячейки общества, ни одно из оснований которой не выдерживает даже поверхностной критики; от узаконения торговли, этого организованного воровства, и до признания за разумное положение работника, постоянно истощаемого работою, от которой получает выгоды не он, а капиталист; женщины, лишенной всех политических прав и поставленной наравне с животными.

Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы,—один: революция, революция кровавая и немолчаливая, революция, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка.

Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы; мы предвидим все это—и все-таки приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы скорее она, давно желанная.

Понимает необходимость революции инстинктивно и масса народа, понимает и небольшой кружок наших действительно передовых людей... и вот из среды их выходят один за другим эти предтечи революции и призывают народ на святое дело восстания, на расправу со своими притеснителями, на суд с императорской партией. Расстреливание за непонимание дурацких положений 19 февраля, работа в рудниках за указание безнадежности настоящего положения, ссылка в отдаленные губернии, ссылка гуртом в каторжные работы за

публичное заявление своего мнения, за молитву в церквях поубитым,—вот чем отвечает императорская партия им.

Императорская партия, думаете вы остановить этим революцию, думаете запугать революционную партию, или до сих пор вы не поняли, что все эти ссылки, аресты, расстреливания, засечения насмерть мужиков ведут к собственному же вашему вреду, усиливают ненависть к вам и заставляют теснее и теснее смыкаться революционную партию; что за всякого члена, выхваченного вами из ее среды, ответите вы своими головами?!

Больше же ссылок, больше казней! Раздражайте, усиливайте негодование общественного мнения, заставляйте революционную партию опасаться каждую минуту за свою жизнь; но только помните, что всем этим ускорите революцию, и что, чем сильнее гнет теперь, тем беспощаднее будет месть.

Революции все способствует в настоящее время: волнение Польши и Литвы, финансовый кризис, увеличение налогов, окончательное разрешение крестьянского вопроса весной 1863 года, когда крестьяне увидят, что они кругом обмануты царем и дворянами; а тут еще носятся слухи о новой войне, поговаривают, что государь поздравил уже с нею гвардию. Начнется война, потребуются рекруты, произведутся займы,—и Россия дойдет до банкротства. Тут-то и вспыхнет восстание, для которого достаточно будет незначительного повода“.

Переходя затем к тому, чего добивается революционная партия, „Молодая Россия“ формулирует следующие требования:

„Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки национального и областных собраний. На сколько областей распадается земля русская, какая губерния войдет в состав какой области,—этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос.

Каждая область должна состоять из земледельческих общин, все члены которой пользуются одинаковыми правами.

Всякий человек должен непременно приписаться к той или другой из общин; на его долю, по распоряжению мира, назначается известное количество земли, от которой он, впрочем, может отказаться или отдать ее в наем. Ему предоста-

вляется также полная свобода жить вне общины и заниматься каким угодно ремеслом, только он обязан вносить за себя ту подать, какая назначается общиной.

Земля, отводимая каждому члену общины, отдается ему не в пожизненное пользование, а только на известное количество лет, по истечении которых мир производит передел земель. Все остальное имущество членов общины остается неприкосновенным в продолжение их жизни, но по смерти делается достоянием общины.

Мы требуем, чтобы все судебные власти выбирались самим народом; требуем, чтобы общинам было предоставлено право суда над своими членами во всех делах, касающихся их одних.

Мы требуем, чтобы, кроме национального собрания, составленного из выборных всей земли русской, которое должно собираться в столице, были бы и другие — областные собрания в главном городе каждой области, составленные только из одних представителей последней. Национальное собрание решает все вопросы иностранной политики, разбирает споры областей между собою, вотирует законы, наблюдает за исполнением прежде поставленных, назначает управителей по областям, определяет общую сумму налога. Областные собрания решают дела, касающиеся до одной только той области, в главном городе которой они собираются.

Мы требуем правильного распределения налогов; желаем, чтобы они падали всею своею тяжестью не на бедную часть общества, а на людей богатых. Для этого мы требуем, чтобы национальное собрание, назначая общую сумму налога, распределило бы его только между областями. Уже областные собрания разделяют его между общинами, а сами общины в полном своем собрании решают, какую подать должен платить какой член ее, причем обращается особое внимание на состояние каждого, — одним словом, вводится налог прогрессивный.

Мы требуем заведения общественных фабрик, управлять которыми должны лица, выбранные от общества, обязанные по истечении известного срока давать ему отчет; требуем заведения общественных лавок, в которых продавались бы товары по той цене, которой они действительно стоят, а не по той, которую заблагорассудится назначить торговцу для своего скорейшего обогащения.

Мы требуем общественного воспитания детей, требуем содержания их на счет общества до конца учения. Мы требуем также содержания на счет общества больных и стариков, — одним словом, всех, кто не может работать для снискания себе пропитания.

Мы требуем полного освобождения женщины, дарования ей всех тех политических и гражданских прав, какими будут пользоваться мужчины; требуем уничтожения брака как явления в высшей степени безнравственного и немислимого при полном равенстве полов, а следовательно — и уничтожения семьи, препятствующей развитию человека, и без которого немисливо уничтожение наследства.

Мы требуем уничтожения главного притона разврата — монастырей, мужских и женских, — тех мест, куда со всех концов государства стекаются бродяги, дармоеды, люди, ничего не делающие, которым приятен даровой хлеб и которые в то же время желают провести всю свою жизнь в пьянстве и разврате. Имущества как их, так и всех церквей должны быть отобраны в пользу государства и употреблены на уплату долга внутреннего и внешнего.

Мы требуем увеличения в больших размерах жалованья войску и уменьшения солдату срока службы. Требуем, чтобы по мере возможности войско распускалось и заменялось национальной гвардией.

Мы требуем полной независимости Польши и Литвы как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией.

Мы требуем доставления всем областям возможности решить по большинству голосов: желают ли они войти в состав федеративной республики русской“.

Составители этой программы отдают себе ясный отчет в том, что для осуществления этих требований „революционная партия должна захватить диктатуру в свои руки“ и провести выборы в национальное собрание, с тем, „чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка, если только они останутся живы“.

Останавливаясь на вопросе о тех силах, на которые рассчитывает революционная партия, „Молодая Россия“ пишет:

„Мы надеемся на народ; он будет с нами, в особенности старообрядцы, а ведь их несколько миллионов. Забитый и

ограбленный крестьянин станет вместе с нами за свои права, он решит дело, но не ему будет принадлежать инициатива, а войску и нашей молодежи“.

О рабочих в воззвании не упоминается ни единым словом.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению, необходимо остановиться еще на одном документе. Хотя он захвачен был жандармами еще в рукописи и, следовательно, распространить его не удалось, но для характеристики тогдашней революционной мысли этот документ имеет огромное значение, так как написан Н. Г. Чернышевским.

Это воззвание к „барским крестьянам“, — воззвание, вскрывающее перед крестьянами сущность пресловутого освобождения, пророчески предсказывающее ту кабалу, которая ждет крестьянина в связи с этим „освобождением“.

„А не знал царь, что ли, какое он дело делает? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать? Значит, знал. Но и рассудите, чего нам надеяться на него? Не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно. А почему не дождетесь от него, тоже рассудить можно. Сам-то он кто такой, коли не тот же помещик?“

Вслед за этим идет противопоставление тому, что происходит в России, тогдашних политических условий во Франции, Англии, Швейцарии, — увы, с представлением политического строя Запада как идеала.

В заключение Чернышевский ставит вопрос: „А как же нам, русским людям, и вправду вольными людьми стать?“ Ответ на этот вопрос весьма характерен, но, к сожалению, далеко не тот, какого можно было ожидать от Чернышевского: „Надо мужикам всем промеж себя согласие иметь, чтобы заодно быть, когда пора будет. И покуда пора не пришла, надо силу беречь, себя напрасно в беду не вводить, значит спокойствие сохранять и виду никакого не показывать“, — и т. д. в этом роде.

Великий ученый отнюдь не был столь же великим революционером. И тем бессмысленнее та расправа, какую учинил над ним царский суд...

Тов. М. Н. Покровский, в связи с такой постановкой вопроса, считает Чернышевского „родоначальником меньшевистской тактики“. Вряд ли с этим можно согласиться. Но прав, несомненно, т. Покровский, когда подчеркивает, что тогдашняя русская интеллигенция уперлась в наивную веру в социа-

лизм той самой общины, которую чиновники царского правительства правильно считали гарантией от социализма.

Безусловно, правильно и объяснение этого обвинения. „Представители свободных профессий — это, по роду своего труда, типичные ремесленники, типичные работники-одиночки“, а, поскольку тогдашняя интеллигенция была таковой, она не могла воспринять „пролетарского социализма“ и „искала того социализма, который ей был понятен“.

„В области литературы они находили его у Фурье и Прудона — Прудона, который буквально царствует над идеологией всего русского социализма в течение всей середины XIX века. Это были люди, видевшие воображаемый социализм, мелкобуржуазный социализм, в русской общине крестьянской, в поземельной общине. Вот откуда родилось это мировоззрение наших социалистов-народников 40-х — 70-х годов“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Рассмотренное нами в первой главе направление социалистической мысли господствовало, как и указал т. Покровский, весьма продолжительное время и изменялось лишь в том отношении, что вслед за декларативно-программными выступлениями наступил переход от слов к делу.

В этом отношении в высшей степени характерно совершенное 4 (16) апреля 1866 года покушение Дмитрия Каракозова на Александра II.

Когда непосредственно после покушения уцелевший царь спросил Каракозова: „За что ты в меня стрелял?“, Каракозов ответил: „За то, что ты обещал крестьянам волю и землю — и обманул“.

Этот ответ прямо указывает на то, что Каракозов, в первую очередь, был „народником“. Но он и его группа все же во многих отношениях отличались от „народников“.

С этой группой необходимо ознакомиться.

Еще в 1863 г. в Москве организовался кружок социалистической молодежи — последователей Прудона, весьма энергично принявшийся за работу: организовывались школы, всякого рода товарищества (переплетчиков, портных, переводчиков, взаимной помощи); были даже сделаны шаги с целью основать фабрику в Можайском уезде и промышленное заведение,

с тем, чтобы во всех этих учреждениях вести работу на социалистических началах. Организационного устава этот кружок не успел выработать, в программе основным являлось требование национализации земли, причем в качестве цели фигурировало стремление, с одной стороны, к „экономическому перевороту“, с другой — к „социальной революции“. Какое содержание вкладывал кружок в эти термины — неизвестно, поэтому в настоящее время невозможно установить, что подразумевалось под этими терминами.

С течением времени московский кружок установил связь с такого же характера кружками в Петербурге и в других городах России, а также с эмигрантами за границей.

Условия тогдашней российской действительности повлияли на то, что в этих кружках образовались две фракции: фракция мирных пропагандистов, считавших, что переворот может быть совершен не сразу, а постепенно, и фракция сторонников немедленного переворота путем дезорганизации правительства, — в частности, путем цареубийства.

Это коренное расхождение между обеими фракциями привело к расколу. Из организации, отрицающей путь „дезорганизации правительства“, выделилась небольшая группа и создала свою организацию „Ад“, связавшуюся с иностранными анархистами, обещавшими ей свое содействие.

Устав „Ада“ полностью отвечал настроению его организаторов. Член организации, уклоняющийся от выполнения ее постановлений, мог быть подвергнут смертной казни. Совершивший покушение немедленно после совершения такового должен был отравиться, для того, чтобы этим обезопасить организацию даже от невольного предательства, вызванного пытками и т. д. и т. п.

Цареубийство было краеугольным камнем деятельности „Ада“, причем, по плану, вслед за цареубийством должны были быть вызваны волнения и совершен переворот.

Каракозов был членом организации „Ад“ и совершил покушение по ее предписанию.

Покушение не удалось. Возле Каракозова очутился субъект по фамилии Комиссаров, который в момент выстрела толкнул в руку Каракозова, и пуля пролетела мимо царя. Каракозов был схвачен, предан суду, приговорен к смерти и 3 (15) сентября 1866 г. казнен.

Месяц спустя, 15 октября, начался суд над 34 товарищами Каракозова по организации. Некоторые из них, в числе других обвиняемых, были приговорены к каторжным работам за содействие побегу Ярослава Домбровского, который впоследствии принял активное участие в Парижской Коммуне.

После покушения Каракозова царское правительство круто повернуло вправо. В июне был издан царский манифест, призывавший дворянство и все „благонадежные элементы общества поддержать правительство в борьбе с революционерами, угрожающими частной собственности и религии и превратно истолковывающими лучшие намерения правительства“.

Комедия реформ кончилась. Лучшие издания были закрыты, чиновники-либералы заменены крайними реакционерами, на университетскую молодежь обрушились жесточайшие репрессии.

Такая политика правительства привела к результатам, прямо противоположным тем, на какие рассчитывало правительство. Анархизм и бланкизм, первым проявлением которого была организация „Ад“, в связи с этим заметно усилились. В 1868 году появляется подпольное издание „Народное Дело“, отражающее взгляды международного анархизма. Требования группы руководителей этого органа, находившейся в постоянной связи с Бакуниным и всецело подчинившейся его влиянию, сводились к следующим основным пунктам: отмена наследственной собственности; равноправие женщин, общественное воспитание детей; передача земли сельским общинам и орудий производства рабочим сообществам; будущее общество должно состоять из свободных земельных и промышленных сообществ, находящихся друг с другом в федеративной связи; государственная организация, как таковая, должна быть уничтожена. Другими словами, „Народное Дело“ проводило на своих столбцах бакунинскую идею „свободной федерации свободных общин“.

На почве этих взглядов развил свою деятельность Нечаев, приехавший в Россию 15 января 1869 года из-за границы в качестве эмиссара международного революционного комитета с определенной целью организовать в России вооруженное восстание. По его инициативе и под его руководством возникла организация под названием „Народная расправа“, или „Общество топора“, о целях и тактике которой дают

точное представление следующие приводимые нами полностью документы:

„Отношение революционера к самому себе.

§ 1. Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией.

§ 2. Он в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями и нравственностью этого мира. Он для него — враг беспощадный, и если б он продолжал жить в нем, то для того только, чтобы его вернее разрушить.

§ 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирской науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку — науку разрушения. Для этого и только для этого он изучает теперь механику, физику, химию, пожалуй, медицину. Для этого изучает денно и ночью живую науку людей, характеров, положений и всех условий настоящего общественного строя во всех возможных слоях. Цель же одна — наискорейшее разрушение (этого) поганого строя.

§ 4. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех пробуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что помешает ему.

§ 5. Революционер — человек обреченный, беспощаден для государства и вообще для всего сословно-образованного общества; он и от них не должен ждать для себя никакой пощады. Между ними и им существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и смерть. Он должен приучить себя выдерживать пытки.

§ 6. Суровый для себя, он должен быть суровым и для других. Все нежные, изнеживающие чувства родства, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодной страстью революционного дела. Для него существует только одна нега, одно утешение, вознаграждение и удовлетворение — успех революции. Денно и ночью

должна быть у него одна мысль, одна цель — беспощадное разрушение. Стремясь хладнокровно и неумолимо к этой цели, он должен быть готов и сам погибнуть и погубить своими руками все, что мешает ее достижению.

§ 7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение. Революционная страсть, став в нем обыденною, ежеминутно должна соединяться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции.

Отношение революционера к товарищам по революции.

§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционером, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции.

§ 9. О солидарности революционеров и говорить нечего. В ней вся сила революционного дела. Товарищи революционеры, стоящие на одинаковой ступени революционного понимания и страсти, должны, по возможности, обсуждать все крупные дела вместе и решать единодушно. В исполнении таким образом решенного плана каждый должен рассчитывать, по возможности, на самого себя. В выполнении ряда разрушительных действий каждый должен делать сам и прибегать к совету и помощи товарищей только тогда, когда это для успеха необходимо.

§ 10. У каждого товарища должно быть под рукой несколько революционеров второго и третьего разрядов, т. е. не совсем посвященных. На них он должен смотреть как на часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение. Он должен экономически тратить свою часть капитала, стараясь всегда извлечь из него наибольшую пользу. На себя он смотрит как на капитал, обреченный на трату для торжества революционного дела, только как на такой капитал, которым он сам и один без согласия всего товарищества вполне посвященных распоряжаться не может.

§ 11. Когда товарищ попадает в беду, — решая вопрос, спасти его или нет, революционер должен соображаться не с какими-нибудь личными чувствами, но только с пользой революционного дела. Поэтому он должен взвесить пользу, приносимую товарищем, с одной стороны, а с другой — трату революционных сил, потребных на избавление, и на какую сторону перетянет, так и должен решить.

Отношение революционера к обществу.

§ 12. Принятие нового члена, заявившего себя не на словах, а на деле, в товарищество не может быть решено иначе, как единодушно.

§ 13. Революционер вступает в государственный, сословный, так называемый образованный мир и живет в нем только с верой в его полнейшее скорейшее разрушение. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться пред истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, — все и всё должны быть ему равно ненавистны. Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские и любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку.

§ 14. С целью беспощадного разрушения революционер может и даже часто должен жить в обществе, притворяясь совсем не тем, что есть. Революционер должен проникнуть всюду, во все низшие и средние сословия, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, в III отделение и даже в Зимний дворец.

§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий: первая категория — неотлагая осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так, чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих.

§ 16. При составлении таких списков и для установления вышереченного порядка должно руководствоваться отнюдь не личным злодейством человека, ни даже ненавистью, возбуждаемой им в товариществе или в народе. Это злодейство и эта ненависть могут быть даже отчасти полезными, способствуя

к возбуждению народного бунта. Должно руководствоваться мерой пользы, которая должна произойти от его смерти для революционного дела. Итак, прежде всего должны быть уничтожены люди, особенно вредные для революционной организации, а также внезапная и насильственная смерть которых может навести наибольший страх на правительство и, лишив его умных и энергичных деятелей, потрясти его силу.

§ 17. Вторая категория должна состоять из таких людей, которым даруют только временно жизнь, чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта.

§ 18. К третьей категории принадлежит множество высокопоставленных скотов, или личностей, не отличающихся ни особенным умом, ни энергией, но пользующихся по положению богатством, связями, влиянием, силой. Надо их эксплуатировать всевозможными манерами, путями; опутать их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Их власть, влияние, связи, богатство и сила сделаются, таким образом, неисчерпаемой сокровищницей и сильной помощью для разных предприятий.

§ 19. Четвертая категория состоит из государственных честолюбцев и либералов с разными оттенками. С ними можно конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем прибирать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их до-нельзя, так, чтобы возврат для них был невозможен, и их руками мутить государство.

§ 20. Пятая категория — доктринеры, конспираторы, революционеры, все праздноглаголющие в кружках и на бумаге. Их надо беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практические головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих.

§ 21. Шестая и важная категория — женщины, которых должно разделить на три главных разряда: одни — пустые, обезмысленные, бездушные, которыми можно пользоваться, как третьей и четвертой категориями мужчин; другие — горячие, преданные, способные, но не наши, потому что не доработались еще до настоящего бесстрастного и фактического революционного понимания; их должно употреблять, как мужчин пятой категории; наконец, женщины совсем наши,

т.-е. вполне посвященные и принявшие всецело нашу программу. Мы должны смотреть на них как на драгоценнейшие сокровища наши, без помощи которых нам обойтись невозможно.

Отношение товарищества к народу.

§ 22. У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, т.-е. чернорабочего люда. Но, убежденное в том, что это освобождение и достижение этого счастья возможны только путем всесокрушающей народной революции, товарищество всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобращению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и понудить его к поголовному восстанию.

§ 23. Под революцией народное товарищество понимает не регламентированное движение по западному классическому образу — движение, которое всегда, останавливаясь перед ответственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде ниспровержением одной политической формы для замещения ее другой и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции порядка и классы России.

§ 24. Товарищество поэтому не намерено навязывать народу какую бы то ни было организацию сверху. Будущая организация, без сомнения, вырабатывается из народного движения и жизни. Но это — дело будущих поколений. Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.

§ 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против дворянства, против чиновничества, против попов, против гильдейского мира и против кулака-мироеда. Но соединимся с диким разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России.

§ 26. Сплотить этот мир в одну непобедимую, всесокрушающую силу — вот вся наша организация, конспирация, задача“.

Перейдем к обрисовке деятельности „Народной расправы“. До мая деятельность лучших организаторов была сосредоточена в университетских центрах — в Петербурге, Москве и др. В это время университетская молодежь, под влиянием нечаевцев, выступила с целым рядом протестов, направленных на то, чтобы добиться свободы собраний. В мае члены „Народной расправы“ должны были развить деятельность в губернских и уездных городах и, главным образом, воздействовать на семинаристов, интеллигенцию и неимущую часть населения. Наконец, в октябре все столичные и губернские деятели должны были перенести свою деятельность в деревню.

Нечаев оказался блестящим организатором. Революционные кружки появились в Ярославле, в Иваново-Вознесенске и в нескольких более мелких центрах; он привлек впервые в России в эти кружки несколько человек рабочих.

Деятельность эта была прервана в самом начале в связи с событием, в то время произведшим потрясающее впечатление и использованным Достоевским в „Бесах“ для оклеветания революционеров.

Один из членов организации — студент Иванов — уклонился от выполнения поручения, данного ему Нечаевым якобы от имени комитета. Нечаев, опасаясь, чтобы это нарушение дисциплины не отразилось губительно на организации, приговорил его от имени комитета к смерти, и этот приговор был самым жесточайшим образом приведен им в исполнение при содействии Успенского, Николаева и др.

Это убийство повлекло за собой массовые аресты. Более трехсот человек оказалось за тюремной решеткой. Из них 87 человек было предано суду. Нечаев скрылся и бежал в Швейцарию, но, как обвиняемый в уголовном преступлении, был выдан России.

Суд над ним состоялся 8 января 1873 г. На суде с первого же момента до самого конца процесса Нечаев вел себя геройски:

„Рабом вашего деспота я быть перестал. Да здравствует земский собор!“

„За русским судом права судить меня не признаю“.

„Я подсудимым себя не считаю“.

„Правительство может отнять у меня жизнь, но честь останется при мне“.

„Это Шемякин суд“.

„Да здравствует собор! Долой деспотизм!“.

Все эти возгласы сыпались на голову суда. Нечаева уводили из зала суда, вновь приводили... Он не унимался и, кроме этих возгласов, суд не услышал от него ни единого слова.

Так как Швейцария выдала его как уголовного, то всякое указание на политический характер убийства Иванова было судом, рабски исполнявшим волю царскую, совершенно устранено, и Нечаев был „признан виновным в том, что, возмев из личной ненависти намерение лишить жизни слушателя Петровской академии Иванова, подговорил других четырех лиц, сосланных уже за это преступление в каторжные работы, совершить это убийство, привел задуманное намерение в исполнение“—и т. д.

Четыре человека, о которых упоминает решение суда, осуждены как политические, а Нечаева судили как уголовного...

Вынесенный ему приговор гласил:

„Лишив всех прав состояния, сослать в каторжные работы на двадцать лет“.

Как только кончился суд, царское правительство перестало разыгрывать комедию, и Нечаев как политический был заключен в Петропавловскую крепость. Нечаев и здесь оставался верным себе. В самой крепости он ни на минуту не прекращал революционной работы. Единственным элементом, на который он мог воздействовать в тюрьме, были караулившие его солдаты.

Он их распропагандировал, через них установил связь с действующими на воле революционерами, в частности с Желябовым, которому он представил из тюрьмы проект овладения Петропавловской крепостью и освобождения заключенных. Это было в 1880 г. Исполнительный комитет партии „Народная воля“ готовил в это время покушение на Александра II. Выполнение плана Нечаева могло помешать этому, и Исполнительный комитет решил ознакомить Нечаева со своими намерениями. Нечаев признал, что убийство царя в данный момент имеет более важное значение, и от своих планов отказался. Такое положение обрекало его самого на верную гибель, но это его не остановило.

Вскоре связь Нечаева с караулившими его солдатами была обнаружена. Солдат арестовали, судили и сослали на поселение в отдаленнейшие местности Восточной Сибири.

С этого момента связь Нечаева со всем живым миром прекратилась навсегда. Когда из Петропавловской крепости переводили заключенных в Шлиссельбург, Нечаева в их числе не оказалось. В Петропавловке его тоже не было. В революционном мире в то время ходили слухи, что царское правительство воспользовалось случаем без шума избавиться от него и что он был убит жандармами на пути из Петропавловки в Шлиссельбург.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Говоря о партии „Народная расправа“, мы уже указывали на то, что она находилась под влиянием Бакунина. Влияние последнего на направление русского революционного движения продолжалось целый ряд лет, но различными группами оно воспринималось различно. „Современные анархисты,— читаем мы у Г. В. Плеханова,— относятся, как известно, весьма отрицательно к материалистическому объяснению истории. Оно кажется им одной из ошибочных и вредных „догм“ марксизма. Не так смотрел на этот вопрос Бакунин. Он называл теорию исторического материализма великим открытием и неоспоримой заслугой автора „Капитала“. Такое отношение Бакунина к этой теории разделялось первоначально и многими его учениками. В народнический период моего развития я, как и все наши народники, находился под сильным влиянием сочинений Бакунина, из которых я и вынес великое уважение к материалистическому объяснению истории. Бакунин из этого материалистического объяснения истории делал следующий вывод: „Если политические отношения всякого данного общества основываются на его экономических отношениях, то „политика“ ни в каком случае не может служить средством освобождения пролетариата; занимаясь „политикой“, социалисты изменяют делу рабочего класса, который может свергнуть иго капитализма только путем экономической революции“. На основании этого соображения Бакунин и его последователи горячо и упорно восставали против того параграфа в уставе Международного Товарищества Рабочих (I Интернационала), который

гласит, что *политическая борьба должна служить средством достижения великой цели современного сознательного пролетариата*“.

К этой характеристике, данной Плехановым, нам остается прибавить весьма немногое.

Бакунин первый бросил лозунг—„в народ“. „Итти в народ“, по Бакунину, значило итти будить в народе сознание его стихийной силы с целью вызвать то здесь, то там—где удастся—вспышки и волнения, приучать массы к бунту, вызывать ненависть к помещикам. Но, будя эту стихийную силу, Бакунин отнюдь не стремился использовать движение масс для политического переворота. Он противник не только данной, но всякой формы государства. Разбуженные силы народа должны быть направлены против привилегированного сословия: дворянства и чиновничества.

Эта цель, по мнению Бакунина и бакунинцев, легко достигается, так как народ уже в любой момент готов к революционным выступлениям, причем он обладает весьма важной способностью: самостоятельно организовать после революционного переворота. Революционерам незачем учиться и подготавливаться к хождению в народ, так как им нечему учить народ: он отдает себе отчет в своих страданиях и знает, где источник этих страданий.

Что касается организации, то система Бакунина представляла прямую противоположность нечаевской. Он противник централизации. По его мнению, все должно быть основано на принципах федерации, что дает простор самостоятельности каждой группы и устраняет крайне нежелательное подчинение группы людей иной раз воле даже одного человека.

Плеханов говорит, что *все народники находились под влиянием Бакунина*. Это не совсем верно. Огромным влиянием среди народников того времени пользовался и *Петр Лаврович Лавров* (Миртов, автор знаменитых „Исторических писем“, которыми в свое время зачитывалась молодежь).

Лавров исходил из того, что „критически мыслящие личности“—интеллигенция—являются основной силой общественного прогресса. Он во многом радикально расходился с Бакуниным, но, не желая вносить раскола в революционные ряды, в начале выступил не со своей, а с компромиссной программой, рассчитывая на почве этого компромисса добиться согла-

шения, и только после того, как это соглашение не состоялось, он выступил во „Вперед“ со своей собственной программой, в которой он подчеркивает две общечеловеческие цели. Первая цель—борьба реального мировоззрения с духовным: науки с религией. Вторая цель—это борьба труда против использования его плодов тунеядцами: борьба рабочего против эксплуатирующих его классов; борьба свободного товарищества—ассоциации—против принудительной государственности,—другими словами, борьба за осуществление самого справедливого социального строя.

Первая из этих целей, по мнению Лаврова, не имеет большого значения, так как религиозность русского общества уже сильно расшатана и, наоборот, вторая цель требует величайшего напряжения сил. Объединение рабочих в свободный союз—ассоциацию—и введение нового социального строя на развалинах ранее существовавшего—вот единственное средство, ведущее к этой цели.

На вопрос, как достигнуть этого, „Вперед“ дает уклончивый ответ: цель эта может быть достигнута, если *тем или другим* образом будет организовано общерабочее движение.

Не менее неопределенную позицию занимает „Вперед“ и в других весьма важных вопросах, не исключая весьма сложного и в то время вызывавшего огромные споры вопроса—об отношении социалистического движения к политике. Вопрос об участии рабочих в политическом движении Лавров оставлял открытым. Он охотно готов был воспользоваться содействием тех, которые думают, что желательно использование существующих политических форм в странах, в которых рабочий класс может захватить в свои руки политическое влияние для того, чтобы перестроить государство законодательным путем, но наряду с этим не отказывался от содействия отвергавших этот путь и утверждавших, что рабочие не должны иметь ничего общего с современным государственным строем и должны ему противопоставлять собственную организацию, которая в соответствующий момент, обладая соответствующей силой, низвергнет революционным путем существующий строй и введет другой. Первых Лавров предупреждал, что рабочим, принимающим участие в политической жизни буржуазных государств, угрожает опасность скатиться на путь уступок и отступлений от своей программы и потонуть в парламентской

болтовне; с другой стороны, он обращал внимание тех, которые единственный путь видели в революции, что они, пропагандируя такой взгляд, принимают на себя обязательство организовать победу.

Из сказанного видно, что Лавров даже в этом важнейшем вопросе не занял определенной позиции, ограничился критическими указаниями как одним, так и другим, но сам не дал на этот вопрос ясного ответа.

Переходя к волновавшим тогда русских революционеров вопросам, Лавров так же, как его предшественники и Бакунин, усматривал в развитии общины переход к социалистическому строю, а наряду с этим, приспособляя первый параграф устава I Интернационала к народническому мировоззрению, он формулу — „освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих“ — заменил формулой: „переустройство русского общества должно быть произведено не только для блага народа, но и самим народом“. „Мы не желаем новой власти насилия на место старой, независимо от источника этой новой власти“.

Но Лавров и в другом отношении отличается от Бакунина. Он — сторонник мирной, теоретической пропаганды. По его мнению, только когда ход исторических событий укажет на момент переворота и на готовность народа совершить его, можно этот народ призвать к восстанию. По всей вероятности (!!!), революция неизбежна, но никто не в состоянии предсказать момент, когда она вспыхнет, а взрыв революции может наступить тем скорее, неожиданнее, чем больше будут сосредоточены в одном месте и в одном лице все функции русского государства. Исходя из этого, Лавров призывал готовиться к этому моменту, учиться, закаляться, готовить к нему народ, указывать ему на его действительные потребности, разъяснять его права и обязанности, вселять в него уверенность в своих силах, а когда уже пробьет момент революции, — идти на борьбу вместе с народом, не считаясь ни с личными жертвами, ни с жертвами, которые понесет народ. Из сказанного видно, что Лавров являлся противником проповедуемых Бакуниным стихийных бунтов и бунтарской агитации, что он считал необходимой систематическую пропаганду и поднятие умственного уровня народа под влиянием развитых и образованных пропагандистов.

Указанные взгляды лишь впоследствии нашли более широкое распространение, и этим объясняется утверждение Плеханова, что все народники были под влиянием Бакунина. В первое время он всецело владел умами революционеров, что объясняется традиционной верой революционеров в народ, в живущие в его сознании чуть ли не социалистические идеалы, якобы созданные в нем самой жизнью. При таких условиях народ, по мнению революционеров, вовсе не нуждался в том, чтобы его чему-то учили. Наоборот, у него следовало учиться.

В одном лишь сходились Бакунин и Лавров — в отрицании централистской организации.

Сторонником такой организации был третий выдающийся эмигрант — *Петр Никитич Ткачев*, один из участников процесса Нечаева, сосланный в Псковскую губернию и оттуда бежавший за границу.

„Очень скоро выясняется, — пишет по этому поводу тов. Н. Н. Попов, — что успешное крестьянское революционное движение без централизованного аппарата руководства, без крепкой организации совершенно невозможно. Революционеру-бунтарю нечего противопоставить царскому полицейскому аппарату. И тогда возникает идея о необходимости *централизованной и сплоченной революционной организации*, которая одна в состоянии нанести смертельный удар царизму, если она только сумеет стать в центре революционного движения. Сторонником этой идеи, защищавшейся в Западной Европе якобинцами и бланкистами, являлся один из крупнейших и замечательнейших революционеров того времени — Ткачев, издававший за границей свою газету „Набат“.

Наряду с этим приходится отметить, что Ткачев был первым русским марксистом. „Не прошло еще полувека, как буржуазия с апломбом дебютировала на театре человеческого прогресса, а уже теперь она является полной госпожей всего образованного мира. Теперь она все себе поработила, все поглотила, всему дает свой указ, везде распоряжается и повелевает. Орудие ее — капитал“.

Ткачев выступал и против Лаврова и против Бакунина. Подготовка революции, — указывал он Лаврову, — вовсе не дело революционера. Революцию готовят эксплуататоры, капиталисты, помещики, попы, полиция, чиновники, консерваторы, либералы, прогрессисты и т. д. и т. п. Дело

революционера — использовать это. Революционер не подготавливает, а совершает революцию.

Наряду с этим Ткачев резко выступал против бакунинского немедленного разрушения государства. До тех пор, пока не будет установлено полнейшее равенство всех членов общества, об анархии не может быть и речи. Для того, чтобы ввести равенство и братство, прежде всего необходимо изменение нынешних условий существования общества, а затем изменение человеческой природы путем соответственного воспитания. Это могут осуществить только те, кто отдает себе отчет в этом, кто понимает и искренно стремится к такому изменению, — другими словами, это может осуществить только меньшинство. Оно, благодаря своему умственному и нравственному развитию, обладает и должно обладать умственной и моральной властью над большинством.

В описываемый нами период Ткачев пользовался еще меньшим влиянием, чем Лавров, и его идея централизованной организации была воспринята лишь впоследствии, когда революционеры после знаменитого хождения в народ убедились на деле в ее необходимости. Властителем дум, как мы уже отмечали, был в то время Бакунин, и на его лозунг „в народ“, выдвинутый Лавровым лишь два года спустя, откликнулись сотни революционной молодежи.

Из этого, однако, не следует, — как это делает иностранец*) — историк революционного движения в России, — делать ложный вывод, что этот лозунг был навязан России эмигрантами из-за границы. Это неверно. Этот лозунг был органически связан со всем предшествующим движением, логически вытекающим из него, и, как мы уже отметили в предшествующих главах, деятельность в народе, как в городе, так и в деревне, была начата уже в 60-х годах отдельными революционерами. Независимо от этого сам по себе характер социалистического движения не мог не толкнуть революционеров в этом направлении, не мог рано или поздно не поставить перед революционерами вопроса о необходимости войти тем либо другим путем в контакт с массами. Именно это составляло сущность тогдашнего движения.

Успеху и развитию этого движения совершенно неожиданно содействовало само царское правительство.

*) А. Тун.— „История революционного движения в России“.

В начале шестидесятых годов прошлого столетия, благодаря незначительному числу высших учебных заведений в России, а также благодаря тому, что для женщин в России был закрыт доступ в высшие учебные заведения, в швейцарских университетах скопилось весьма много русской молодежи. Правительство, осведомленное через своих агентов о том влиянии, какое имели на эту молодежь эмигранты, издало 21 мая (3 июня) 1873 г. циркуляр, призывающий ее обратно в Россию, под угрозой, в случае отказа, лишиться права возвращения на родину.

Этот циркуляр в высшей степени характерен. Правительство отмечало в нем, что, по его сведениям, вожаки эмиграции организовали в Цюрихе центр революционной пропаганды и употребляют все средства, чтобы „развратить“ молодежь. Под влиянием эмигрантов, — жаловалось правительство, — молодежь забросила ученье и всецело поглощена бесплодной политической агитацией, появились организации самых крайних направлений вроде „Славянского социал-демократического товарищества“, „Славянского центрального революционного комитета“, „Славянской и русской секции Интернационала“ и т. д. В русской библиотеке читались лекции революционного характера: „Пугачевский бунт“, „Французская революция 1870 г.“ и т. п. На рабочих собраниях присутствуют студентки, даже не знающие немецкого языка и поэтому вынужденные довольствоваться только наскоро сделанным тут же переводом произносимых речей, — и т. д. в том же роде, вплоть до обвинения в том (а это было для царского правительства самым существенным), что некоторые студентки ездят по два-три раза в год из Цюриха в Россию и назад, перевозят письма, поручения, прокламации и принимают живейшее участие в преступной пропаганде.

Правительство не ограничилось одним лишь призывом к возвращению. Для того, чтобы ограничить выезд за границу, в России было разрешено женщинам поступать в высшие учебные заведения.

Молодежь на этот раз вняла призыву правительства и массой ринулась в Россию, с тем, чтобы вступить в ряды революционеров и идти „в народ“.

Начался своего рода крестовый поход.

Все, кому не чужды были мысли и чувства, шли в народ. Скоро пропаганда разлилась по всей России. Студенты и кур-

систки, учителя и учительницы, фельдшера и фельдшерицы, врачи и женщины-врачи, служащие, сыновья и дочери аристократии и плутократии, судьи, наконец, офицеры, объединенные одной мыслью, одним стремлением, идут в народ, несут в народ свои знания, чувства, мысли,—одни с тем, чтобы этот народ, признанный ими вполне подготовленным к выступлениям, побудить к ним, другие, чтобы „подготовить“ к выступлениям. Тут и бакунисты, и сторонники Лаврова, и ткачевцы.

Председатель съезда мировых судей—Сергей Филиппович Ковалик, приговоренный впоследствии к каторжной работе по „процессу 193“, объезжает девять губерний и всюду организует кружки пропаганды. Умерший в 1905 году Порфирий Войнаральский, равным образом осужденный по этому же делу, в качестве мирового судьи объезжает поволжские губернии, созывает волостные собрания и читает на этих собраниях доклады о теории и практике социализма, причем жертвует все свое имение, стоимостью 40.000 рублей, на цели революции. Дочь петербургского генерала-губернатора Софья Перовская переходит из одной деревни в другую под видом оспопрививательницы. Прославившийся впоследствии как глава всемирного анархизма князь Петр Кропоткин под видом богомаза посещает ряд деревень и знакомит крестьян с основами социализма. Богатый казак Обухов ведет пропаганду на Дону. Офицеры Кравчинский (более известный под кличкой „Степняк“), Шишко, Рогачев с той же целью переходят из деревни в деревню в Тверской губернии и т. д. и т. д.

Но это движение продолжалось недолго. В 1874 году начались массовые аресты.

Тун из этого делает вывод, что эти массовые жертвы не окупались весьма незначительными результатами, достигнутыми революционерами. Это неверно. Движение „в народ“ дало огромные результаты, обогатило революционеров огромным опытом.

Остановимся прежде всего на том, как велась пропаганда.

Организации не было. Пропаганда велась кружками, а иной раз даже не объединенными в кружки революционерами. Каждый вел работу на свой риск и страх, по личному разумению и усмотрению. Одни сначала знакомились с объектом своего воздействия, а затем уже приступали к пропаганде

среди крестьян, показавшихся им заслуживающими доверия; другие прямо, без всяких приготовлений, являлись в деревню, читали привезенные с собой прокламации, произносили речи; третьи довольствовались разбрасыванием и расклейкой воззваний...

Ни организации, ни минимальной дисциплины, ни единого плана действий не было, а между тем работа заставляла деятелей быть в постоянном общении друг с другом как по вопросу о снабжении друг друга литературой, паспортами и пр. и пр., так и в целях обмена наблюдениями в связи с работой и своим опытом. А так как центра, который мог бы быть связующим звеном между разбросанными по всей России революционерами, не было,—в силу необходимости, все эти революционеры были друг с другом в непосредственной связи. В итоге это была все-таки, помимо воли тогдашних деятелей, весьма своеобразная организация, в которой каждый член действовал по своему личному усмотрению, а за неосторожность одного члена платились все. Это и привело к массовым арестам, но это в результате привело к сознанию необходимости ввести в работу организационное начало.

Это — первое достижение.

Перейдем к другим явлениям. Лозунг „в народ“ объединил всех революционеров независимо от направления. Каждый из отправлявшихся „в народ“ шел уверенный, что ему удастся привить народным массам свои идеи. А на деле, столкнувшись с живой жизнью, с подлинным народом, а не с тем, как он рисовался революционерам в их мечтах и грезах, они вынуждены были считаться с действительностью. „Пропагандист - анархист и пропагандист - государственник, — писал Лангенс, — стали похожи друг на друга, как два куриных яйца“. То же подтверждает и Дебагорий-Мокриевич. И не удивительно: народ не интересовался ни социализмом, ни анархизмом. Этим интересовались, по этому вопросу ломали копья и скрещивали шпаги интеллигенты. Народ интересовался своими будничными вопросами: грезил о новом переделе земли, стонал по поводу непосильных налогов. И самым большим успехом пользовались те пропагандисты, которые затрагивали именно эти вопросы. Крестьяне, по сообщениям многих тогдашних революционеров, не отказывались слушать рассказы и о социализме, но слушали так, как слушают фан-

тастические рассказы: „Не любо — не слушай, а врать не мешай“.

Вот это-то путем опыта добытое наблюдение имеет огромное значение. Революционеры впервые ознакомились с настроением масс, впервые на очередь дня ставили не абстрактные теоретические вопросы, а конкретный: как вести работу среди народа, уровень политического сознания которого они впервые узнали. Тогда же революционеры впервые наткнулись на тот элемент, который в будущем должен был сыграть решающую роль в борьбе. Слесарь Малиновский, Петр Алексеев, Филат Егоров и другие рабочие, распропагандированные революционерами, сами становились в ряды пропагандистов.

Насколько Тун неправ в своем заключении, свидетельствует целый ряд выступлений революционеров на двух процессах, известных в истории под названием „процесса 50“ и „процесса 193“, по числу привлеченных к судебной ответственности. На этих судах впервые выступают и рабочие. Слесарь Малиновский в речи на суде заявляет, что у него не было намерения убить царя, так как не один он — виновник страданий народа. В этих страданиях виновны купцы, фабриканты и помещики. Надо идти на фабрики, в деревню и звать народ примкнуть к общему делу. Тогда же рабочий *Петр Алексеев*, приговоренный по „делу 50“ в каторгу и убитый якутами в Якутской области, произнес речь, ставшую историческим памятником:

„Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени, от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Десяти лет, мальчишками нас стараются проводить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сделную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и пинками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим, где попало — на полу, без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов...

В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность, и не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается все то, что может выразить одна грубо воспитанная, всеми забытая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб рабочая среда. Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период. И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти? Под влиянием таких жизненных условий, с малолетства закаляется у нас решимость до поры терпеть, с затаенной ненавистью в сердце, весь давящий нас гнет капиталистов и без возражений переносить все причиняемые нам оскорбления.

Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются всевозможными способами отнимать у рабочих трудовую копейку и считают этот грабег доходом. Самые лучшие для рабочих из московских фабрикантов, и те, сверх скудного заработка, эксплуатируют и тиранят рабочих следующим образом. Рабочий отдается капиталисту на задельную работу, беспрекословно и с точностью исполнять все рабочие дни и работу, для которой поступил, не исключая и бесплатных хозяйских чередов. Рабочие склоняются перед капиталистом, когда им, *по праву**), пишут штраф, боясь лишиться куска хлеба, который достается им семнадцатичасовым дневным трудом...

...Об нас отзываются, как о народе рабском, полудиком. Да как иначе о нас отзываться? Разве у нас есть свободное время для каких-нибудь занятий? Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? А взгляните на русскую народную литературу. Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для народного чтения такие книги, как „Бова-королевич“, „Еруслан Лазаревич“, „Ванька-Каин“, „Жених в чернилах и невеста во щак“ и т. п. Оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно — забавное, а другое — божественное. Я думаю, каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследо-

*) Согласно установленному закону.

ваний за чтение книг; а в особенности, если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении — тогда уж держись! Ему прямо говорят: „ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги“. И страннее всего то, что и иронии не заметно в этих словах, что в России походить на рабочего — то же, что походить на животное. Господа, неужели кто полагает, что мы, работники, ко всему настолько глухи, слепы, немые и глупы, что не слышим, как нас ругают дураками, лентяями, пьяницами? Что уж как-будто и на самом деле работники заслуживают слыть в таких пороках? Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеет и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш невыносимый труд? Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуем, как тяжело повисла на нас так называемая всеобщая воинская повинность? Неужели мы не знаем, как медленно и нехотя решался вопрос о введении сельских школ для образования крестьян и не видим, как сумели это поставить? Неужели нам не грустно и не больно было читать в газетах высказанное мнение о найме рабочего класса? Те люди, которые такого мнения о рабочем народе, что он не чувствителен и ничего не понимает, глубоко ошибаются. Рабочий же народ хотя и остается в первобытном положении и до настоящего времени не получает никакого образования, смотрит на это как на временное зло, как и на самую правительственную власть, временно захваченную силой, и только для одного разнообразия ворочающую все с лица да наизнанку.

Да больше и ждать от нее нечего. Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не будет делать тягостных для нас нововведений, не станет поддерживать рутинны и обеспечит материально крестьянина, выведет его из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед. Но, увы! Если оглянемся назад, то получаем полное разочарование, и если при этом вспомним незабвенный, предполагаемый день для русского народа, день, в который он с распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обеспечить свою будущую судьбу, благодарил царя и правительство: 19 февраля... И что же? И это для нас было одной мечтой и сном... Эта крестьянская реформа 19 февраля 1861 г. реформа, „да-

рованная“, хотя и необходимая, но не вызванная самим народом, не обеспечивает самые необходимые потребности крестьянина. Мы попрежнему остались без куска хлеба, с клочками никуда негодной земли, и перешли в зависимость к капиталисту. Именно, если свидетель, приказчик фабрики Носовых, говорит, что у него, за исключением праздничного дня, все рабочие под строгим надзором, и не явившийся в назначенный срок на работу не остается безнаказанным, а окружающие ихнюю сотню подобных же фабрик набиты крестьянским народом, живущим при таких же условиях, значит — *они все крепостные*. Если мы, к сожалению, нередко бываем вынуждены просить повышения пониженной самим капиталистом заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь, — *значит, мы крепостные*. Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета вследствие перемены доброты материала и притеснения от разных штрафов, нас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать у него работу, а некоторых, как зачинщиков, ссылают в дальние края, — *значит, мы крепостные*. Если из нас каждый отдельно не может подавать жалобу на капиталиста и первый же встречный квартальный бьет нас в зубы кулаком и пинками гонит вон, — *значит, мы крепостные*.

Из всего мною вышесказанного видно, что русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи. Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значит и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших собратьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами

до тех пор, пока (говорит подняв руку) подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах...“

На этом же процессе выступила со своей исторической речью Бардина, указавшая, что задача революционеров состоит в том, чтобы „внести в сознание народа идеалы лучшего, справедливейшего общественного строя или же уяснить ему те идеалы, которые уже коренятся в нем бессознательно“.

Последние слова для тогдашних революционеров весьма характерны — эта вера в идеалы, коренящиеся в народе, и превращала социалистов-утопистов в „народников“.

Бардина закончила свою речь следующим:

„Преследуйте нас, как хотите, но я глубоко убеждена, что такое широкое движение, продолжающееся уже несколько лет сряду и вызванное, очевидно, самим духом времени, не может быть остановлено никакими репрессивными мерами. Оно может быть подавлено на некоторое время, но тем с большей силой оно возродится снова, как это всегда бывает после всякой реакции подобного рода, — *и так будет продолжаться* до тех пор, пока наши идеи не восторжествуют. Я убеждена еще в том, что наступит день, когда даже и наше сонное и ленивое общество проснется, и стыдно ему станет, что оно так долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своих братьев, сестер и дочерей и губить их за одну только свободную исповедь своих убеждений. И тогда оно отомстит за нашу гибель... Преследуйте нас, за вами пока материальная сила, господа; *но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи, увы, на штыки не улавливаются*“.

Все эти речи, произведшие в свое время огромное впечатление и вызвавшие даже отклики в художественной литературе (В. Полонский — стихотворение „Узница“; Тургенев — стихотворение в прозе „Порог“; Некрасов — стихотворение „Смолкли честные, доблестно павшие“; стихотворение Вербовчанина, посвященное Петру Алексееву), до некоторой степени подвели итог движению, полное программное обоснование которому дал в своей речи на „процессе 193“ Мышкин.

Эта речь настолько важна для установления, какие результаты дал первый опыт соприкосновения с массами, как в

смысле идеологии, так и в отношении тактики, что мы приводим ее лишь с незначительными сокращениями.

„Я не могу признать себя членом тайного сообщества, потому что я и товарищи мои, товарищи не только по заключению, но и по убеждениям, не представляем нечто обособленное — целое, связанное единством внешней, общей для всех организации. Мы составляем лишь частицу многочисленной в настоящее время на Руси социально-революционной партии, понимая под этим словом всю массу лиц одинаковых с нами убеждений, одинаковых, конечно, только вообще, а не в частности, — лиц, между которыми существует хотя преимущественно только внутренняя связь, однако, связь достаточно реальная, обусловливаемая единством целей и большим или меньшим однообразием средств практической деятельности. Основная задача социально-революционной партии — установить на развалинах теперешнего государственно-буржуазного порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованиям народа в том виде, как они выразились в крупных и мелких движениях народных и повсеместно присущи народному сознанию, — составляет вместе с тем справедливейшую форму общественной организации. Строй этот — земля, состоящая из союза независимых производительных общин. Осуществлен он может быть только путем *социальной революции*, потому что государственная власть преграждает все мирные пути для достижения этой цели и добровольно никогда не откажется от насильственно присвоенных ею себе прав. В этом нам ручается здесь ход истории. Возможно ли мечтать о мирном пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочет даже и выслушать этого голоса и за всякое стремление, не согласное с видами ее, награждает тюрьмой и каторгой? *Возможно ли мирное разрешение* социальных вопросов соответственно народным потребностям, когда народ не только для осуществления своих желаний, но даже и для выражения их не имеет другого средства, кроме бунта, этого единственного органа народной гласности? Едва ли мысль нуждается в подстрочном примечании..“

Весьма важно выяснить, почему мы смотрим на революцию как на единственно возможный исход из настоящего положения.

Я полагаю, что для суда весьма важно знать, как мы относимся к революции, т.е. предполагаем ли мы, что наша партия должна во что бы то ни стало немедленно вызвать, создать революцию или только позаботиться об успешном исходе ее; предполагается ли немедленное осуществление революции или в более или менее отдаленном будущем; от этого будет зависеть определение всей виновности с точки зрения государственных законов...

Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не в том, чтобы вызвать, создать революцию, а в том, чтобы только гарантировать успешный исход ее, потому что не нужно быть пророком, чтобы при нынешнем отчаянно-бедственном положении народа предвидеть как неизбежный результат этого положения — всеобщее народное восстание. В виду неизбежности этого восстания, нужно только позаботиться, чтобы оно было возможно более продуктивно для народа, а главное — предостеречь его от всех фокусов, которыми западно-европейская буржуазия обманывала тамошнюю народную массу и одна извлекала для себя выгоды из народной крови, пролитой на баррикадах. Ради этой цели наша практическая деятельность должна состоять в сплочении, в объединении революционных сил, революционных стремлений, в слиянии двух главных революционных потоков; одного, недавно возникшего и проявившего уже порядочную силу в среде интеллигенции, и другого, более широкого, более глубокого, никогда не иссякавшего потока — народно-революционного. В этом объединении революционных элементов путем окончательного сформирования социально-революционной партии и заключалась вся задача движения 1874—1875 г. г. Задача эта, если не вполне, то в значительной степени выяснена, и знамя социальной революции водружено во всех концах русской земли. Прибавлю к этому, что в только-что сказанных мною словах я указал лишь на центр нашей деятельности и что в массе участвовавших в последнем движении были лица, стоявшие на различных ступенях революционного развития, начиная с тех, кто делал первые шаги по пути уяснения причин народных страданий и кончая отдельными личностями, делавшими попытки организации сил нашей партии. При всем различии взглядов по другим вопросам, приверженцы социальной революции сходятся в одном: что

революция может быть совершена не иначе, как самим народом, при сознании им, во имя чего она совершается; другими словами: настоящий государственный строй должен быть ниспровергнут только тогда, когда пожелает этого сам народ. Следовательно, если правительство солидарно с народом, оно не может считать нас злоумышленниками. Можно ли указывать как на заговорщиков и бунтовщиков на тех, кто говорит: „Мы будем ходатайствовать перед народом об удовлетворении настоятельнейших нужд страны, нужд, сознаваемых самим народом; мы предлагаем для этого свою сильную помощь, и да будет все так, как пожелает народ“. Ведь в нашем распоряжении нет ни тюрем, ни военных команд, ни больших промышленных предприятий, закабаляющих тысячи рабочего люда. Следовательно, мы не имеем никаких средств насиловать народную волю в пользу излюбленных нами идей. Мы можем действовать только убеждениями. Все средства насилия находятся в распоряжении и действительно практикуются нашими противниками. Если же, несмотря на крайне неблагоприятные для нас условия, правительство все-таки имеет серьезные основания опасаться, что наша деятельность увенчается успехом, то, значит, мы не ошибаемся, рассчитывая на сочувствие народа нашим идеям; но в таком случае мы не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанных народом.

Объяснив в кратких словах цель и средства социально-революционной партии, я перехожу к следующему не менее важному вопросу — о причинах возникновения и развития этой партии вообще и движения 1874 года в частности. В обвинительном акте все дело представлено таким образом, что были-де на Руси обломки прежних политических сообществ, была еще русская эмиграция в Швейцарии, явилось несколько энергичных личностей, и по слову: „да будет революционное движение на Руси“ — создалось таковое по всему лицу земли русской. А так как обломки преступных сообществ и эмиграция давно существовали и всегда будут существовать до окончания нынешнего государственного строя, то оказывается, что движение, подобное нынешнему, было вызвано и всегда может быть вызвано по произволу тремя-четырьмя лицами. Конечно, ни один мыслящий человек, сколько-нибудь понимающий причины социальных явлений, не удовлетворится по-

добным прокурорским объяснением. Для крупного социального явления должны быть *крупные социальные причины*. Нужно особое недомыслие или особенная недобросовестность, чтобы называть искусственно созданными революционные движения в среде интеллигенции...

Я говорю только, что движения эти *не созданы искусственно*. Изучая их, мы прежде всего, замечаем тот знаменательный факт, что *все движения в интеллигенции соответствуют параллельным движениям в народе* и даже являются *простыми отголосками последних*; так что движения народа и интеллигенции представляют как бы два параллельных потока, стремящихся слиться в общее русло, уничтожив разделяющую их вековую плотину; плотина эта — рознь между интеллигенцией и народом, которая сложилась вследствие вековой отчужденности друг от друга. Первое движение интеллигенции *в начале шестидесятых годов* было отголоском того сильного народного волнения, которое было во время крестьянской реформы, вследствие того, что народ не удовлетворялся этим мнимым своим освобождением. Это движение положило фундамент социально-революционной партии. Затем, ко времени исполнения десятилетия крестьянской реформы, в народе стали ходить настойчивые слухи об уменьшении и даже об уничтожении выкупных платежей. Слухи эти хотя не вызывали массы бунтов, как в шестидесятых годах, но все-таки поддерживали *волнение в народе*, и отголоском на это волнение явилось движение интеллигенции, завершившееся так называемым Нечаевским процессом. Наконец, в наши дни обеднение народа, истощаемого непомерными платежами и поборами, дошло до того, что нужно быть совершенно глухим, чтобы не слышать громкого ропота народа. Этот ропот и вызвал *движение 73—75 г.г.*, которое было последним фазисом развития социально-революционной партии. Эта только-что указанная, несомненно, существующая связь между революционными движениями в интеллигенции и в народе легко может ускользать от внимания общества по той простой причине, что благодаря известной, практикуемой в России системе гласности, до сведения нашего общества доводится преимущественно только о разных мелочах; о более же крупных фактах народной жизни систематически умалчивается или не менее систематически извращается...

... Общество наше в настоящее время знает только, что был суд и происходит суд над несколькими представителями революционного движения в среде интеллигенции, и ему может показаться, что это движение не имеет под собою твердой почвы, не имеет твердой связи с народом, потому что от общества скрыты другие, более резкие проявления революционного духа в самом народе; между тем, в самих проявлениях в 73—75 г.г. недостатка не было. Не говоря уже о волнениях между *уральскими казаками*, о которых наше общество имеет очень скудные сведения, во многих других местах приходилось прибегать к помощи военных команд для усмирения народа; несколько *татарских волостей в Пермской губернии, раскольники на уральских заводах, крестьяне в Каванской губернии, Воронежской и Киевской...*

... Первоприсутствующий! Я хотел привести эти примеры только для того, чтобы *выяснить следующее*: мы видим теперь, что в числе моих товарищей — девушка, намеревающаяся читать крестьянам лекции по социальным вопросам, юноша, давший книгу крестьянскому мальчику, несколько человек, рассуждавших о причинах народных страданий и высказавших такое мнение, что не худо бы, пожалуй, народное восстание, — все они привлечены к суду как тяжкие преступники. А лица, открыто возмущившиеся против государственной власти и усмиренные только при помощи штыков и розог, ссылаются административным порядком. Как-будто бы у нас *говорить о бунте гораздо преступнее, чем участвовать* в самом бунте. Этот абсурд очень понятен; представители другой, более страшной для правительства силы, силы народной, могли бы сказать на суде нечто более полновесное, более неприятное для государственной власти и более поучительное для общества, чем мы. Поэтому-то им зажимают рот и не дают им возможности сказать свое слово перед обществом. Кроме бунтов, есть еще и другие, не менее значительные факты, доказывающие усиление в последнее время революционных стремлений в народе, как, например, *распространение революционных сект*, где отрицание государственной власти возводится в догмат: источник этой власти именуется антихристом, а представители этой власти — слугами антихриста; образование в крестьянской среде обществ со специальной целью *уклонения от платежа повинностей* без всякой религиозной

основы, *исчезновение целых деревень* по той же причине, т.-е. как результат стремления избавиться от невыносимых поборов...

... Возникновение социально-революционной партии относится к началу шестидесятых годов. Оно совершилось как отголосок на народные страдания и народные волнения при участии известной фракции русской интеллигенции, благодаря, главным образом, двум причинам: во-первых, влиянию на интеллигенцию передовой западно-европейской социалистической мысли и крупнейшего практического применения этой мысли — образования Международного Общества Рабочих; во-вторых, уничтожению крепостного права, потому что после крестьянской реформы в среде неподатных классов образовалась целая фракция, испытывавшая на самой себе всю силу гнета государственного экономического строя, готовая откликнуться на зов народа и послужившая ядром социально-революционной партии. Фракция эта — *умственный пролетариат*. Кроме того, *крестьянская реформа оказала три важные услуги социально-революционному делу*: 1) с 19 февраля 1861 года начинается развитие капиталистического производства с его неизбежным спутником — борьбою между капиталом и трудом; 2) крестьянская реформа, вместе с другими реформами, послужила для нас *наглядным доказательством* истины, которая прежде была нам известна только из книг и по чужому опыту, доказательством *полной несостоятельности политических реформ* в деле коренного улучшения народного быта. С каким восторгом, с каким ликованием приветствовало русское либеральное общество так называемые великие реформы нынешнего царствования! И что же мы видим в результате? Народ доведен до отчаянно-бедственного положения, до небывалых хронических голодовок, и не нужно особенного политического радикализма, чтобы усомниться в благодетельности всех этих реформ для народной массы; 3) крестьянин, освобожденный от помещика, стал лицом к лицу с представителями губернской власти, увидел, что ему нечего надеяться на эту власть, нечего ждать от нее, увидел, что *он жестоко обманывался, веря в царскую правду*, ища в ней опору против своих врагов...

... Крестьянам не трудно было убедиться, что превозносимая, препрославленная крестьянская реформа сводится к од-

ному: к переводу более 20 миллионов крестьянского населения из разряда помещичьих холопов в разряд государственных или, вернее сказать, чиновничьих рабов. Как прежде крестьянин работал всю жизнь на помещика, так и теперь весь его труд идет в казну. Как прежде помещик был полным властелином жизни и собственности крестьянина, так теперь чиновник...

... *Когда крестьяне увидели, что их наделяют песками да болотами да такими клочками земли, на которых немисливо ведение хозяйства, сколько-нибудь обеспечивающего быт земледельца, а между тем за эти клочки наложили громаднейшие платежи, превышающие в несколько раз доходность наделов; когда крестьяне увидели, что это новое нарушение права народа на землю совершается не по произволу помещиков, а с утверждения верховной власти, что в положении 19 февраля нет той статьи, присутствие которой они предполагали, которая должна была охранять народные интересы и скрыта будто бы духовенством и помещиками; когда они увидели все это, то не могли не убедиться, что им не на кого более надеяться, как на свои собственные силы.* Рядом с этим крестьяне, превратившиеся в орудие капиталистического производства, поняли всю прелесть так называемого свободного договора между голодным тружеником и сытым капиталистом, поняли также, что капиталист угнетает рабочего не только вследствие экономической несостоятельности последнего, но еще и благодаря тому, что в спорах между капиталистом и рабочим правительство всегда становится на сторону первого, — поняли это и не могли не отнестись *с еще большею ненавистью к угнетающей их государственной власти...*

... *После земледельцев и фабричных рабочих умственный пролетариат, как по своему экономическому положению, так и по своим знаниям, извлеченным из исторического опыта нашего и других народов, не мог не стать в ряды врагов государственности.* Наконец, в эти же ряды стали из других классов общества личности, которые по своей натуре способны действовать только во имя известного, выработанного ими, идеала, а не для узких экономических целей. Вот те элементы, из которых почерпала и до сих пор черпает свои силы социально-революционная партия. Прочным цементом,

скрепляющим все революционные элементы, служит крайне *бедственное положение народа* и *совершенное бесправие* российских граждан“.

Речь Мышкина на каждом шагу прерывалась председателем, и он закончил ее словами:

„Теперь я окончательно убедился в справедливости мнения моих товарищей, заранее отказавшихся от всяких объяснений на суде, того мнения, что, несмотря на отсутствие гласности, нам не дадут возможности выяснить истинный характер дела. Теперь для всех очевидно, что здесь не может раздаваться правдивая речь, что здесь на каждом откровенном слове зажимают рот подсудимому. Теперь я могу, я имею право сказать, что *это не суд*, а *простая комедия* или нечто худшее, более отвратительное, позорное, более позорное... более позорное, чем дом терпимости; там женщина из-за нужды торгует своим телом, а здесь сенаторы из-за подлости, из холопства, из-за чинов и крупных окладов торгуют всем, что есть наиболее дорогого для человечества“.

Если эту речь Мышкина сопоставить с тем, как формулировали цели и задачи партии Бакунин, Ткачев и Лавров, то убедимся, какой гигантский шаг вперед сделала революционная мысль под влиянием первого соприкосновения с массами. С высот абстракции революционеры сошли на почву реальной жизни, и исходным пунктом их деятельности стали актуальные нужды „трудящихся масс“, употребляя тогдашнюю терминологию. Процессы эти, о чем мы еще будем говорить ниже, свидетельствуют равным образом о том, что зерно, не давшее ростков на почве деревни, с первого момента на фабрике выдвинуло таких людей, как Алексеев, которым поныне гордится рабочий класс России.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Несмотря на свое торжество, царское правительство, считавшее, что произведенными арестами ему удалось окончательно искоренить крамолу, вскоре принуждено было убедиться, что дело обстоит вовсе не так для него благополучно.

Как обыкновенно бывало после провалов, уцелевшие употребляли все усилия к тому, чтобы завербовать новых сто-

ронников и ими заполнить образовавшуюся брешь. А так как правительство, запуганное революционным движением, обрушивалось своими репрессиями не только на тех, которые „живой водой“ социализма пытались разбудить от векового сна крестьянскую „даревну“ — Русь, но и на все мыслящие элементы тогдашней России, а в частности и в особенности на университетскую молодежь, — эта именно молодежь, выброшенная за борт высших учебных заведений за участие в протестах против все новых и новых репрессий по отношению к ней, более отзывчивая, чем другие слои общества на нужды и страдания народных масс, явилась „сменой“ арестованных.

Это новое революционное поколение учло опыт предыдущего. Оно уже не в такой степени идеализировало крестьянскую массу, как это делали его предшественники, дошедшие в своем увлечении до того, что считали, как мы уже указывали выше, тогдашнее русское крестьянство вполне подготовленным к восприятию социализма. Новые ратники революции уже ставили вопрос иначе. По их формулировке, социальные идеалы крестьянства *не противоречат* идеалам социализма; община, как таковая, *может сделаться основой* к переходу от современного строя к социалистическому. Для этого только необходимо устранить все, что может тормозить развитие действительных стремлений народа, т. е. избавить его от экономического и политического гнета со стороны государства, и тогда этот переход состоится сам собою. Освобождение от этого гнета может быть совершено только самим народом, для чего необходимо создать организованную силу крестьянства, которая сможет оказать противодействие правительственной организации.

Из всех этих предпосылок делался вывод, что пропаганду и агитацию среди крестьянства необходимо продолжать на почве его актуальных интересов и потребностей, но продолжать иначе, чем до сих пор. Вместо прежней „кочевой пропаганды“, перекочевывания из деревни в деревню, решено придерживаться системы „оседлой пропаганды“. Для этого необходимо селиться в какой-нибудь определенной деревне, основывать там собственные мастерские, земельные колонии, занимать должности фельдшеров и фельдшерниц, волостных писарей и т. п. Другими словами, тогдашние революционеры уже к тому времени осознали, что для того, чтобы иметь

какое-нибудь влияние на крестьянские массы, далеко не достаточно метеором появиться, метеором и исчезнуть, а необходимо, постоянно живя бок о бок с крестьянами, завоевать их доверие. Мало того, для того, чтобы создать такую крестьянскую организацию, недостаточно поселение в какой-нибудь местности одного человека, необходима группа в несколько человек, и такие группы должны быть разбросаны по всей России.

Такая постановка дела не могла не выдвинуть вопроса об организации. Только наличность такой организации могла связать друг с другом эти колонии и снабжать всем необходимым для ведения пропаганды. И такая организация была создана под традиционным названием „Земля и Воля“; кроме названия, она не имеет ничего общего с организацией, возникшей в шестидесятых годах (о ней мы уже упоминали) и вскоре прекратившей свое существование.

Возникшая организация делилась, в зависимости от исполняемых функций, на следующие группы: а) *администрация*, или *центр*; б) *деревенщики* — группа пропаганды среди крестьян; в) *рабочая группа* — группа пропаганды среди рабочих; г) группа пропаганды среди молодежи; д) группа дезорганизаторов.

Возглавлял все эти группы совет — высшая партийная инстанция.

Администрация, постоянным местопребыванием которой был Петербург, соответствовала тому, что в настоящее время определяется термином „Центральный комитет“. Администрация избиралась всеми членами партии. В ее функции, кроме общего руководства, входило информирование обо всем всех разбросанных по всей России членов партии, посредничество между ними, а сверх того — управление так называемой „небесной канцелярией“, как в то время называли „паспортное бюро“, т. е. бюро по снабжению членов партии паспортами и всевозможными документами. В особо важных случаях администрация была обязана созывать совет, в состав которого, кроме членов администрации, входили все члены партии, находившиеся в данный момент в Петербурге. В исключительных случаях, имевших сугубо важное значение, администрации вменялось в обязанность запрашивать мнение всех членов партии.

Функции группы пропаганды среди крестьянства, рабочих и молодежи ясны из самого названия. Что же касается группы дезорганизаторов, то основной ее задачей было ослаблять и разлагать механизм государства, пользуясь при этом самыми разнообразными методами и приемами. Члены этой группы должны были устанавливать связь с людьми из правительственной среды, чтобы, если это окажется возможным, занимать при их содействии посты и места, имеющие значение для успеха революционной работы. Независимо от этого, в задачу этой группы входило: 1) освобождение арестованных товарищей, 2) защита перед насилием правительства и, наконец, 3) самооборона.

Царское правительство уже в первой стадии революционного движения употребляло все средства для того, чтобы вынудить у заключенных нужные ему показания. В виду этого „Земля и Воля“, хотя и не выдвигала задачи непосредственной борьбы с правительством, все же считала себя обязанной выступать активно в тех случаях, когда издевательства правительства над допрашиваемыми заключенными грозили безопасностью всей организации.

Независимо от этого, по мере роста организации становилось все труднее и труднее обезопасить себя от проникновения в нее подозрительных элементов. Случаи предательства становились все чаще и чаще, и партия вынуждена была террористическими актами устранять предателей и шпионов. В этом и состояла „самооборона“.

Группа дезорганизаторов пользовалась в партии исключительной самостоятельностью и снабжалась крупными материальными средствами. Ей было предоставлено право открывать отделения повсюду, где она найдет это нужным. Все предпринимаемое этой группой было окружено тайной; даже администрация и совет только в общих чертах извещались о предпринимаемом, но подробности были законспирированы и от них.

Организованная таким образом партия „Земля и Воля“ в идейном отношении не была единой. Вся партия стояла на почве национализации земли, отмены податей, свободы общины, но в остальных вопросах делилась на две фракции, известные тогда под названием „северный“ и „южный“. Обе эти фракции уже освободились от иллюзий, будто возможно было уже в то

время привить крестьянству полностью идеи социализма, и ограничивались лишь требованием осуществления таких нужд и потребностей крестьянства, в которых они усматривали действительные элементы социалистического переворота, но в то время, как „северная группа“ признавала необходимость социалистической пропаганды среди крестьян, с тем, чтобы создать „группы руководителей“—крестьян, критически относящихся к их положению, „южная группа“ имела более „бунтарский характер“. Не питая никаких иллюзий относительно крестьянства и не идеализируя его, эта группа придавала значение только организации крестьянских бунтов во имя передачи земли крестьянам. По мнению этой группы, только осуществление этого требования могло бы создать почву для дальнейшей социалистической пропаганды.

Вскоре после возникновения „Земли и Воли“, в состав руководителей которой вошел сначала Марк Андреевич Натансон, доживший до Октябрьской революции и ставший членом ВКП(б), а затем один из крупнейших революционеров того времени Александр Михайлов,— произошло событие, имевшее огромное значение, так называемая Казанская демонстрация.

Один из организаторов этой демонстрации считает ее „началом сознательного участия рабочего класса в движениях политической жизни“.

Из сказанного до сих пор видно, что, несмотря на участие в движении таких сознательных рабочих, как Петр Алексеев, движущей силой революции в семидесятых годах считался не пролетариат, а крестьянство; между тем, как сообщает т. Корольчук, „за 11 лет — с 1870 по 1880 г. — произошло 250 рабочих стачек и волнений, которые должны были бы направить внимание революционеров на рабочий класс“.

Говоря о Нечаеве, мы упоминали о том, что им был организован рабочий кружок; такие кружки были организованы и другими, но все они, по мысли их организаторов, должны были играть лишь подсобную роль — роль придатка к крестьянскому движению, роль связующего звена между крестьянством и стремившейся расшевелить его интеллигенцией. Сам по себе, как класс, как движущая сила революции, пролетариат игнорировался.

Некоторый перелом в этом отношении замечается в семидесятых годах, и тут необходимо отметить роль Е. О. Заславского.

„Среди революционеров семидесятых годов,— пишет недавно скончавшийся С. И. Мартыновский,— он занимает совершенно особое место.

Он первый создал в Одессе в 1875 году широкую массовую организацию рабочих, существовавшую, несмотря на аресты, провалы, предательство и перемену революционных программ, до 1882 года.

Конечно, пропаганда среди рабочих велась и до Заславского; например, кружок чайковцев еще с конца 1871 года широко развил пропаганду среди петербургских рабочих. Там сами рабочие в 1873 году начали устраивать кассы на случай безработицы, а также библиотеки по районам, причем кассой и библиотекой заведывали сами рабочие; но чайковцы в своей деятельности ставили себе целью не организацию рабочих масс, а приобретение отдельных более выдающихся сторонников из рабочих, воспитание из них революционеров для пропаганды среди крестьян“.

Заславский же стремился прежде всего к массовому объединению самих рабочих „для пропаганды идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов“.

Приводимые нами первые шесть пунктов этого устава дают о них ясное представление.

„I. Сознавая, что установившийся порядок ныне не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих;

что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основой личного и общественного благосостояния;

что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их объединении,— мы, рабочие Южно-Российского края, соединяемся в один союз под названием „Южно-Российского союза рабочих“, поставляя себе целью:

во-первых, пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов;

во-вторых, объединение рабочих Южно-Российского края;

в-третьих, для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком.

II. При „Союзе“ находится касса, суммы которой в первое время предназначаются для пропаганды идеи освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею.

III. Членом „Союза“ может быть каждый трудящийся человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих,— борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения.

IV. Обязанности личности каждого члена к „Союзу“ и „Союза“ к личности обуславливаются следующим: *один за всех и все за одного.*

V. Член „Союза“, проговорившийся постороннему лицу о существовании „Союза“ или не исполняющий в точности своих обязанностей к „Союзу“, считается *изменником.*

VI. *Каждый член должен быть готовым на всякую жертву, если эта жертва требуется для спасения „Союза“.*

Организация эта проникла в самую гущу рабочей массы в Одессе, по преимуществу в среду железнодорожников и фабрично-заводских рабочих.

На севере пропаганду среди рабочих равным образом вели лавристы, но вели ее и бунтари.

Э. А. Корольчук пишет:

„Зимой 1875/76 г. и 1876/77 г. в Петербурге постепенно собралось много бунтарских революционных сил, которые не могли долго пребывать в бездействии. Под руками была благодарная почва: рабочие сами искали лекторов и пропагандистов. Естественно, что часть сил временно, пока еще не был кончен пересмотр программы и тактики и не составился окончательный план дальнейшей деятельности, отхлынула к рабочим. К ним присоединилась и молодежь, еще не порвавшая с учебными заведениями и пробовавшая свои силы. Среди последней был и Г. В. Плеханов, учившийся в горном институте. Из бунтарей, ведших пропаганду среди рабочих, самым деятельным был энергичный Марк Натансон, который в это время строил землевольческую организацию. Агентурные записки III отделения и показания рабочих называют рядом с его именем имя „Деда“—Н. Н. Хазова. К ним присоединились А. Г. Богданович, Подлевский, Н. Кузнецов, Л. Зак и др.“.

Эта организация—„Северно-Русский рабочий союз“, о котором подробнее мы скажем ниже, так как он оформился только к 1879 г.

Только на фоне этого роста классового сознания рабочих могла произойти в декабре 1876 г. знаменитая Казанская демонстрация.

„Что такое произошло в Петербурге на Казанской площади в декабре 1876 г.“—ставит вопрос неизвестный автор (по предположениям, Жаков) в рукописи, к счастью сохраненной для потомства департаментом полиции и составленной несколько дней спустя после этой демонстрации одним из организаторов ее.

„Собралось несколько сот русских людей, принадлежащих частью к образованному, частью к рабочему классу. Собрались они для того, чтобы почтить память тех также русских людей, которые или уже погибли, или еще погибают в тюрьмах за то, что пренебрегли заботами о личном убогостворении; они стремились дать крестьянской реформе иную развязку, направленную действительно на благо всей России. Собрались они еще для того, чтобы показать, что, несмотря на гонения и клеветы, идеи и дела этих истинно друзей народа никогда не переставали находить людей, стремившихся к их осуществлению; напротив, эти идеи и дела находят все большее и большее число подобных людей и, главное, за последние годы находят их в среде самого народа в лице более развитых городских рабочих, сознавших уже всю неизбежность для народа взять дело улучшения своего жителя-бытья в свои руки и вести это дело вперед самому, не надеясь ни на какие милости свыше. Собрались они вообще для того, чтобы заявить друг другу и тем, кто хотел бы иметь уши слышать, что дело народного освобождения, перейдя теперь в руки самого народа, становится на твердую почву; что этим переходом знаменуется начало активного вмешательства нового, необыкновенно важного элемента в ход политической жизни России, а именно: *начало сознательного участия русского рабочего класса в движениях этой жизни*, и что этот важный исторический факт есть результат не только прямого действия, непосредственного влияния разных общественных явлений, разных изменений в условиях экономической, в складе социальной жизни, идущих вслед за распространением в Рос-

сии европейской цивилизации, одним словом, есть не только результат непосредственного влияния самой жизни, так сказать, на развитие народной массы, но есть также результат и пятнадцатилетних сознательных усилий, связывающих одною братской цепью погибших и настоящих деятелей, выставляющих вперед справедливость и необходимость удовлетворения существующим народным интересам. И чтобы выразить каким-нибудь внешним образом этот важный результат общего дела, этот совершившийся факт союза интеллигенции с народом, было поднято знамя, на котором начертаны слова: „Земля и Воля“, слова в которых действительно сходятся стремления и понятия о будущем лучшем устройстве как среди небольшой, самой развитой части русского (рабочего) класса, так и среди огромной необразованной, темной массы России. Не трудно также понять, что подобное желание людей, верующих в правоту своих идей и стремлений, заявить всенародно, что все ужасы, сделанные с их братьями и с ними самими правительством с одобрения образованного общества (так как эти ужасы совершались на глазах и без всякого протеста этого общества), не могли остановить расширения их дела и закрепления его среди народа, что это желание должно было особенно сильно проявиться именно в такое время, когда и это правительство и это образованное общество так самодовольно тщеславятся перед лицом всего света тем, что они так бескорыстно будто бы стремятся к осуществлению начал справедливости и гуманности в соседнем государстве, а у себя дома исподтишка, как некий тать, разыгрывают целый ряд бесчеловечных потех, именуемых политическими процессами, потех кулака над убеждением, потех более гнусных, чем болгарские ужасы, уже по тому одному, что там кулак бьет прямо то, что ему не по сердцу, а в России кулак, прежде чем избить, надругивается над жертвой всей лицемерной комедией суда!

Вот суть того, что произошло в Петербурге 6 декабря“.

Демонстрантов избили, не успевших скрыться арестовали, судили и сослали в каторгу и в монастырь, где сердобольные монахи замучили их до смерти.

Автор рукописи по поводу демонстрации пишет: „Правительство, печать и общество инстинктивно почувствовали, что это собрание есть продукт новой силы, нашедшей себе среди

покорного, апатичного российского общества толпу приверженцев. Их поразили и испугали не столько речи, которые там говорились (едва ли они им известны), как эта решимость русского человека выйти из-под власти общенародной, вековой привычки — гнуть шею, эта дерзость поступать согласно своим убеждениям и это проявление этой дерзости и решимости, не индивидуальное, а коллективное, — всенародно, без шума, с достоинством, без хлестаковщины, — одним словом, не так, как обыкновенно это делает расходившийся русский человек.

Да, новая, животворная сила встает, наконец, в России на ноги! Она еще не окрепла вполне, но роста ее не удержат никакими кулаками, судами, клеветами!“

Автора не страшат жертвы:

„Грандиозность требует для своего выполнения известной подготовленности в достаточной большой массе, а чем всего сильнее эта масса подготовится к тому, как не взрывами, опытами, как не приобретением привычки заявлять свои требования и переступать запрещения, мешающие ее движению вперед“?

Автор сознательно относится и к недочетам прежнего движения:

„Одно из недоразумений, господствовавших еще недавно среди русских социалистов, заключалось в том, что они, приняв во внимание, с одной стороны, относительно малое число городских рабочих в России, с другой стороны, недовольство сельского населения своим невыносимо тяжелым положением, с огромными платежами и с малым наделом истощенной земли, основывали успех своего дела исключительно на движениях в массе сельского населения, и потому туда, в деревни были обращены, главным образом, их силы и надежды. Но жизнь дала результат несколько иной, чем тот, которого они ожидали. Этот результат состоял в том, что городские рабочие, более скученные, более связанные между собою равенством своего положения, более развитые, вследствие разнообразия получаемых ими впечатлений от городской жизни и вследствие частых и резких столкновений с представителями правительства и правящих классов, чем сельское население, — оказались более восприимчивыми к социалистической пропаганде, чем последние. А вследствие своей еще не вполне

разорванной связи с крестьянством, а также вследствие необходимости для этого крестьянства идти в города на заработки — городские рабочие явились естественными проводниками социалистических идей в деревне. Таким образом, само собой происходит изменение в нашей программе действия, т.-е. оно получает вообще то же направление, как и на Западе, именно идет из города в деревню, а не наоборот (что, конечно, не исключает пользы и необходимости применения обратного действия, где есть к тому почва), и только программа наших требований, по причине подавляющего в России большинства сельского населения и по причине напряженности его недовольства, остается та же самая, именно в том смысле, что во главе требований народной партии должны стоять те требования, которые прямо клонятся к коренному изменению условий крестьянского быта“.

Последние слова приведенной цитаты это, так сказать, последняя дань прошлому.

После этой демонстрации большинство революционеров весной 1877 г. отправилось в деревню. Революционные колонии были основаны в Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губерниях, на Кубани и на Дону. Власти, наученные предшествующим опытом, были на-чеку, и революционеры весьма часто были вынуждены бросать только-что налаженную работу, бросать организованные мастерские, отказываться от должностей, которых добились с большим трудом, менять фамилии, переезжать в другую местность и начинать работу сначала. Но в тех немногих местах, где революционерам удавалось задержаться на более продолжительное время, они располагали к себе крестьян и завоевывали их доверие и уважение. Серебряков говорит, что многие земские деятели и даже чины администрации, узнав впоследствии, что лица, с которыми они вели дела, принадлежали к социалистической партии, высказывали мнение, что, если все социалисты такие же, как те, которых они знали, то им не трудно будет в скором времени совсем овладеть массами. Это не покажется странным, если вспомнить, что в этом движении принимали участие такие люди, как казненный впоследствии Валериан Осинский, Ольга Натансон, известный впоследствии эмигрант Степняк-Кравчинский, будущие шлицсельбуржцы — Вера Николаевна Фигнер, Морозов, Александр

Михайлов, Богданович, отбывавшие каторгу на Каре Попко и Трошанский, погибшие на виселице Соловьев, Квятковский, Желябов, Лизогуб и мн. др.

Несмотря, однако, на это, постоянные вызванные необходимостью переезды с места на место и производимые полицией аресты не могли не повлиять на исход. К концу 1877 г. уже более не было ни одной крупной колонии. Одни революционеры были арестованы, другие, спасаясь от арестов, бежали. Весной 1878 г. была организована новая колония в Саратовской губ., в состав которой вошли лучшие силы прежних саратовской и самарской колоний, уцелевшие от арестов. В это же время была организована колония в Воронежской губ. Но первая просуществовала лишь до апреля 1879 г., а другая всего лишь шесть месяцев.

Само собою разумеется, что объяснять эту неудачу исключительно полицейскими репрессиями было немыслимо. Революционеры не могли не убедиться, что деревня не откликнулась на их агитацию. На всем протяжении России *нигде* не удалось организовать деревни для революционных целей, и вся деятельность революционеров в силу необходимости носила культурный характер. Единственное исключение представляет так называемое Чигиринское дело, — одна из самых печальных страниц в истории русского революционного движения. Главную роль в этом деле играл Яков Стефанович. Он попытался использовать для революционных целей питаемую крестьянством веру в царя. Для этой цели Стефановичем была составлена подложная „царская грамота“, в которой царь призывал „верноподданных и дорогих его сердцу крестьян“ объединиться в боевые дружины для борьбы с чиновничеством, духовенством, дворянством, генералами и даже князьями, отделяющими его от „возлюбленного народа“. Около 3.000 человек было обмануто этой грамотой. Они организовали эти дружины и принесли присягу выполнить приказ царя. Такую же присягу дал торжественно и Стефанович. Известие о „царской грамоте“ весьма быстро распространилось по соседним деревням и селам, дошло оно и до властей, начались аресты, обманутым не трудно было доказать, что они стали жертвой обмана, и в этих местностях долгое время после этого революционерам нельзя было и показаться.

Все эти явления в одних вызвали полное разочарование, и они отошли от работы, другие спор „город или деревня“ решили в пользу городов; они-то и приняли активное участие в агитации среди рабочих.

Усилилась работа и среди молодежи, причем она приняла преимущественно агитационный характер. Постоянные репрессии вызывали брожение в студенческой среде. Это было использовано землевольцами. Заранее зная, какой последует ответ, они предложили отправить петицию графу Палену с указанием на постоянные обыски, аресты и ссылки молодежи.

Землевольцы воспользовались еще одним моментом. Царь Александр II должен был возвратиться в Петербург с театра военных действий (тогда происходила русско-турецкая война). Власти готовили ему торжественную встречу. Участие студентов в этом торжестве считалось весьма желательным. Но университетское начальство было хорошо осведомлено о настроениях молодежи и не питало никаких надежд на то, что ее удастся приобщить к этому делу. Учитывая это, оно тайком от студентов подобрало из числа их несколько продажных душ, которые за денежное вознаграждение согласились „представлять“ на этом торжестве студенческую молодежь. Это стало известно студентам, и они под руководством „Земли и Воли“ устроили настолько внушительную демонстрацию, что университетским властям пришлось отказаться от поддельного „представительства“. Вскоре после этого представился другой случай для использования настроения молодежи. В одной из клиник умер студент Жилинский, который провел в тюрьме три года. Молодежь решила устроить демонстративные похороны. Зная, что это может случиться, власти тайком на рассвете похоронили Жилинского. Узнав об этом, молодежь вознегодовала. В дело вмешались землевольцы, но с первых же шагов натолкнулись на сопротивление со стороны лавристов, упрекавших их в том, что они, считая себя „народниками“, собираются устроить *политическую* демонстрацию. И несмотря на то, что резолюция землевольцев собрала большинство голосов, момент был упущен, демонстрация не состоялась, и единственным результатом всей этой агитации было усиление влияния землевольцев в среде студенческой молодежи.

Минул год. По уставу, программа партии должна была каждый год подвергаться проверке. Но этой программы еще вовсе не было. В виду этого было постановлено издавать орган „Земля и Воля“, первый номер которого был выпущен 1(13) ноября 1878 г.; а пятый и последний — в апреле 1879 г. Кроме этого, начиная с марта по ноябрь 1879 г., издавался „Листок Земли и Воли“, которого вышло тоже пять номеров.

В № 1 „Земли и Воли“ напечатана программная статья.

„Мы убеждены, что только те культурные формы имеют историческое будущее, которые коренятся в умах и стремлениях народных масс; мы не верим в возможность путем предварительной работы создать в народе идеалы, отличные от развитых в нем всей предшествующей его историей. На все попытки подобного рода мы смотрим как на совершенно нерасчетливую трату сил, потому что опыт всех народов, начиная с крестьянских восстаний и кончая Парижской Коммуной, показывает нам, что всякое революционное движение, по мере своего расширения, необходимым образом развивает, очищает и совершенствует те революционные элементы, которые послужили первоначальным стимулом движения.

Революция — дело народных масс. Подготавливает ее история. Революционеры ничего поправить не в силах. Они могут быть только *орудиями* истории, выразителями *народных* стремлений. Роль их заключается только в том, чтобы, организуя народ во имя его стремлений и требований и поднимая его на борьбу с целью их осуществления, содействовать ускорению того революционного процесса, который, по непреложным законам природы, совершается в данный период. Вне этой роли они — ничто; в пределах ее они — один из могущественных факторов истории.

Поэтому основанием всякой истинно-революционной программы должны быть народные идеалы, как их создала история в данное время и в данной местности.

Во все времена, где бы и в каких бы размерах ни поднимался русский народ, он требовал земли и воли.

Земли — как общего достояния тех, кто на ней работает, и воли — как общего права всех людей самим распоряжаться своими делами.

Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представите-

лей государства и учреждение „казачьих кругов“, т.-е. вольных автономных общин с выборными ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли, — тогда была всегда неизменная „программа“ народных революционеро-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников.

Такова же, без сомнения, остается она и теперь для громадного большинства русского народа.

Поэтому ее принимаем и мы — революционеры-народники. Этой программой мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимою, а потому, что история, поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе (!), заменив (!!) его вопросом аграрным. А, между тем, революционное движение, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковым образом само придет к сознанию необходимости экспроприации фабрик и полного уничтожения всякого капиталистического производства, потому что, сохранив его, оно само вырыло бы себе могилу. Точно так и *городское социалистическое движение*, если бы оно началось независимо от деревни, неминуемо наткнулось бы с первых же шагов на *вопрос о социализме аграрном* *).

По тем же причинам не станем мы предрешать в нашей программе вопросов, касающихся частных форм будущего социалистического строя. Предоставим же будущее будущему. Настоящему предстоит достаточно громадная задача: осуществление народной революции, которая одна в состоянии развить будущий социалистический строй из тех элементарных основ социализма, которые уже созданы в умах народа“.

Из этого видно, что прошлое продолжало тяготеть над настоящим и в программе выдвигалось старое: „У нас история вовсе не выдвинула фабричного (!) вопроса“... Но в ней слышатся и новые нотки о „роковой“ необходимости тотчас же после аграрной революции экспроприации фабрик. Здесь же мы находим, хотя только в зачаточном состоянии, идею органической связи между рабочим классом и крестьянством.

Но эта программа не находила ожидаемого отклика в крестьянских массах. В лучшем случае революционерам удава-

*) Подчеркнуто мною. — Ф. К.

лось привлечь отдельные личности, но масса крестьянства оставалась инертной.

Лучшие результаты давала работа среди рабочих масс, несмотря на проникавшие на столбцы „Земли и Воли“ жалобы на то, что „рабочая масса относилась к рабочим-социалистам как к чему-то чуждому, относилась часто насмешливо, а иногда даже враждебно“.

В высшей степени характерно все же, что уже в № 4 „Земли и Воли“ от 20 февраля передовица посвящена деятельности среди пролетариата. Вот что читаем мы в ней:

„Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самой жизнью самостоятельно выдвигаются вперед на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей. В прошлом, не без некоторого основания, мы обращали все свои надежды, употребляли все свои усилия на деревенскую массу. Городской рабочий занимал второстепенное место в расчетах революционеров, ему посвящалась, можно сказать, только сверхштатная часть сил. В городе пропаганда велась между делом, в минуты, когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась притом исключительно с целью выработать из городского рабочего пропагандиста для деревни же. Такое отношение к делу, естественно, исключало возможность как настойчивой, систематической пропаганды, так и, в особенности, организации городских рабочих, и в настоящее время дает себя чувствовать очень плачевными результатами.

Городской рабочий, несмотря на сравнительную незначительность затраченных на него сил, проникся идеями социализма в довольно сильной степени. Теперь уже трудно встретить такую фабрику или завод или даже сколько-нибудь значительную мастерскую, где нельзя было бы найти рабочих социалистов“.

Последняя фраза не дает все же представления о развитии к тому времени рабочего движения в России. К этому времени уже возникли две специально рабочие организации: „Южно-Русский рабочий союз“ и „Северный союз русских рабочих“.

Само собою разумеется, что рабочее движение не ограничивалось одним Петербургом. Забастовки то и дело вспыхи-

вали в Одессе, в Ростове-на-Дону и в других местностях. В большинстве случаев они кончались поражением рабочих, но именно эти поражения указывали рабочему классу на необходимость организации для защиты своих классовых интересов.

О „Южно-Русском рабочем союзе“ мы уже говорили. Ниже нам придется еще говорить о другом союзе такого же рода, основанном в 1880 г.; здесь же остановимся на „Северно-Русском рабочем союзе“, возникшем по инициативе самих рабочих, во главе с такими крупными рабочими деятелями, как Обнорский и Халтурин.

Для того, чтобы выяснить условия возникновения этой организации, необходимо вернуться к прошлому.

С момента отмены крепостного права русская промышленность освободилась от стесняющих ее развитие пут и путем эксплуатации свободного от всякой собственности и гонимого голодом на работу наемного рабочего двинулась гигантскими шагами вперед. Иностранцы капиталисты, почуяв возможность наживы, устремились в Россию и построили здесь в большом количестве железные дороги, фабрики и промышленные заведения. Недостаток земли, непосильные налоги, эксплуатация бедноты помещиками и кулаками-мироодами гнали тысячи людей в города на фабрики. Здесь, в пыли и в дыму фабрик тысячи рабочих, сконцентрированных под одной крышей, уже иначе, чем в деревне, реагировали на внешние явления. Они начали сознавать общность своих интересов с интересами своих товарищей по работе, постепенно в них выработывалось чувство солидарности, они проникались классовой сознательностью. Крестьянин на фабрике переставал чувствовать себя крестьянином и становился наемным рабочим. Раньше он противопоставлял себя дворянину-помещику, теперь же — капиталисту, не взирая на то, что этот капиталист был разбогатевшим крестьянином. На фабрике крестьянин переставал быть членом *сословия* и становился членом определенного *класса*.

Само пребывание в городе не могло не производить влияния на выходцев из деревни. Появлялись новые потребности, исчезали предрассудки, просыпалась любознательность. Не оставалась без влияния и совместная работа на фабрике с рабочими-иностранцами, более культурными и более разви-

тыми политически. По мере роста капитализма росла и эта рабочая армия, и чем она становилась многочисленнее и развитее, тем менее ее могла удовлетворять программа тогдашних революционеров, не отводивших ей никакой самостоятельной роли.

Это не могло не побудить более сознательных рабочих, как Степан Халтурин, Виктор Обнорский и др., к тому, чтобы создать собственную, классовую рабочую партию.

К чести „Земли и Воли“, необходимо отметить, что она радостно приветствовала эти первые ласточки рабочего движения. В № 4 „Земли и Воли“ читаем:

„По мере того, как растет неурядица наших правителей и защитников порядка, семьи и собственности, революционные элементы русского общества все более и более проникаются сознанием необходимости сплоченной организации для борьбы за свои идеи и — знаменательный факт — *русские рабочие являются пионерами этого движения*. Манифест их об основании „Северного союза русских рабочих“ доказывает нам, что *социализм нашел среди русского пролетариата* не только убежденных сторонников, но и людей, способных *без всякой посторонней помощи организовать в борющуюся партию, способных на самостоятельную инициативу*.

Сделается ли „Северный союз“, как надеются его основатели, „великим союзом“, который сплотит воедино все социально-революционные элементы на Руси или же он ограничится более скромной ролью местной группы, очагом революционного движения петербургских рабочих и тяготеющих к нему окрестностей, — во всяком случае мы приветствуем этот первый опыт самостоятельной социалистической организации русских рабочих, гласно выступивших на борьбу с эксплуататорами.

Теперь мы можем уже сказать, что великая истина: „*освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих*“ — отныне становится для русского рабочего не только теоретическим положением, но и лозунгом его практической революционной деятельности“.

Несмотря, однако, на это горячее приветствие „Земли и Воли“ и на заявление, что столбцы ее всегда будут открыты для „Союза“, редакция, а следовательно и партия, находили многие „но“...

„В теоретической части программы „Северного союза“, — отмечает „Земля и Воля“, — мы не видим, к сожалению, пол-

ной, последовательно развитой системы воззрений, а скорее смешение программ различных западных социалистических партий.

Отрицание государства и требование коммунальной автономии зачисляет наших товарищей в лагерь социалистов-революционеров, *каковыми мы и сами желали бы видеть членов „Северного союза“*; а последующие параграфы программы прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов“.

Это не единственная причина недовольства.

„Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами посвящается слишком много времени, и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле, а положения революционной программы о значении пропаганды фактами, об активной борьбе даже не дебатированы...“

Тут уж заговорило бунтарство... И этот упрек самими же землевольцами ослабляется заявлением:

„О воззрениях „Северного союза“ на этот предмет можно догадываться только потому, что *он включил стачки* в число признанных орудий борьбы и пропаганды“.

„Статьи программы, — продолжает „Земля и Воля“, — касающиеся городских рабочих, развиты весьма подробно (по программе немецких социал-демократов); говорится и об отмене женского и детского труда и о нормальном рабочем дне, — аграрные же вопросы (не вытерпели народники! — Ф. К.) оставлены втуне. Неизвестно, намерен ли „Северный союз“ требовать всеобщего крестьянского передела земли“, или же он думает подойти к этому вопросу путем последовательных реформ вроде отмены откупных платежей за землю, переразверстки наделов и т. д.

Впрочем, каковы бы ни были недостатки этой программы, никто не может сомневаться в том, что она — программа социалистов, активных деятелей, а не пассивных созерцателей гармонии будущего“.

Эту критику „Северный союз“ не оставил без ответа. В № 5 „Земли и Воли“ появилось письмо в редакцию от рабочих „Северного союза“, в котором они пишут:

„Главное обвинение сводилось к тому, что в нашей программе замечается путаница понятий и воззрений на различные оттенки революционной партии Запада и в особенности

(что-де очень странно) замечается смешение социалистических требований с конституционными. Мы верим, что наша программа действительно должна была вызвать порицания именно этой стороною, но только мы, со своей стороны, ничего в ней нелогичного не видим. Ведь, собственно говоря, если мы разбираем какое-нибудь суждение, то нам нужно обратить внимание только на то, есть ли в нем логика, а не на то, из чьих мыслей и слов это суждение. Между тем, многие, как видно, именно и обращают свое внимание только на последнее, и посему в своих замечаниях доходили до того, что требование политической свободы нами, рабочими, считали просто нелепым и не вяжущимся с вопросом об удовлетворении желудка.

Вот здесь-то, признаться, мы и не видим никакой логики, ничего, кроме недомыслия. Ведь высказывать подобные соображения — значит прямо отказывать нам даже в малейшем понимании окружающих явлений, значит прямо глумиться над нашими мозгами и приписывать разрешение социального вопроса одним только желудкам. Разве мы сами не знаем, что лучше быть сытым и мечтать о свободе, чем, сидя на пище св. Антония, добиваться свободы? Но что же делать, если логика желаний и помыслов уступает перед нелогичностью истории и если политическая свобода является прежде социального удовлетворения.

... Мы начинаем сознавать происходящее вокруг нас, а главное, что и заставило особенно нас выставить, повидимому, чуждые нам требования, мы составляем организацию не ради ее самой, а ради дальнейшей пропаганды и активной борьбы. Наша логика в данном случае коротка и проста. Нам нечего есть, негде жить — и мы требуем себе пищи и жилища; нас ничему не учат, кроме ругательств, кроме ругательства и подпалочного подчинения — и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что, наши требования так и останутся требованиями, если мы сложив руки, будем взирать с умилением, как наши „державные“ и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских братьев по миру. И вот мы сплываемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, позволит нам

правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,— и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных „положений“ и „уложений“. Такое требование тем более удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунам—этим деятелям будущей всероссийской говорилки,— следовательно, на осуществление его рассчитывать не так трудно. Да не подумают, чтобы и в самом деле политическая свобода входила в наши особенные планы и расчеты и для нее мы отводили столь же почетное место, как и для основного нашего требования. Нет, мы только говорим, что так было бы лучше, что эта свобода все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса; а осмысленность в движении есть, в свою очередь, опять весьма важное условие для желанного исхода революции“.

Обвинение в игнорировании аграрного вопроса „Союз“ признал правильным:

„Действительно, мы уже чересчур увлеклись рассмотрением своего городского положения, чересчур пропитались духом различных программ Запада, и вот оказалось, что для нашей деревни в своей программе мы отвели очень немного места“.

Затем авторы письма добавляют:

„Увеличение наделов, сообразно потребностям семьи, насчет незанятых и помещичьих земель, узаконение только тех повинностей, которые прямо идут на удовлетворение нужд и потребностей крестьянской общины и на устройство школ и сельско-хозяйственных училищ,— вот что в общих чертах можем добавить к своей программе и выставить со своей стороны необходимыми требованиями“.

Сначала, как это обыкновенно бывает в таких случаях, „Союз“ противопоставлял себя не только капиталистам, буржуазной интеллигенции и правительству, но и вообще интеллигенции, не исключая революционной. По уставу „Союза“, членом организации мог быть только рабочий. „Союз“ стремился к тому, чтобы иметь *свою* программу, *свой* орган, *свою* типографию и *свою* библиотеку, но вскоре он сам пришел к убеждению, что помощь революционной интеллигенции может быть ему весьма полезна, и не отказывался от нее, а эта интеллигенция, в свою очередь, шла ему во многом навстречу.

Планы „Союза“ были громадны. Он мечтал о создании целой сети организаций в России, по образцу социал-демократических партий, собирался устраивать политические демонстрации, поговаривал о всеобщей забастовке, готовился выступить на поддержку выступавшей с протестами студенческой молодежи.

Возглавлял организацию Центральный комитет, избираемый рабочими, а так как членов комитета было довольно много, что при тогдашних полицейских условиях могло угрожать провалом, то был создан Распорядительный комитет, который в случаях, не терпящих отлагательств, мог действовать самостоятельно.

В нормальных условиях у „Союза“ были бы в то время все данные для развития, но, как мы это увидим из следующей главы, этих нормальных даже для полицейской России условий тогда не было. Начались террористические выступления, усилились репрессии, и только-что созданная организация, слабо спаянная, не смогла уберечься от провокации. Начались аресты. Одним из первых был арестован, благодаря провокации супругов Рейнштейн, Виктор Обнорский.

Степан Халтурин, под влиянием массовых провалов, желая одним ударом низвергнуть самодержавие и добиться политической свободы, необходимость которой для развития революционного рабочего движения он так настойчиво отстаивал, сам предложил свои услуги террористам. После этого „Союз“ окончательно распался.

„Этот пример,— правильно замечает один из исследователей этого периода, т. Балабанов,— не был единственным. В 1880 г. в Киеве был основан „Южно-Русский рабочий союз“, организованный революционерами-народниками. Основатели „Союза“ смотрели на революцию так же, как все народники, отрицали политическую борьбу, не придавали значения самостоятельности рабочего движения и т. д. В невыгодную сторону от прочих народников отличались они тем, что отвергали обычные приемы пропаганды и агитации, усиленно рекомендуя террор: крестьянам — аграрный, рабочим — фабричный. По их мнению, нужно было убивать заводское начальство, мастеров, и таким путем добиваться уступок от предпринимателей, а в рабочих поднимать революционное настроение. Вначале деятельность „Со-

юза" сводилась к пропаганде фабричного террора, делались и приготовления к убийству начальника арсенала, но, когда после ареста основателей „Союза“ к руководству последним были привлечены рабочие и образован был особый „рабочий центр“, характер деятельности „Союза“ изменился. „Рабочий центр“ постановил на время оставить фабричный террор и сосредоточить внимание на агитации, пропаганде, организации рабочих кружков, т.-е. как раз на том, что не поощрялось программой „Союза“. В этом сказалось, конечно, вырвавшееся классовое сознание рабочих. Сказалось оно и в другом. После убийства Александра II „Союз“ выпустил прокламацию, которая предварительно обсуждалась рабочими, и в этой прокламации выставлялось, между прочим, требование — в качестве „первой ступени“ к осуществлению „заветных дум“ рабочего — свобода слова, сходок, собраний и рабочей печати“.

Рабочее движение переросло тогдашних революционеров.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Отстаиваемая „Северно-Русским рабочим союзом“ необходимость политической борьбы в то время уже сознавалась многими членами „Земли и Воли“ и кое-кем из революционной интеллигенции. Оставляя уже в стороне то, что фактически, несмотря на все оговорки партии, группа „дезорганизаторов“ была боевым отрядом, ведущим политическую борьбу путем террора, в рядах партии были уже многие, теоретически обосновывавшие необходимость этой борьбы. Самым выдающимся среди них был Валериан Осинский. Раньше, — как сообщает об этом умерший в 1926 г. Дебагорий-Мокриевич, — он обосновывал „несостоятельность политических программ и необходимость социально-революционной борьбы, которая одна только в силах радикально изменить жизнь, уничтожить эксплуатацию города и т. п., но уже на первом съезде партии, состоявшемся год спустя после основания „Земли и Воли“, выступил с предложением ввести как обязательный пункт в программу политическую борьбу и настаивал на необходимости усилить деятельность дезорганизаторской группы. Это предложение было крайне враждебно встречено землячествами и почти единогласно отклонено“.

Аналогичную эволюцию пережил издававшийся тогда незначительной группой революционеров орган „Начало“. „Самый факт замены самодержавного правительства конституционным, факт „передачи общественных дел в общественные руки“, как выражаются либералы, совершенно безразличен для социалистов. Нам смешны те „печальники народа“, которые думают облагодетельствовать его „принципом“ конституции, так как этот принцип, очевидно, сводится на замену одних эксплуататоров другими... Конечно, такой „принцип“ не может быть принципом социалистов и никто из них не может выйти на его защиту“.

В скором времени „Начало“ уже само „вышло на его защиту“ и обосновывало это тем, что „политический переворот прежде всего ослабит существующий государственный механизм, разрушит систему правительственной опеки и веру общества в силу и могущество самодержавия и передаст власть в руки купцов и помещиков, благодаря чему народ встретится лицом к лицу с враждебным ему правительством господ. Исчезнет прежний устарелый предрассудок о новом правительственном всеобщем переделе земли, и народ, утративший веру в мнимую помощь царя, непосредственно столкнется со своими эксплуататорами и поймет, кто его враг и кто друг. А вместе с тем новое конституционное правительство не сможет упрочить своего государства, как это происходило в европейских государствах.

Независимо от этого, политический переворот, вынужденный установить хотя бы только элементарные начала свободы, создаст лучшие условия для ведения социалистической пропаганды в народе. „Начало“ не обманывало себя надеждой на то, что в России будет завоевана „широкая политическая свобода“. Оно подчеркивало, — а это впоследствии полностью оправдалось, — что русская буржуазия, к которой, по его предположениям, должна была перейти государственная власть, еще не сознавала необходимости добиваться и защищать такую свободу, но при конституции будет все же гарантирована хотя некоторая неприкосновенность личности и свобода слова и печати.

Но, повторяем, и Осинский и „Начало“ были лишь первыми ласточками политической борьбы, вся же масса тогдашних революционеров продолжала спиной поворачиваться к „по-

литике". Но „политика“ в лице русского самодержавия не только не поворачивалась спиной к революционерам, но, наоборот, бросила против них все силы, имевшиеся в ее распоряжении.

В октябре 1877 г. начался суд над 193 пропагандистами, о котором мы уже говорили выше, когда приводили речь Мышкина. Большинство подсудимых заявило, что оно не признает этого суда. Суд происходил в отсутствии обвиняемых. И сенаторы-судьи и прокурор сами были смущены всем этим процессом. Их смущало прежде всего то, что полиция, умышляя, по выражению Г. И. Успенского, „тащить и не пущать“, не сумела собрать материала, хоть сколько-нибудь уличающего подсудимых. Наоборот, подсудимые, как это видно из речи Мышкина, превратились в обвинителей и со своих скамей громили самодержавие. Дело дошло до того, что, когда Мышкин начал клеймить суд, сравнивая его с публичным домом, „почтенные“ сенаторы до того растерялись, что убежали из зала заседаний, даже не объявив перерыва.

А после этого скандала суд вынужден был вынести оправдательный приговор 150 из 193 просидевших до суда по несколько лет в предварительном заключении. Этим не кончился скандальный для правительства „процесс 193“. Приговоры подлежали утверждению царя. Обычно царем приговоры смягчались, но на этот раз перепуганный на-смерть „царь-освободитель“, как его окрестили подхалимы-историки, увеличил наказание приговоренным в каторжные работы, а чего не сделал царь, то сделала полиция. Из числа 150 освобожденных свыше 80 было выслано административным порядком.

В это время впервые так называемое „российское общество“ воочию убедилось, каких людей гноит царское правительство в тюрьмах или ссылает на погибель в тундры России и Сибири. Симпатии этого общества, незадолго до этого отнесшегося крайне враждебно к Казанской демонстрации, повернулись в сторону революционеров, а исторический выстрел Веры Ивановны Засулич окончательно расположил либеральничавшую часть общества к революционерам.

На этом историческом выстреле необходимо остановиться.

Правительство рассчитывало своими репрессиями запугать революционеров. Насколько его надежды на это не оправдались, свидетельствует следующее письмо-завещание осужденных по „процессу 193“.

„Товарищи по убеждениям!

Процесс русской народно-революционной (социально-революционной) партии официально закончен: так называемый „приговор“ в окончательной форме подписан, и официальной власти остается только отправить нас, осужденных в каторгу и ссылку, по назначению. Уходя с поля битвы пленными, но честно исполнившими свой долг, по крайнему нашему разумению, уходя, быть может, навсегда, мы считаем нашим правом и нашей обязанностью обратиться к вам, товарищи, с несколькими словами. Не придавая себе значения более того, какое мы имеем, мы будем говорить лишь в пределах той роли, какая наложена на нас извне. Официальная власть нашла для себя полезным сделать нас наглядным примером устрашения для людей одинакового с нами направления путем лицемерного различия в „мере наказания“, быть может, средством развращения людей слабых, готовых руководиться в своем поведении не одним голосом совести, но и соображениями о личном благополучии. В силу этой невольной роли, мы чувствуем себя обязанными заявить, что никакие „кары“ и „снисхождения“ не в состоянии изменить ни на иоту нашей приверженности к русской народно-революционной партии.

Мы попрежнему остаемся врагами действующей в России системы, составляющей несчастье и позор нашей родины, так как в экономическом отношении она эксплуатирует трудовое начало в пользу хищного тунеядства и разврата, а в политическом — отдает труд, имущество, свободу, жизнь и честь каждого гражданина на произвол „личного усмотрения“. Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям итти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха“.

На это немедленно последовал отклик:

„Ни казни, ни осадные положения не остановят нас на пути исполнения завещания наших товарищей, — и оно будет исполнено“.

Правительство и департамент полиции не отдавали себе отчета в настроении и революционеров и общества. „По окончании большого процесса (193), — писал департамент полиции, — когда главные коноводы смуты и пропаганды были осуждены или сосланы, а помилованные и оправданные от-

даны под строгий полицейский и административный надзор, можно было ожидать наступления спокойствия“. „Предположения эти,—жалуется департамент,—однако, были далеки от осуществления, и 1878 годом как-раз начинается наиболее сильный период анархистского движения в России“.

Да, правительство искало спасения в репрессиях, а его репрессии лишь подливали масла в огонь революции, который вспыхнул более ярким пламенем в связи с истязанием (по приказанию градоначальника Трепова) Боголюбова, приговоренного в каторжные работы за участие в Казанской демонстрации. Фамилия Боголюбова, как открылось уже после его осуждения, в действительности была Емельянов.

По официальной версии, с момента утверждения приговора „Боголюбов вошел в разряд арестантов-каторжников, и этим самым подлежал действию тех статей уложения о наказаниях, которые относятся к самым тяжким преступникам. 13 июля 1877 г. во время инспекторского смотра ген. Треповым дома предварительного заключения, где пока находился Боголюбов до отправления его в Сибирь, последний позволил себе в высшей степени оскорбительное поведение по отношению к этому представителю высшей администрации. По точному и ясному смыслу действующего закона, каторжники даже за проступки второстепенной важности могут быть подвергнуты телесному наказанию розгами в количестве до ста ударов. В силу необходимости применить эти правила при данных обстоятельствах и для примера остальным арестантам,—тем более, что Боголюбов нанес оскорбление в присутствии своих товарищей по наказанию,—ген. Трепов приказал подвергнуть его телесному наказанию средней (!) степени—25 ударов. *Достаточно было этого простого факта, не представляющего почти никакой важности и во всяком случае не переходящего границ самой строгой законности, чтобы внести возбуждение в горячие головы приверженцев анархизма; игнорируя законы, они придирались к малейшему акту правительственной строгости, чтобы возбуждать неудовольствие общества, чтобы проводить новые мотивы для оправдания своих недостойных действий, которые и без того вызывали сильную ненависть в груди русского народа.* Анархисты стали кричать о тирании, о пытках, инквизиции, произволе, тюремных ужасах, тайнах и т. д. Градоначальник должен был

пасть от руки мстителя. Эта идея почти год волновала круг анархистов“*).

Фактически то „тяжелое преступление“, о котором в таких таинственных словах говорит официальный документ, выразилось в том, что Боголюбов не снял шапки перед Треповым. Узнав об этом истязании, другие заключенные подняли шум. Их избили и поволокли в карцер, причем избивание и пребывание в карцере носило такой характер, что даже товарищ прокурора петербургского окружного суда Платонов счел необходимым возбудить дело против „управляющего домом предварительного заключения Курпеева, помощников его Кудасова и Куриленко и тех полицейских служителей, которые дозволили себе наносить побои арестантам“.

Известие об истязании Боголюбова произвело среди революционеров, остававшихся на свободе, потрясающее впечатление. Ростислав Стеблин-Каменский сообщает, что на Григория Попко до того подействовала расправа с Боголюбовым, что он как бы одним скачком перебросился в лагерь сторонников политического террора и вместе с еще несколькими товарищами решил отправиться из Киева в Петербург с целью убить Трепова. Приготовления к этому уже были сделаны, когда раздался выстрел В. И. Засулич.

Правительство настолько было уверено в верноподданных чувствах общества, что решилось передать дело суду присяжных. Дело слушалось 31 марта 1878 г. под председательством А. Ф. Кони. На суде выявилась во всем своем ужасе картина тюремных порядков в России. Присутствовавший на суде в качестве журналиста Г. К. Градовский пишет:

„Всем стало тяжело, как от пытки, стыдно от сознания, что подобные варварства могут совершаться над русским народом в столице Петра, у самого здания суда „правды и милости“, да еще во время войны за освобождение“.

Суд присяжных вынес Засулич оправдательный приговор.

„Этот результат,—скорбно жалуется департамент полиции,—осязательно доказал правительству, что опасность больше, чем предполагали, что некоторые классы общества *отравлены губительным ядом*, что средства надзора трудны и испытания, через которые придется еще пройти правительству, *серьезны и сложны*“.

*) Везде курсив подлинника. — Ф. К.

Под этими „некоторыми классами“ департамент подразумевал ту интеллигенцию, которая в лице присяжных осмелилась перечить желаниям самодержца; либеральные земства, которые, желая свою жалкую ладью проташить по волнам, не ими приведенным в бурное движение, предлагали правительству предоставить им свободу, а они уже сами справятся с „крамолой“.

„Из объяснений земств,— читаем мы в „Земле и Воле“ от 8 марта 1879 г.,— кажется, как-будто им свобода, просвещение, честный суд только затем и нужны, чтобы помочь правительству придушить людей, до сих пор по всей России единственно доказавших страстную и энергичную любовь к свободе, ненависть к насилию и произволу. Скажут, что это не более, как практический прием. В таком случае, прием-то очень нехороший. Свободы достоин тот, кто любит ее саму по себе, а не потому, что, мол, так удобнее будет других душить. „Проситесь в собаки“, как когда-то выразился „Вперед“ о наших газетах, не лестно, господа, и святое дело воплощения свободы в русскую жизнь не мешало бы начать каким-нибудь другим, более достойным образом. Далее. Вы, господа, желаете просвещения, обеспечения свободы личности, слова, печати, желаете земского собора и т. д. Но поверьте, что только действительная сила, требующая и умеющая поддержать требование, достигает того, чего ей хочется. А вы боитесь даже договаривать до конца. Вы очень хорошо понимаете, что только серьезное ограничение самодержавия может дать нам свободу, а между тем боитесь даже заикнуться об этом... Вы жалуетесь на невозможность свободно говорить, писать. А как же социалисты свободно говорят и пишут? Почему бы и вам не завести подпольную типографию? Неужели вы не чувствуете, какой приговор подписываете себе, когда говорите, что социалисты действуют более свободно, чем вы? Социалисты, которых расстреливают, судят, ссылают сотнями, оказываются менее стесненными всеми этими внешними давлениями, чем вы своей собственной боязливостью! Ах, господа, можно ли сознаваться в таких вещах! Нам, однако, хотелось бы думать, что ваше бессилие происходит в значительной степени от другой, более общей причины. Дело в том, что *социалисты чувствуют под собою почву**), они действуют во имя народных интересов,

*) Всюду подчеркнуто нами.—Ф. К.

желаний, идеалов, за ними масса. Если же масса не поняла их сегодня, то поймет их завтра. Но вы, господа, за кого стоите, чьи интересы желаете оградить? Вы не можете иметь за собою никогда никого, кроме самих себя. Это — обстоятельство, заслуживающее глубокого внимания со стороны каждого борца за свободу. Всякая политическая, всякая общественная реформа для своего осуществления требует существования силы, на которую реформа могла бы опереться. У нас в России существует государство и народная масса; другой силы у нас нет и вы в своем стремлении к свободе можете выбирать только между ними. До сих пор вы всегда стояли на стороне государства и имели достаточно столетий времени, чтобы убедиться, что оно не даст вам ни свободы, ни обеспеченности личной. Пора понять это и честно перейти на сторону народной массы. *Только она одна даст вам свободу, если вы избавите ее от* своего сословного и имущественного гнета. Обеспечьте народу реализацию его экономических идеалов, его общинной и местной независимости, и он, в свою очередь, даст вам свою могучую силу — единственный противовес силе государственной — для прочного обеспечения свободы и всестороннего развития личности“.

В приведенном нами отрывке все характерно: и то, что самые либеральные представители господствующего класса более сознательно относились, чем социалисты, к разгоравшейся классовой борьбе и, видя в восстающих народных массах своего злейшего врага, предлагали самодержавию свое содействие для искоренения „крамолы“; и то, что, по примеру буржуазии Западной Европы, они желали использовать движение народных масс в своих интересах. Характерно и полное бессилие либерализма. Характерно то, что народники-социалисты, самой жизнью толкаемые на путь политической борьбы, зовут в союзники тех, которые собираются их душить, и, несмотря на опыт прошлого, сильна их вера в то, что за ними массы...

Само собою разумеется, что те, которые „просились в собаки“, были правительством отогнаны, как собаки. На них прищипнули — кое-кого сослали в северные губернии; кое-кому пригрозили, — и в мире так называемой „интеллигенции“, как городской, так и земской, вновь воцарилось рабье спокойствие. Зашевелилась лишь молодежь. Но тут правитель-

стве вновь прибегло к тому, что им с успехом было применено во время Казанской демонстрации. Против молодежи были двинуты охотнорядцы, кулаками и дубинами внушавшие ей верноподданнические чувства, а затем лучшая часть молодежи была отправлена в ссылку.

С оправданием Засулич правительство не примирилось, оно сделало попытку арестовать ее при выходе из суда, приговор кассировать и судить вторично. Но перед зданием суда собралась молодежь во главе с революционерами. Раздались выстрелы, жертвой которых пал революционер Сидоратский, и Засулич на глазах у растерявшейся полиции была подхвачена и увезена. Некоторое время она скрывалась в Петербурге, а затем уехала за границу, где впоследствии вместе с Плехановым и др. создала группу „Освобождение труда“.

Выстрел Веры Ивановны Засулич является в истории движения как бы вехой, отмечающей переход от одной стадии революционного движения к другой. Правительство реагировало на оправдание Засулич тем, что изъяло из ведения судов присяжных дела „о неповиновении властям и о насильственных против них действиях“ и обрушилось на интеллигенцию, молодежь и прессу целым рядом репрессий.

Революционеры на этот белый террор отвечают красным. В Одессе 30 января (11 февраля) 1878 г. Ковальский, Витащевский, Свитыч, Кленов и др. оказывают вооруженное сопротивление явившейся их арестовать полиции. Перестрелка между революционерами и полицией продолжалась около полутора часов, почти все поголовно революционеры были ранены, а во время перестрелки один из революционеров обратился с речью к окружившей дом массе, привлеченной выстрелами.

Это вооруженное сопротивление было как бы сигналом для дальнейших выступлений.

В феврале Валериан Осинский стреляет в товарища прокурора Котляревского, прославившегося впоследствии в качестве одного из самых жестоких ликвидаторов. В мае Попко убивает жандармского полковника Гейкинга; в июле революционеры, в том числе казненные впоследствии Перовская и Квятковский и будущие шлиссельбуржцы Александр Михайлов, Фроленко, Баранников и др., пытаются вооруженной рукой освободить осужденного по „процессу 193“ Войнаральского. При нападении на сопровождавший Войнаральского

конвой один из жандармов был убит, но другой погнал лошадей и увез его. Несколько месяцев спустя Фроленко проникает в киевскую тюрьму в качестве тюремного надзирателя и бежит оттуда вместе с содержавшимися в этой тюрьме Стефановичем, Дейчем и Бохановским. Тогда же матрос Березнюк и студент Яцевич, переодетые жандармами, при содействии Ефремова делают неудачную попытку освободить Медведева-Фомина. В начале августа (н. ст.) 1878 г. происходит суд над Ковальским и его товарищами. Перед зданием суда собирается масса, возглавляемая революционерами Виттенбергом (впоследствии казненным), Галиной Чернявской, Христиной Гринберг, Фанни Морейнис и др., и когда в эту массу проникает известие о том, что Ковальский приговорен к расстрелу, она бросается к зданию суда. В ответ на это стоявшие на часах у здания суда солдаты дали залп. Виттенберг*), а за ним и другие на залп ответили выстрелами, причем два революционера, Полтавский и Погребецкий, были во время этой перестрелки убиты.

2 августа был расстрелян Ковальский, 4 августа уже последовал со стороны революционеров ответ на это убийство: в Петербурге был убит шеф жандармов Мезенцев известным революционером Степняком-Кравчинским.

Это убийство произвело потрясающее впечатление на правительство. Растерянное, оно опубликовало весьма своеобразное обращение к обществу, совершенно невольно сознавая в бессилии самодержавия в борьбе с революционерами и смягчая это признание лишь тем, что оно в этом обращении говорило от имени „народа“.

„Ряд возмутительных и преступных деяний,—гласило это обращение,—предпринятых горстью злонамеренных лиц с целью поколебать существующий в России строй государственного управления, достиг 4 сего августа крайней степени злодеяния совершением в здешней столице убийства шефа жандармов, генерал-адъютанта Мезенцева.“

Правительство, несмотря на обнаруживавшиеся по временам проявления пропаганды преступного свойства, с особенным долготерпением (!) направляло все подлежащие судеб-

*) Именно Виттенберг, а не Медведев, как это широко распространилось со слов только самого Медведева, хваставшего этим, начал первый стрелять.

ному преследованию дела о пропагандистах путем, указанным законом, воздерживаясь от принятия каких-либо особых, чрезвычайных мер.

Ныне терпение правительства исчерпано до конца; ныне оно считает долгом и своею святою обязанностью по отношению к каждому честному и доброму гражданину русского государства оградить общественную, частную жизнь и права собственности от тех правонарушений, которые по их зловредному и преступному свойству задерживают спокойное и правомерное развитие государственной жизни и правильное исполнение разнородными органами управления возложенных на них законом обязанностей.

Правительство не может и не должно относиться к людям, глумящимся над законом и попирающим все, что дорого и священо русскому народу, так, как оно относится к остальным верноподданным русского государя. Еще менее может оно оставаться равнодушным к тем кровавым преступлениям, которыми люди, выдлившиеся из среды добрых граждан государства, ознаменовали свою возмутительную деятельность. Требуя прав гражданства своим извращенным, лишенным здравого смысла идеям, они попирают идею о законности и законах государственных; проповедуя свободу, они угрозами и подметными письмами вознамерились угнетать свободу тех, которые исполняют свои обязанности по чувству долга и совести; ратуя за принцип личной неприкосновенности, они не гнушаются прибегать к убийствам из-за угла.

В виду сего, правительство отныне с неуклонной твердостью и строгостью будет преследовать тех, которые окажутся виновными или прикосновенными к злоумышлению против существующего государственного устройства, против основных начал общественного и семейного быта и против освященных законом прав собственности.

Русский народ во всеуслышание провозглашает нарушителей государственного и общественного спокойствия и виновников совершенных преступлений — отверженниками и с негодованием отворачивается от их кровавой деятельности. Он громко требует и ожидает защиты от законных властей и просит правительство вырвать с корнем позорящее русскую землю зло.

Представители наших сословных и общественных учреждений высказались уже в этом смысле, а целый ряд полу-

ченных разными правительственными учреждениями частных писем и заявлений от лиц всех (?) классов населения, не исключая и крестьянского, свидетельствуют, что население империи возмущено до глубины души деятельностью преступников и пропагандистов, лжеучений, чуждых русскому народу.

Но как бы ни были тверды и стойки действия правительства, как бы строго и неуклонно ни следовали исполнители правительственных мероприятий велениям их долга и совести, с каким бы презрением и гражданским мужеством ни относились правительственные власти к повторяемым угрозам шайки злодеев, *правительство должно найти себе опору в самом обществе и потому считает ныне необходимым призвать себе на помощь силы всех сословий русского народа для единодушного содействия ему в усилиях вырвать с корнем зло, опирающееся на учение, навязываемое народу при помощи и самых превратных понятий и самых ужасных преступлений* *).

Русский народ и его лучшие представители должны на деле показать, что в среде их нет места подобным преступникам, что они действительно считают их отверженниками и что каждый верноподданный русского государя будет всеми зависящими от него мерами способствовать правительству к искоренению нашего общего (?) внутреннего врага.

В заключение правительство считает своим долгом обратиться к молодому учащемуся поколению с напоминанием и просьбою зрело обдумать и взвесить прискорбные и тяжкие последствия, которым оно себя подвергает, увлекаясь распространяемыми в его среде лжеучениями. Добросовестное и здоровое отношение к науке, соединенное с трудолюбием, всегда было и будет лучшим, надежнейшим охранителем от вступления на ложный путь соблазна. Встречающиеся же до сего времени уклонения от этой непреложной, освященной опытом истины, к величайшему прискорбию, уже сгубили безвременно не мало жертв из среды молодых людей, по своим способностям подававших надежды на более светлую и полезную для общего блага будущность“.

„Просящиеся в собаки“ — кое-какие земства, городские самоуправления и некоторые органы так называемой „либеральной прессы“ попрежнему откликались и на этот призыв, как

*) Подчеркнуто нами. — Ф. К.

раньше и как впоследствии, в особенности после 1 (13) марта 1881 г., выражая готовность содействовать удушению революции, если им будут даны кое-какие права.

Совершенно иначе реагировали на это правительственное обращение революционеры.

„Одни находили нужным отомстить прокурору, обвинявшему по делу Ковальского,—сообщает в своих воспоминаниях Дебагорий-Мокриевич,—другие—председателю суда. Осинский высказывался за убийство генерала Себеки (одесского градоначальника). И так как все это говорилось и проектировалось не болтунами, а людьми дела, то можно было ожидать, что борьба закипит на жизнь и смерть“.

И борьба закипела.

В октябре 1878 г. Каденкина и Малиновская оказывают вооруженное сопротивление в Петербурге, в ноябре Сутягин— в Харькове, в декабре Дубровин— в Старой Руссе, в январе 1879 г. Осинский и Лешерн фон Гарцфельд— в Киеве; в феврале в Киеве же происходит чуть ли не битва Бранднера, Антонова и товарищей с полицией, в феврале печальной памяти Гольденберг, впоследствии предавший дело, убивает харьковского губернатора князя Кропоткина, двоюродного брата революционера-анархиста Петра Кропоткина; в марте Мирский стреляет во вновь назначенного шефа жандармов Дрентельна; наконец, 2 (14) апреля Соловьев стреляет в Александра II.

Правительство пытается кровью революционеров залить разгоравшийся революционный пожар. Для этого дела по „политическим и государственным преступлениям“ исключаются из компетенции обыкновенных судов и предаются военным или же, когда дело разбирается в столице, суду „особого присутствия сената“.

Приговоренный к смерти по делу польской социал-революционной партии „Пролетариат“ коронный мировой судья Петр Васильевич Баровский в составленном им воззвании „к военным“ отметил, что если царское правительство намеревается поставить виселицы по всему лицу земли русской, то оно вводит военные суды, и назначенные им судьями три майора беспрекословно выполняют волю пославших их. Баровский не преувеличил. Вот факты за тот период, о котором мы говорим. 13 (25) апреля 1879 г. происходит суд над Дуб-

ровиным. 20 апреля (2 мая) его казнят, несмотря на сомнения относительно нормальности его умственных способностей. 30 апреля (12 мая) приговаривают к смерти Бранднера и Антонова-Свириденко, 7 (19) мая—Осинского. Всех троих казнят публично—14 (26) мая. 25 мая (6 июня) суд над Соловьевым, 28 мая (9 июня) его вешают. 7 (19) июля приговаривается в Киеве к смерти Большанский, 14 (26 июля)—Федоров-Гобет, 18 (30) июля их обоих вешают. 25 июля (6 августа) происходит в Одессе суд над Чубаровым, Лизогубом, Виттенбергом, Давиденко и Лаговенко; 10 (22) августа происходит в Одессе казнь Лизогуба, Чубарова и Давиденко, а Виттенберга и Лаговенко для воздействия на население г. Николаева перевозят туда и там подвергают казни.

Как видно из всех этих данных, в это время происходила ожесточенная борьба, кровь лилась струей с обеих сторон, но этих актов нельзя рассматривать как сознательный переход к политической борьбе, принимающей в первой своей стадии форму террора.

Уже после убийства Мезенцева „Земля и Воля“ предостерегала увлекавшихся террором, напоминая, что „террор не является путем для освобождения рабочих масс, что он не имеет ничего общего с борьбой против основ существующего строя. *Против класса может бороться только класс.* Вся государственная система может быть разрушена только самим народом, поэтому главные силы революционеров должны продолжать работу среди народа. Террористы—только отряд, защищающий ряды партии от предательских покушений врага“.

„Обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью,—продолжает „Земля и Воля“,—значило бы оставить свою прямую постоянную цель, чтобы погнаться за случайной и временной. Такое направление нашей деятельности было бы великой ошибкой еще и с другой стороны—со стороны тактики партии. Падение нашего современного политического строя *не может подлежать ни малейшему сомнению.* Не нужно быть пророком, чтобы предсказать это. *Вопрос только о дне и часе, когда это совершится**“. Этот строй, поражаемый со всех сторон, падет, уступив место более современному конституционному строю, который, как всякая конституция, „выдвинет на первый план привилегированные сословия:

*) Подчеркнуто в подлиннике.— Ф. К.

помещиков, купцов, фабрикантов — всех владельцев капитала, движимого и недвижимого, — словом, буржуазию в экономическом смысле слова. В настоящее время они разрознены и потому бессильны; конституционная же свобода, как бы жалка она ни была, им-то во всяком случае даст возможность организоваться в сильную партию, первым делом которой будет провозглашение крестового похода против нас, социалистов, как своих опаснейших врагов“.

Если мы прибавим к этому, что покушение на Александра II, которое уже не могло быть истолковано иначе, как акт политической борьбы, было совершено Соловьевым без санкции партии, то убедимся, что в то время, в общем, землевольцы не отдавали себе еще отчета в том, что уже само количество террористических актов перешло в политическое качество; характерны лозунги Осинского, что идея политической борьбы, осознанная и формулированная „Северно-Русским рабочим союзом“, находила все больше и больше сторонников, хотя в искаженном виде, каким является политический террор. При этом надо заметить, что Соловьев, хотя и действовал без согласия партии, но не был одинок. Покушение на царя уже до этого готовил Виттенберг, для чего предполагалось подвести мину под пристань в Николаеве, куда должен был приехать Александр II. В подготовке этого покушения Виттенбергу содействовал Лаговенко. Готовились к покушению на царя Гольденберг, Александр Михайлов, Квятковский, Зунделевич, Кобылянский. То обстоятельство, что покушение было совершено именно Соловьевым, а не Гольденбергом или Кобылянским, объясняется тем, что первый был евреем, а второй — поляком и что совершенное ими покушение могло быть превратно истолковано. Сочувственно к политической борьбе, не суживая ее только до границ террора, относились и рабочие.

Михаил Родионович Попов упоминает о многолюдных рабочих сходках, собиравшихся в Ростове-на-Дону за городом. Харьковский губернатор в официальном отчете за 1877 г. пишет:

„Класс рабочих, весьма многочисленный в Харькове, требует усиленного надзора и не представляет залогов устойчивости против распространения новых учений. В среде этого населения революционная пропаганда встречает постоянное

сочувствие, и в случае какого-либо движения в смысле перехода от теории к действию, класс харьковских рабочих в огромном большинстве своем не представит отпора возмутителям“.

Тем не менее землевольцы в целом отрицательно относились не только к террору, но и ко всякой политической борьбе. В. Богучарский, останавливаясь на этом характерном явлении, приходит к выводу, что это было отражение отношения бакунизма к марксизму, что землевольцы оставались анархистами, отрицавшими государство вообще, и поэтому отрицательно относились и к борьбе за изменение формы государства. Он же приходит к выводу, что их страшила эволюция, совершенная германской социал-демократической партией, которая, по характеристике тогдашнего ярого противника ее П. Б. Аксельрода, — тогда страдавшего „детской болезнью левизны“, а ныне страдающего старческой болезнью правизны, — именно из-за преклонения перед политикой скатилась на путь реформизма.

П. Аксельрод писал:

„Либкнехт*) был того мнения, что социалистическим депутатам следует только один раз явиться в рейхстаг с протестом против всей господствовавшей системы и затем удалиться из этой „кунсткамеры“. Но прочие лейпцигские социалисты считали необходимым, чтобы социал-демократы от времени до времени пользовались трибуной рейхстага (парламента) для заявления перед всем народом о своем принципиально враждебном отношении к этому законодательному учреждению и невозможности социальных реформ в рамках современного государства. Поэтому решено было воздерживаться от всякого участия в законодательных работах рейхстага“.

Это было вначале. А впоследствии, по характеристике того же Аксельрода, был выдвинут другой лозунг:

„Мирное и спокойное шествие вперед, сосредоточение всех усилий партии на постепенном и медленном реформировании государства“.

„Убедить все классы общества, особенно мелкую буржуазию в своем искреннем отвращении к революции, — такова отныне цель, страстно овладевшая вожаками этой партии“.

Так же относился к этой партии и П. А. Кропоткин:

*) Вильгельм, отец Карла.

„Германская социал-демократия прониклась ненавистью к революционному духу вообще. Она злобно обличала его, где бы он ни появлялся, — даже тогда, когда усмотрела первые его проявления в России“.

Если вспомним упрек, сделанный „Землей и Волей“ халтуринскому „Союзу“, что он заимствовал свою программу у западных социал-демократических партий, то нельзя будет не прийти к выводу, что и этот момент в отношении землевольцев к вопросу о политической борьбе мог иметь некоторое значение.

Но, повторяем, несмотря на такое отношение землевольцев к политической борьбе, среди них появились деятели, уже осознавшие необходимость ее и решительно отстаивавшие свои взгляды. К ним принадлежал Желябов, глубоко убежденный в том, что игнорирование политической борьбы и устойчивость перед насилиями правительства были бы для партии самоубийством.

Как видим, под одной партийной крышей очутились люди двух различных направлений. Одни, отвергая политическую борьбу, настаивали на необходимости продолжать бунтарскую агитацию в деревне, другие главное значение придавали политическому террору. Уже это ставило ребром вопрос о размежевании. И это размежевание вскоре состоялось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

„В 1879 г., — пишет автор изданной за границей брошюры п. з. „К биографиям А. И. Желябова и С. Л. Перовской“, — некоторая часть землевольцев, убежденная, что при наших условиях игнорирование политического элемента и уступка правительства в так или иначе завязавшейся борьбе были бы равносильны самоубийству партии, начала несколько изменять прежний характер действий. Лица, придерживавшиеся этого взгляда, скоро пришли к убеждению в необходимости изменить всю программу и довести свои силы до возможности оказывать стойкое сопротивление правительству; если же оно не откажется от своей системы, то они решились поставить государственный переворот прямою целью партии. Все это представлялось в то время крайне непопулярным новшеством, конституционализмом и т. п. Поэтому новаторы при-

нуждены были действовать очень осторожно. Они не теряли надежды, что вся „Земля и Воля“ окажется способной понять требования времени, но надежды эти не могли быть велики, а поэтому они старательно разыскивали надежду везде, где было можно.

В 1879 г., осенью, согласно уставу „Земли и Воли“, должен был собратся общий съезд землевольцев для окончательного обсуждения дел и постановки практических задач организации впредь до следующего съезда. Для этого собрания выбран был Воронеж как место, куда дешевле всего было съехаться большинству членов. Новаторы очень желали воспользоваться съездом для окончательного упрочения реформы. Самые же рьяные охранители старой программы, напротив, надеялись, что на съезде им удастся искоренить из „Земли и Воли“ даже те ростки новшества, которые успели туда проникнуть. В виду такого положения вещей, новаторы решили за несколько дней до Воронежского съезда собрать *свой* поблизости, в Липецке, с тем, чтобы взвесить силы и явиться в Воронеж уже с ясно определенной программой и с полным представлением о том, насколько обстоятельства позволяют быть „требовательными“.

Таково свидетельство незнакомого автора, если не очевидца, то во всяком случае современника, бывшего вполне в курсе дела. Из этого следует, что до Воронежского общепартийного съезда в Липецке происходил фракционный съезд сторонников политической борьбы. Это подтвердил и сам Желябов на процессе по делу 1 (13) марта 1881 г. Основным моментом решений этого фракционного съезда было постановление, что социально-революционная партия должна *часть* сил использовать на политическую борьбу. Борьба эта должна вестись путем заговора, для чего должна быть создана централизованная организация.

В высшей степени характерно, как обосновывалась Желябовым эта позиция.

„Социально-революционная партия, — формулирует биограф Желябова его взгляды, — не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и по каким бы то ни было причинам оказываются не способными дать России свободные

учреждения и гарантии личных прав. А, между тем, эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сложить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет „идейная борьба“. В виду этого мы должны остановиться как на ближайшей цели, на чем-нибудь таком, достижение чего давало бы прочное основание политической свободе“.

Затем Желябов доказывал, что, „если партия хоть сколько-нибудь считает своей целью обеспечение прав личности, а деспотизм признает вредным, если она, наконец, верит, что только смелой борьбой народ может достигнуть своего освобождения, то тогда для партии просто немыслимо безучастно относиться к таким крайним проявлениям тирании, как тотлебенские и чертковские *) расправы, инициатива которых принадлежит царю. Партия должна сделать все, что может; если у нее есть силы низвергнуть деспота посредством восстания, она должна это сделать; если у нее хватит силы только наказать его лично, — она должна это сделать; если бы у нее не хватило силы и на это, она обязана хоть громко протестовать... Но сил хватит, без сомнения, и силы будут расти тем скорее, чем решительнее мы станем действовать“.

К более точному изложению мировоззрения Желябова мы вернемся позже, здесь же отметим, что далеко не все участники Липецкого съезда ставили вопрос так, как его ставил Желябов. Одни видели в терроре *единственное* средство борьбы; другие считали, что партия должна добиться *некоторых* прав, иные же договаривались до захвата партией власти. Несмотря на эти разногласия, собравшиеся в Липецке договорились относительно совместного выступления на съезде в Воронеже.

Этот съезд состоялся в конце июля, непосредственно после Липецкого. В организационном отношении в высшей степени характерно, что первым из поставленных на нем вопросов был вопрос о принятии новых членов, в том числе Желябова, который, не будучи еще членом партии „Земля и Воля“, принимал весьма активное участие в съезде фракции „террористов“ в Липецке. Этот вопрос не вызвал особых возражений, и вновь принятые явились на съезд как полноправные члены.

*) Тотлебен и Чертков — генерал-губернаторы.

Состав съезда был в идейном отношении в высшей степени разношерстный. Большинство так называемых „деревенщиков“ продолжало стоять на прежней своей позиции, чуть ли не с отвращением относилось к „политике“ и фактически проповедывало, не сознаваясь в этом, отречение от революционной работы и замену ее культурной: „поднятие умственного и нравственного уровня народа“.

Другие — во главе с Желябовым — отстаивали прямо противоположные взгляды, и противники говорили о том, что он — чистый конституционалист“. Это в значительной степени, — но только в значительной, — верно. Он доказывал, что конституция облегчила бы возможность действовать *если не для официальных социалистов*, то для людей вообще, и тем помогла бы народу выдвинуть своих деятелей, знающих его нужды, умных и дельных.

„Я знаю, — говорит Желябов, — много очень умных, энергичных общественных мужиков, которые теперь сторонятся от мирских дел, потому что крупного общественного дела они себе не выработали, не имеют, а делаться мучениками из-за мелочей не желают; они — люди рабочие, здоровые, прелесть жизни понимают, и вовсе не хотят из-за пустяков лишиться всего, что имеют. Конституция дала бы им возможность действовать по этим мелочам, не делаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дело. А потом, выработавши себе крупный общественный идеал, — не туманный, как теперь, а ясный, осязательный, и создавши *великое* дело, — эти люди уже ни перед чем не остановятся, станут теми героями, каких нам показывает иногда сектантство. Народная партия образуется именно таким путем“.

Эти мысли и были поводом к тому, чтобы противники зачислили Желябова в „чистые конституционалисты“. Но полного представления о его мировоззрении этот отрывок не дает. Мы выше уже подчеркнули, что Желябов говорил о значении конституции для „людей вообще“, делая при этом оговорку относительно „официальных социалистов“. Эта оговорка в высшей степени важна. Тов. Покровский указывает, что Желябов был одним из немногих членов „Народной Воли“, партии, образованной после раскола в „Земле и Воле“, которые совершенно отчетливо понимали значение рабочего движения, как такового.

Желябову принадлежит знаменитая фраза, что в России стачка есть политическое событие. Действуя в этом направлении, Желябов обратил гораздо больше внимания на городской рабочий класс, нежели это делали прежние народники. Его программа является, конечно, программой, в конце концов, чисто народнической. Там вы найдете все решительно народнические украшения: и веру в общину, и крестьянство как главную силу революции, и т. д. Но любопытнее всего, что рабочему классу отводится здесь самостоятельная, — если бы можно было употребить в данном случае этот марксистский термин, не подходящий к не-марксисту Желябову, — самостоятельная классовая роль. Прежде всего в этой программе мы встречаем идею, которая потом реализовалась самостоятельной революционной рабочей партией:

„Те из рабочих, которые твердо порешили, что теперешние порядки и всю народную жизнь следует изменить, — говорит программа Желябова, — составляют небольшие, но дружные общества (кружки) рабочих, выясняют себе, чего следует добиваться, и готовят себя к тому времени, когда общими усилиями нужно будет приступить к выполнению переворота. Кружки должны быть тайными, недоступными для правительственных ударов“. И дальше: „Если бы правительство из боязни общего бунта решилось сделать обществу кое-какие уступки, т. е. дать конституцию, то деятельность рабочих не должна от этого измениться (вот смысл и значение сделанной оговорки). Они должны заявить себя силой, должны требовать себе крупных уступок, должны вводить своих представителей в парламент (т. е. законодательное собрание) и в случае надобности поддерживать эти требования массовыми заявлениями и возмущениями. Для успеха дела крайне важно овладеть крупнейшими городами и удержать их за собой. С этой целью восставший народ немедленно по очищении города от врага должен избрать свое временное правительство из рабочих или лиц, известных своей преданностью народному делу. Временное правительство, опираясь на ополчение, обороняет город от врагов и всячески помогает восстанию в других местах, объединяет и направляет восставших. Рабочие зорко следят за временным правительством и заставляют его действовать в пользу народа“.

„Чем не семнадцатый год“? — правильно отмечает по поводу этого плана т. Покровский и указывает на момент, в высшей

степени важный для характеристики Желябова: „Он уже сознавал, что ориентировка на буржуазию результатов не даст, и примкнул к другой ориентировке — ориентировке на массу, но не на ту массу, которая вызывала неосновательные надежды его предшественников, не на крестьянскую массу, а на массу рабочих“. Само собой разумеется, что высказываемые Желябовым на съезде в Воронеже взгляды не могли не вызывать со стороны „чистых народников“, не исключая „бунтарей“, серьезных возражений. Одни, как Софья Перовская, находили, что не следует оставлять деятельности в народе, хотя и на время, но наряду с этим необходимо все силы устремить на убийство Александра II „ради одной уже мести за ужасные преследования и казни социалистов“. Другие рассматривали убийство царя как „агитационный факт, могущий послужить сигналом к крупным массовым движениям“. Исходя из этого, они, соглашаясь в принципе на цареубийство, откладывали его исполнение до того времени, когда удастся организационным путем установить прочные связи в народных массах, опасаясь, что если этого не будет, то факт убийства царя способен вызвать массовые стихийные движения, которые могут причинить более вреда, чем пользы.

Г. В. Плеханов, обсуждая впоследствии этот критический момент в истории „Земли и Воли“, говорил:

„С тех пор, как русское революционное движение окончательно выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, вопрос о политических задачах социалистов сделался самым насущным, самым жгучим вопросом для нашей партии. Из-за него расходились люди, связанные многими годами совместной практической деятельности, из-за него распадалась целые кружки и организации. Можно даже сказать, что все русские социалисты временно разделились на два лагеря, державшиеся диаметрально противоположных взглядов на „политику“.

Как и всегда бывает в подобных случаях, дело не обошлось без крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу, проявлением в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов, осквернением чистоты социалистической программы. Другие не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, в ее мнимых интересах, идти на компромиссы с либерально-оппозиционными элементами нашего общества.

Эти две крайности столкнулись на Воронежском съезде, но обе стороны, за исключением разве Желябова и его ближайших единомышленников, всеми силами старались избежать раскола. Этим объясняется характер принятых на Воронежском съезде решений.

Первым пунктом порядка дня съезда были программные вопросы. В основные пункты программы „Земли и Воли“ съезд не внес никаких более или менее существенных изменений. Народ (крестьянство) оставался попрежнему центром революционной деятельности, целью которой и впредь оставалась экономическая революция.

В пункт программы об агитации в деревне внесено весьма многозначительное дополнение. Съезд признал необходимым и вполне своевременным применение *аграрного террора*. Это обосновывалось тем, что современные экономические условия, все более и более осложняющиеся, сами по себе будут толкать народные массы на путь аграрного террора. В предвидении этого партия должна инициативу в этом деле взять на себя. Для настроения съезда весьма характерно, что это „дополнение“ было принято *единогласно*.

Вслед за принятием резолюции об аграрном терроре съезд перешел к дискуссии по вопросу о политическом терроре. Борьба приобрела острый характер. В результате принято решение, признающее политический террор средством борьбы *только в исключительных случаях*. Еще более острая борьба разгорелась по вопросу о *цареубийстве*, но все же после весьма бурной дискуссии было большинством голосов решено оказывать содействие созданной на фракционном съезде в Липецке „Лиге *цареубийства*“ и снабжать ее людьми и средствами. Когда результат голосования был опубликован, принимавший участие в съезде Г. В. Плеханов покинул его, заявив, что он впредь не желает иметь ничего общего с членами съезда, как людьми, предающими дело народа. Это заявление не повлияло на изменение решения. Съезд постановил одну третью часть средств, которые будут в его распоряжении, назначать на террористическую деятельность. Фракция политиков победила, но, по свидетельству Льва Тихомирова, эта победа далеко не полностью ее удовлетворяла. Появившиеся разногласия не могли не тормозить как деятельности народников, так и политиков, благодаря постоянным

трениям между теми и другими. При таких условиях для всех стало ясно, что раскол неизбежен.

„Распадение организации „Земля и Воля“, — сообщает биограф Желябова и Перовской, — на две группы, в сущности, произошло задолго до формального его санкционирования. Каждая группа после Воронежского съезда действовала уже почти вполне независимо: привлекала к себе новых членов из лиц, не входивших в организацию „Земля и Воля“, обсуждала условия соглашения и тех уступок, какие можно сделать, чтобы избежать разрыва, и заранее готовилась к своим практическим задачам на случай разрыва“. Это усиливало трения, а так как для всех стало ясно, что работа от этого страдает, то обе стороны согласно решили „разойтись по добром“. Каждая из сторон избрала делегатов для обсуждения основ разрыва. В результате этих переговоров, месяц спустя после Воронежского съезда, „Земля и Воля“ как единая партия перестала существовать, орган партии под этим же названием прекратился. Обе фракции обязались не пользоваться этим названием ни для партии, ни для партийного органа. Материальные средства были разделены поровну между обеими фракциями. В заключение обе стороны обязались оказывать друг другу посильное содействие. Фракция противников политической борьбы приняла название „Черный пердел“, фракция сторонников этой борьбы — „Народная воля“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

С того момента, как две фракции, боровшиеся друг с другом внутри организации „Земля и Воля“, выделились в две отдельные партии, программные основы каждой из этих партий не остались без изменений. Прежнее желание избежать раскола побуждало каждую из этих фракций к компромиссу, но бывало и так, что в результате жестоких споров и дискуссий каждая из сторон, в особенности же „политики“, выражаясь просто, „зарапортовались“ и преподносили своим противникам такое, что этих чуть ли не в дрожь бросало.

Только после устранения этих привходящих моментов идейно определилась каждая из партий. В виду этого сказанное о фракциях полностью не может быть отнесено к партиям, и приходится для характеристики их подвергнуть анализу и их деяния, и их писания...

Начнем с „Черного передела“.

Уже само название определяет позицию этой партии. Идея о „Черном переделе“ в Великороссии и о „Слушном часе“*) на Украине была в то время почти повсеместной. Суть их сводилась к вере в то, что пробьет час, когда вся земля будет разделена между крестьянством, и налоги будут значительно уменьшены. На этом фоне в России создавались миллионы легенд, на этой почве выросла вера в царя. Принимая название „Черный передел“, партия подчеркивала, что она продолжает оставаться верной народнической идеологии, что в основу своей деятельности она ставит народные требования. Но *не в этом*, по существу, отличался „Черный передел“ от „Народной воли“, которая тоже продолжала оставаться на почве народничества, и слово „воля“ в названии партии имело *другое* значение, чем в названии „Земля и Воля“. В последней „воля“ обозначала *свободу*, в „Народной воле“ же — *волю*. Существенная разница между обеими партиями состояла в другом. Уже из дискуссии на Липецком и Воронежском съездах ясно, что основным моментом разногласий было убеждение тех, которые впоследствии образовали „Народную волю“, что пропаганда социализма в более или менее широких кругах крестьянства немыслима при полном отсутствии политической свободы, что агитация на почве осознанных крестьянством потребностей невозможна при наличии ничем не ограниченного произвола полиции. Из этого они приходили к заключению о необходимости предварительно завоевать хоть некоторые гарантии политической свободы, и эту перемену в существовавшем политическом режиме они считали ближайшей целью революционной борьбы.

Против такой постановки вопроса выступил в декабре 1879 г. орган чернопередельцев, редактировавшийся Плехановым, Аксельродом, Стефановичем и Дейчем, в напечатанном в нем „Открытом письме к бывшим товарищам“. В этом письме подвергается критике позиция народолюбцев и формулируется собственная позиция, но далеко уже не такая враждебная „политике“, какой она была на Воронежском съезде, когда Плеханов его покинул. Авторам „Открытого письма“ кажется странным убеждение их противников, что *„в данное время“* политический переворот в России неизбе-

*) Слушный час — надлежащее, благоприятное время.

жен. Уже отсюда ясно, что на этот раз они являлись не противниками политической борьбы вообще, а лишь в данное время. Мало того. „Письмо“ подчеркивает, что „Черный передел“ очень высоко ставит стремление к политической свободе, но эта политическая свобода должна быть результатом развития, эволюции, должна быть, так сказать, результатом сознательности общества. Реорганизация общества на более справедливых началах возможна только при экономической, социальной революции. Политические перевороты нигде и никогда не могли гарантировать народу ни экономической свободы, ни политической. Идеалы политической свободы, верховное право народа, всеобщее избирательное право, во имя которых в прошлом производились политические перевороты, в настоящее время потеряли прежнюю привлекательную силу. Только принцип федерализма, только полное устранение фактора принуждения, являющегося основой современного государства, и свободная низовая организация могут гарантировать нормальное развитие жизни народа. Авторы письма подчеркивают, что и якобинцы применяли террор и насилие во имя защиты прав народа и общественной безопасности, а в действительности система Людовика XIV, Робеспьера и Наполеона I совершенно тождественны и сводятся, с одной стороны, к централизации, авторитету и инициативе власти, с другой же — к полному подчинению и молчанию масс. Если партия „Народная воля“ думает под таким знаменем вести борьбу, то она становится партией реакции, теряет почву под ногами, теряет доверие и поддержку массы и этим обрекает себя и на поражение и на гибель.

Отметим в этой части „Письма“ два момента.

Первый момент. Авторы рассматривают „политический переворот“ как цель, в то время, как народолюбцы субъективно рассматривали его как средство. Отмечая это, мы в данный момент не касаемся вопроса о том, не явились ли они сами, не сознавая этого, отражением того соотношения социальных сил, которое к тому времени значительно изменилось по сравнению с 1861 годом.

Второй момент. „Черный передел“ попрежнему отстаивает бакунинскую „свободную федерацию свободных общин“.

В дальнейшем авторы не оставляют без ответа главного положения „Народной воли“.

„Народная воля“ так сильно настаивает на необходимости ведения непосредственной борьбы с правительством за установление конституционного строя, что она желает приостановить процесс создания буржуазии „как экономического и политического класса“, а затем она стремится очистить дорогу для более успешной борьбы среди народа. „Черный передел“ считает, что этим „Народная воля“ добьется прямо противоположных результатов. Хотя русская буржуазия до сих пор в политическом отношении представляет лишь потенциальную силу, а пока что она слаба, но на фоне общей экономической нищеты народа, дворянства (!) и других слоев населения она все же составляет единственную серьезную силу. Правительство употребляет все средства, чтобы ее укрепить. Протекционная система, система внутренних займов, субсидии на постройку железных дорог и других крупных предприятий — это первоначальное капиталистическое накопление — проводится правительством с полным сознанием цели. Все — ученые, адвокаты, литераторы, а в первую очередь и главным образом капиталисты, крупные и мелкие эксплуататоры и т. д., и т. п., а их великое множество, с жадностью набросятся на дарованную им Александром III или временным правительством конституцию. И когда все эти акулы будут лакомиться брошенным им куском, революционерам придется стоять в сторонке и беситься от бессилия.

В этой части письма мы опять наталкиваемся на поразительное противоречие. С одной стороны, авторы сами говорят, что царизм всеми силами сознательно содействует росту и развитию буржуазии, с другой — в конституционном строе усматривают почву для усиления этого роста, и это их пугает, причем „Черный передел“ не отдает себе отчета в том, что и самый конституционный строй является отражением определенной стадии развития буржуазии.

В заключительной части „Открытого письма“ авторы, с одной стороны, уже проявляют некоторые черты, присущие марксизму, но с другой — все еще над ними тяготее народническое прошлое.

Политическая борьба должна вестись тогда, когда ее смогут вести рабочие массы. Со времени февральской революции во Франции (1848 г.), этого первого протеста французских рабочих против эксплуатации их буржуазией, на арену

истории выступает рабочее *сословие* (характерно, что в подлиннике — не „класс“, а „сословие“), выражением мнений и стремлений которого в научной форме является социализм. Самые выдающиеся деятели на Западе в настоящее время отреклись от идеалов политической свободы как устаревших, и выступают под лозунгами социализма, во имя которого организуют и готовят массы. Задачей социалистической партии является реорганизация экономических и социальных отношений посредством народа и самим народом. Политическая свобода для народа не менее необходима, чем для интеллигенции. Вся разница состоит в том, что эта потребность у народа сливается воедино с другими, более существенными и основными потребностями экономического характера. С этими потребностями должна считаться народная социально-революционная партия, если она желает обеспечить политическую свободу и гарантировать ее от захвата элементами, враждебными народу, что может быть достигнуто только путем организации боевой народной партии на почве экономических условий в понимании народа. Задача такой партии состоит в подготовке умов, средств и орудий борьбы в мирное время и руководстве движением в момент революции. Из этого авторы „Письма“ делают вывод, что ближайшей задачей революционеров должна являться организация такой партии. Это „Открытое письмо“ полностью отражает взгляды „Черного передела“ в первой стадии его существования. В то время, как мы это увидим ниже, „Народная воля“ велела ожесточенную борьбу с самодержавием, подготавливая на царя одно покушение за другим. Эта героическая борьба сосредоточила на себе внимание и симпатии всего мира. Отражение ее мы видим в „Черном переделе“. Во втором номере этого органа, вышедшем восемь месяцев спустя после первого, Плеханов пишет:

„Невыносимая духота чувствуется во всей атмосфере. Все сознают крайнюю ненормальность современного положения, все ищут выхода из него, но в умышленно поддерживаемой правительством темноте все бродят ощупью, сталкиваются, ушибаются, посылают другу другу проклятия и постоянно натываются на новые препятствия.

...Над Россией тяготее проклятие, налагаемое историей на всякую отсталую и развращенную страну...

... Так продолжаться далее не может. Общество увидит, наконец, всю глубину пропасти, на край которой привело его правительство, и, движимое чувством самосохранения, добьется необходимых реформ. В противном случае гордиев узел современной безурядицы будет разрушен топором крестьянина.

Но вероятнее первый исход *).

Как видим, не только народовольцы, но и чернопердельцы в этой стадии уже начали строить свои расчеты на том, что „общество добьется необходимых реформ“ (крестьянство остается ими в резерве, на крайний случай, а о пролетариате не упоминается вовсе).

„Один из Александров,— продолжает Плеханов,— II или III, это в сущности все равно, вынужден будет высочайше пожаловать конституцию, которая удовлетворит интересам высших классов. На минуту нарушенное согласие между ним и монархом восстановится, голодающему народу кинут корку другую хлеба, охранителей из „департамента“ заменят охранители из Земского собора, и „порядок“ будет восстановлен к общему удовольствию всех заинтересованных в его сохранении.

В этом споре за власть между отживающим абсолютизмом и нарождающейся буржуазией какую роль будут играть социалисты? Сосредоточат ли они свои силы на политической борьбе или найдут для себя в народе дело более плодотворное, более достойное партии, написавшей на своем знамени экономическую революцию в интересах трудящихся масс?

Расчлняя борьбу на экономическую и политическую и противопоставляя одну другой, Плеханов все же уже более сочувственно относится к последней.

„Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь, желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем“.

Казалось бы после этого, что для „Черного передела“ и „Народной воли“ наступил момент сближения, что общая плат-

*) Подчеркнуто мною.— Ф. К.

форма найдена, но вслед за этим следует классическое „но“, — „но“, по существу ничтожное, а все же свидетельствующее о том, что между обеими партиями продолжали существовать разногласия, в то время еще смутно осознанные и поэтому неоформленные, разногласия, которые, как увидим ниже, каждую из этих партий толкнули в разные направления.

Но,— продолжает Плеханов,— кроме выгод, которые несомненно принесет с собой политическая свобода, кроме задач ее завоевания, есть другие выгоды и задачи, и забывать о них невозможно именно в настоящее время, когда общественные отношения так обострились и когда поэтому нужно быть готовыми ко всему.

Об этих „других выгодах“, конечно, как мы это увидим ниже, не забывала и „Народная воля“, она лишь пришла к выводу, что полицейский режим парализует возможность какой бы то ни было работы в массах, и поэтому предварительно необходимо с этим режимом покончить. И тем не менее, разногласия существовали фактически. Не все, быть может, чернопердельцы, но Плеханов уже был, так сказать, на пути к марксизму, подходя к нему, как это отметил т. Покровский, от опыта деятельности в народе.

„Экономический вопрос,— пишет Плеханов в той же статье,— всегда и везде был и будет сильным, гжучим, самым существенным вопросом для трудящихся масс. С точки зрения этого вопроса они определяют свое отношение к существующему порядку вещей, благословляют или проклинают появление нового, отталкивают или поддерживают различные партии. Выступая активно в моменты общественных кризисов, народ преследует именно цель своего экономического освобождения. Вопросы политические имеют для него второстепенное значение, если не игнорируются им совершенно. В этом несчастье всех дворянских и буржуазных партий и залог несомненного успеха для социалистов, которые признают коренную важность экономического вопроса и решают его в пользу трудящихся масс. Но здесь же и предостережение для социалистической интеллигенции. Всякое ее отклонение с пути экономической революции будет наказываться ослаблением ее связи с народом, потерей ее значения, падением ее влияния в народной среде. Вот почему при всем нашем сочувствии политической борьбе, на которую устремилось уже

не мало сил, когда-то работавших вместе с нами, мы говорим, что борьба эта имеет лишь второстепенное значение; вот почему мы говорим: современное положение дел в России не только не требует сосредоточения всех наших сил на политической арене, но более чем когда-либо вызывает спрос на них со стороны народа“.

Остановимся еще на одном моменте для разъяснения мировоззрения тогдашних чернопередельцев, поскольку их взгляды выражал Плеханов. Вся статья пестрит термином „народ“, причем под этим термином имеется в виду крестьянство. Это не случайность, и сам Плеханов в заключительной части статьи дает этому разъяснение:

„Когда мы говорили об условиях и способах социалистической деятельности в России, мы имели в виду, главным образом, крестьянскую среду. Мы указывали на важность агитации в этой среде, на необходимость сплачивания и организации выдвигаемых ею революционных сил; мы старались формулировать требования, во имя которых может совершиться слияние социалистической интеллигенции с массой земледельческого населения. Но это не значит, чтобы в целях наших лежал какой-нибудь особенный, крестьянский социализм. Мы совсем не отрицаем значения революционной работы в наших промышленных центрах. Такое отрицание невозможно для нас уже и потому, что мы не в состоянии определить заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в России. В настоящее время промышленное развитие России ничтожно, и понятие „трудящиеся массы“ почти покрывается понятием „крестьянство“. Поэтому, говоря о практической деятельности, мы, главным образом, имеем в виду экономический быт, нужды и требования земледельцев. И если угрозе социального переворота суждено предупредить значительные изменения в общественном строе России — главный интерес этого переворота сосредоточится на вопросе аграрном. Но пока мы делаем свое дело, русская промышленность тоже не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам.

Распределение наших сил должно сообразоваться с этим органическим процессом. Укрепившись на фабрике и в деревне, мы займем позицию, соответствующую не современному только положению, но всему ходу экономического развития России. Написавши на своем знамени девиз: „рабочий, бери фабрику, крестьянин — землю“, связавши в одно целое революционные организации промышленных и земледельческих рабочих, мы можем предоставить ход экономических изменений в России их естественному течению и не бояться их колебаний в ту или другую сторону“.

Это было написано в сентябре 1880 г. Четыре месяца спустя, в январе 1881 г., Плеханов выпуклее и резче отчеканивает свои взгляды.

„Чтобы достигнуть своего освобождения, народ должен представлять собой сознательно организованную силу, способную дать отпор эксплуататорам всех исторических формаций, всех фазисов развития страны. Иначе на место представителей абсолютной монархии явятся представители конституционного режима, выразители экономических интересов буржуазии. Борьба с ними будет так же неизбежна для народа, как неизбежны были протесты его против гнета абсолютизма. И чем разрозненнее будут его силы, чем менее он будет подготовлен к пониманию социальных отношений в буржуазном обществе, тем труднее будет борьба его против новых своих господ, тем далее отсрочена будет его победа.

Современное положение России как нельзя более соответствует всему вышеуказанному.

Абсолютизм, разбитый и дряхлый, как его коронованный представитель, понимает всю непрочность своего положения и, растерянно озираясь, он ищет поддержки.

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, какую цену и где найдет он эту поддержку. Выросшая под его покровительством, вскормленная его заботами, наша буржуазия начинает уже расправлять свои крылья. Она чувствует свою силу, понимает свое значение и, вчерашняя раба, она подсказывает сегодня программу „мирного развития“, а завтра готовится взять в руки все управление государством.

Не политической операцией в так называемом „обществе“ можно, если не отратить, то сократить ее господство. Общество — не народ. В огромном большинстве своих представи-

телей оно — эксплуататор народа, верхний европеизированный слой той самой буржуазии, против которой мы должны бороться. Приблизить час ее падения могут только успехи социально-революционной пропаганды, агитации и организации в народе. Поэтому задача „Черного передела“ может считаться оконченной лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главной целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, причем *требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований, предъявляемых этой организацией правительству и высшим классам*“.

Здесь Плеханов уже выступает как марксист, и поэтому, так сказать, бьет по больному месту „Народной воли“, по ее отношению к обществу, на которое она рассчитывала опереться.

Наряду с этим „Черный передел“ постепенно отрешается от прежнего своего, по меньшей мере, доктринерского отношения к политической борьбе. Героический поединок „Народной воли“ с царским самодержавием заставляет „Черный передел“ изменить свое прежнее враждебное отношение и к „политике“ и, что для бывших бакунистов еще труднее — к конституции. Он уже находит, что борьба „Народной воли“ вскрывает банкротство „допотопного азиатского государства“, этим ускоряет падение абсолютизма и приближает момент введения и упрочения более совершенных форм политической жизни. Как бы ни была ограничена конституция, но при ней будут происходить собрания, митинги, предвыборная агитация, все это весьма положительно повлияет и на общество и на массы и претворит мирных обывателей в сознательных граждан.

Прежние опасения „Черного передела“, что господствующие классы овладеют парламентом, равным образом рассеиваются. Это, может быть, и будет в самом начале существования, но впоследствии и это изменится в пользу трудящихся масс.

Эта статья „Черного передела“ была написана уже под непосредственным впечатлением акта 1 (13) марта 1881 г. — акта убийства в Петербурге Александра II.

В высшей степени характерно, что б. участники Воронежского съезда, покинувшие его, негодуя на принятое решение

о царубийстве, когда совершился акт 1 (13) марта, радикально изменили свои взгляды и этому акту придавали большое значение, подчеркивая, что он не остался без влияния на углубление сознательности чуть ли не всего народа, разбудил всех от вековой спячки, заставил задумываться, сделался новым и сильным фактором дальнейшего углубления политической сознательности.

То обстоятельство, что акт 1 марта был не только гибелью Александра II, но фактически и началом гибели партии „Народная воля“, совершившей этот акт, что убийство царя не вызвало ни в массах, ни в так называемом обществе, на которое рассчитывала „Народная воля“, революционного отклика, ускользнул от внимания „Черного передела“. Правда, в конце 1880 г. один из главарей „Черного передела“, Яков Стефанович, в брошюре „Злоба дня“ прямо говорил, что несмотря на неимоверное число героев-революционеров и их поразительное самопожертвование, революция в России менее близка, чем где бы то ни было. Это явление Стефанович объясняет тем, что революционерам не удалось вовлечь в борьбу ни крестьянина, ни городского рабочего. Если дело будет и дальше так вестись, то никакого результата деятельность революционеров не даст. При этом Стефанович находил, что революционеры придают непростительно ничтожное значение пропаганде среди народа. Если относительно крестьянства это еще может находить себе оправдание в самих условиях работы, то по отношению к рабочим и это оправдание отпадает.

Стефановичем в этой брошюре в одном отношении сгущены краски. Пропаганда и агитация среди рабочих в то время уже велась и „Черным переделом“ и „Народной волей“ — мы не касаемся в данном случае характера этой пропаганды — и в городах оказывалась небезрезультатной. Брошюра Стефановича характерна в другом отношении. Автор — „народник“, но до мозга костей уже „оправдывает“ прекращение или ослабление пропаганды среди крестьян условиями и направляет внимание революционеров на рабочих, а затем он уже признает необходимость политической борьбы и до некоторой степени для успешности этой борьбы настаивает на усилении этой деятельности в массах, для того, чтобы политическая революция произошла в условиях, наиболее благоприятных и

выгодных для народа. „Вот почему,— пишет Стефанович,— теперь, как и всегда, нашей задачей должно быть создание партии крестьян и городских рабочих“. В этом отрывке характерно, что автор говорит о крестьянах вообще, как это все время делалось народниками, как бы не замечая происходившего в деревне процесса дифференциации. В брошюре Стефановича, так же, как в статьях Плеханова за 1880 г., все чаще и чаще упоминается о рабочих, но, в противоположность Плеханову, который уже тогда начал рассматривать рабочий класс как могильщика капитализма, хотя этого окончательно себе еще не уяснил, Стефанович попрежнему отводит рабочим подсобную роль — роль посредника,— вернее, средства более успешного воздействия на крестьянство.

„Как скоро нам удастся создать серьезную рабочую организацию, то уже этим мы откроем себе широко дорогу и в деревню, так как рабочие лучше нас поймут необходимость вовлечь крестьян в революционное движение. Они при этом будут руководствоваться не какими-то народническими тенденциями, а соображениями чисто практического характера“.

Этот взгляд является уже определенной сдачей позиции народниками, которые ставили всегда на первое место крестьянство и видели именно в нем, а не в городских рабочих опору социализма и возлагали все свои революционные надежды именно на мирозерцание крестьянства. Этим не исчерпывается переход чернопередельцев на другие позиции,— позиции, постепенно приближавшие их к марксистскому течению. Эту рабочую организацию Стефанович предлагает строить на почве экономических и профессиональных союзов.

„Объединение рабочих в союзы,— например, в кассы взаимопомощи,—явилось бы первым необходимым шагом для создания революционной организации рабочих. В такие союзы революционеры должны всеми силами стараться провести сознательных рабочих-социалистов, которые могли бы идейно влиять на весь союз“.

Для нас не представляет интереса то обстоятельство, что Стефанович,— автор этой брошюры,— был настолько непоследователен, что вскоре после издания этой брошюры сам перешел в ряды народолюбцев. Это может лишь служить материалом для характеристики этого деятеля, начавшего с Чигиринского дела, т. е. с введения в обман крестьянства,

приема, который был единогласно осужден всем тогдашним революционным миром, затем сделавшегося чуть ли не теоретиком чернопередельства, перешедшего после этого в ряды „Народной воли“ и после ареста своим поведением вызвавшего большие сомнения во многих революционерах, уже после Октябрьской революции выступивших с обвинениями против него на основании данных, сохранившихся в архивах департамента полиции. Дело не в личности Стефановича. Он в своей брошюре формулировал лишь то, к чему постепенно приводил революционный опыт.

О деятельности „Черного передела“ говорить почти не приходится. Она была очень незначительна, а кипучая деятельность „Народной воли“, о которой говорил весь мир, заставляла бы даже совсем забыть о „Черном переделе“, если бы не литературная деятельность этой партии, о которой мы говорили выше.

Репрессии полиции окончательно прекратили деятельность „Черного передела“. 28 января (9 февраля) 1881 г. была арестована типография „Черного передела“. В этой типографии был арестован некто Харьков, выдавший жандармам всех, кого он только знал. Последовали аресты. Харьков был освобожден, а затем, как предатель, убит революционерами. После этого удара „Черный передел“ уже не мог оправиться. Часть более активных деятелей перешла в ряды „Народной воли“, другие были сосланы, иные совершенно отошли от работы.

За время своего существования „Черному переделу“ не удалось ни вызвать нигде крестьянских бунтов, ни использовать стихийные выступления крестьян для революционных целей. Единственный положительный результат существования этой партии, это та идейная эволюция, о которой мы говорили выше,— эволюция, в итоге приведшая к революционному марксизму.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Перейдем к „Народной воле“. С самого начала же нам приходится отметить, что при изучении этой партии необходимо отличать то, к чему она субъективно стремилась, от того, чем она объективно в действительности оказалась. Как из-

вестно, основным пунктом расхождения на Воронежском съезде был вопрос о политической борьбе. И вот с того момента, как революционеры пришли к выводу, что для успешной пропаганды социализма в массах необходимо предварительно низвергнуть абсолютизм,—а выросшая под крылышком самодержавия буржуазия в своих классовых интересах также неизбежно должна была стремиться к тому, чтобы управление государством производилось при ее непосредственном участии, т.-е., чтобы в России был введен парламентский строй,—с этого момента цель и у революционной и у буржуазной интеллигенции была одна и та же — ограничение тем или иным путем самодержавия.

Буржуазия уже раньше обращалась к самодержавию с предложением расширить ее права, т.-е. ограничить себя, и она справится с крамолой, но на это последовал со стороны самодержавия решительный отказ. Сознывая, что без содействия масс она ничего не может добиться и что классовый антагонизм лишает ее возможности непосредственно использовать массы для своих классовых целей, буржуазия, если не активно, то пассивно, готова была содействовать революционерам в их борьбе с царизмом. Это содействие выражалось в моральной и материальной поддержке партии. Это содействие, в свою очередь, не могло не оказывать влияния на партию, не имевшую никакой опоры в массах и лишь начинавшую устанавливать связи с ней. Оно, помимо воли партии, толкало ее в сторону, по меньшей мере, отождествления средства с целью, политической борьбы для низвержения абсолютизма с целью сочетания возможности широкой пропаганды социализма в массах с политической борьбой за парламентский строй. Этими объективными условиями объясняются частые уклон и противоречия, какие мы встречаем в деятельности этой партии. Сделав эту существенную оговорку, перейдем к оценке идеологии „Народной воли“ в том виде, как она представлялась ее деятелям.

Члены партии „Народной воли“ попрежнему считали себя „народниками“, поскольку вопрос шел об основных задачах и целях революционного движения. В теории они полностью разделяли сомнения „чернопередельцев“ относительно буржуазии, считали ее эксплуататором масс, защиту интересов которых они выставляли на своем знамени, и поэтому так же,

как и „чернопередельцы“, они стремились к экономическому перевороту. Но при данных политических условиях народозвольты не видели возможности вести подготовительную работу по организации „народной боевой партии“, о которой говорили „чернопередельцы“. Это казалось им недостижимым, пока существует в России самодержавие. И потому во главу деятельности партии они ставили политическую борьбу, что не исключало основных принципиальных ее стремлений.

Основные требования „Народной воли“ оставались прежние. Короче говоря, „Народная воля“, по ее мнению, отнюдь не изменила своей „народнической“ программы, но, учитывая фактически существовавшие в России условия и натолкнувшись в этих условиях на преграду, ставившую препятствия развитию социалистического движения, решила разрушить ее и этим самым облегчить разрешение своей основной задачи. „Черный передел“ на первых порах своего существования пришел к выводу, что успешная политическая борьба может усилить буржуазию и потому может дать неблагоприятные результаты для народной массы; исходя из этого, он откладывал борьбу на неопределенное время. „Народная воля“, наоборот, считая, что ограничение самодержавия даст и для масс положительные результаты, решила вести политическую борьбу. По существу, в лице этих обеих партий мы имеем классический образец партии слова и партии дела,—партии, витавшей в области абстракции, и партии, для которой конкретные условия момента были решающими, иногда, как увидим ниже, даже в ущерб идейности. „Народную волю“ гораздо менее интересовал абстрактный вопрос об отношении социализма к политической борьбе, чем существовавшие в России конкретные политические условия.

Благодаря этому, в своей полемике с „Черным переделом“ народозвольты всегда ссылались на условия не государства вообще, а на специфические условия русского государства.

„Самостоятельное значение нашего государства,— читаем во втором номере „Народной воли“,— составляет факт чрезвычайно важный, потому что, сообразуясь с этим, деятельность социально-революционной партии в России должна принять совершенно особый характер. Россия, собственно говоря, представляет нечто вроде обширного поместья, принадлежащего компании под фирмой „Русское государство“. Эконо-

мическое и политическое влияние, экономический и политический гнет, как и быть должно, сливается и сводится к одному юридическому лицу — к этой самой компании. При таких условиях политическая и экономическая реформы становятся также совершенно неотделимы одна от другой и сливаются в один общегосударственный переворот. Непосредственным источником народных бедствий, рабства и нищеты является государство“.

Опасаясь быть превратно понятой, „Народная воля“ подчеркивает, что под словом „государство“ она понимает „именно современное российское государство“.

К таким выводам относительно особого характера русского государства „Народная воля“ приходит на основании анализа социальных сил тогдашней России.

„История создала у нас на Руси две главные самостоятельные силы: народ и государственную организацию. Другие социальные группы и поныне у нас имеют самое второстепенное значение. Наше дворянство, например, вытасненное на свет божий за уши правительством, оказалось, однако несмотря на все попечения, решительно неспособным сложиться в прочную общественную группу и, просуществовав едва сотню лет, нынче совсем ступсевалось, расплылось и слилось отчасти с государственной организацией, отчасти с буржуазией, отчасти так, неведомо куда девалось. Буржуазия, выдвигаемая всеми условиями нашей жизни и при самом рождении своем поступившая также под крылышко правительства, без сомнения, имеет больше шансов на продолжительное существование и, если общие условия русской жизни не изменятся, она, конечно, скоро составит грозную общественную силу и подчинит себе не только массы народа, но и самое государство. Но это еще вопрос будущего. В настоящее время наша буржуазия составляет все-таки не более, как ничем не сплоченную толпу хищников; она не выработала еще ни словесного (?) самосознания, ни мирозерцания, ни сословной солидарности...“ „...Без сомнения, это явление временное, происходящее лишь оттого, что наш буржуа еще только родился на свет. Скоро, очень скоро он оформится; еще несколько поколений, и мы увидим у себя настоящего буржуа, увидим хищничество, возведенное в принцип, с теоретической основой, с прочным мирозерцанием, но, — пророчески пред-

сказывает „Народная воля“, — только в том случае, если буржуазию не подсечет в корне общий переворот наших государственных и общественных отношений“.

Переходя к характеристике крестьянства, „Народная воля“ говорит:

„Крестьянин принижен, забит настолько, насколько у государства хватило сил. Он доведен до состояния нищенства в экономическом отношении, он из-за куска хлеба, из-за самых животных, но неумолимых потребностей принужден вести ожесточеннейшую борьбу за существование. Все помыслы его должны направляться на то, чтобы добыть рубль для взноса податей, исполнить все повинности, накормить себя и семью и отдохнуть для новой работы.

„Такая обстановка точно нарочно придумана для того, чтобы породить кулака. Безвыходное положение гонит мужика в кабалу. Кто же виноват в этом? Кто же, как не государственный гнет, экономический гнет его, стремящийся привести массу к состоянию нищенства имущественного и отнимающий у нее всякую возможность бороться с эксплуатацией; нравственный его гнет, приводящий массу к нищенству гражданскому и политическому, деморализующий народ и забивающий его энергию? Устраните этот гнет, и вы сразу отнимете ⁹/₁₀ шансов для формирования буржуазии“.

Из этого вывод:

„Борьба против существующего правительства, ослабляющая его и, стало-быть, расчищающая дорогу политическому перевороту, совершенно неизбежна при таких условиях, когда мы на каждом шагу наталкиваемся на правительство как на деятельного и самостоятельного врага народа“.

И с этим переворотом надо торопиться, пока буржуазия еще не окрепла, в противном случае, если буржуазия захватит власть, „она сумеет закабалить народ основательнее, чем ныне, и найдет более действительные средства парализовать нашу деятельность, чем современное русское государство, кругозор которого не идет дальше тюрьмы и виселицы“.

„Было бы, — читаем в первом номере „Народной воли“, — непростительной ошибкой допустить, чтобы новый, будущий государственный строй оставался вне народного воздействия, чтобы он, освобождая другие классы населения и открывая

возможность действия другим партиям, оставляя при старых условиях массу народа и социалистическую партию“.

И „Народная воля“, возражая оппонентам, заявляет:

„Политическая борьба, к которой нас неудержимо приводят все условия русской жизни, вопреки всем предвзятым теориям, была бы еще более популярна, если бы у нас не существовало ходячего предрассудка, что будто бы, участвуя в ней, мы загибаем своими руками жир для других, что результатами победы воспользуется не народ и не социалисты. Мы думаем совершенно наоборот. Именно, устранившись от политической деятельности, мы загибаем жар для других, именно, устранившись от политической борьбы, мы готовим победу для враждебных народу элементов, потому что при такой системе действий просто дарим им власть, которую обязаны были бы отстоять для народа“.

Все издания „Народной воли“ переполнены этими опасениями роста буржуазии. Н. К. Михайловский, печатавший в „Народной воле“ „Политические письма социалиста“ под псевдонимом „Гроньяр“, еще выпуклее ставит вопрос:

„Россия только покрыта горностаевой царской порфирой, под которой происходит кипучая работа набивания бездонных частных карманов частными руками. Сорвите эту когда-то пышную, а теперь изъеденную молью порфиру, и вы найдете вполне готовую, деятельную буржуазию. Она не отлилась в самостоятельные политические формы, она прячется в складках царской порфиры, но только потому, что ей так удобнее исполнять свою историческую миссию расхищения народного достояния и присвоения народного труда. Министру Валуеву нужен самодержавный царь, чтобы из-под его руки расхищать государственные имущества. Деревенскому кулаку нужна эманация самодержавного царя — самодержавный исправник, чтобы закрепощать голытьбу. Фабриканту нужна такая же эманация — самодержавный полицмейстер, чтобы перепороть столкнувшихся рабочих. Европейской буржуазии самодержавие — помеха, нашей буржуазии оно — опора. В Европе политическая свобода была провозглашена уже после того, как сложилось крепкое, организованное, умственно и материально сильное третье сословие. В этом горе Европы и урок нам. У нас политическая свобода должна быть провозглашена прежде чем буржуазия настолько сплотится и окрепнет,

чтобы не нуждаться в самодержавном царе и его эманациях. Такая минута наступит.

Буржуазия, выросшая под сенью царской порфиры, разорвет ее в клочки, и что вы скажете тогда на неподкупном суде истории? Огстраняясь от политической борьбы, задержали ли вы развитие буржуазии? Нет, вы помогли ему, потому что, чем самодержавнее исправник, тем легче кулаку грабить“.

Такой именно постановке вопроса „Народная воля“ придавала столь большое значение, что включила ее в мотивировочную часть своей программы.

Эту программу мы приводим полностью в том виде, в каком она была напечатана в „Народной воле“, так как неопубликованные пункты, доступные только верхушке партии, ни на всю партию, ни тем более на остальное население влиять не могли.

„А. По основным своим убеждениям мы, социалисты и народники^{*)}, убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное всестороннее развитие личности, а стало быть и прогресс. Мы убеждены, что только народная воля может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда оно идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, *проходит предварительно через сознание и волю народа*^{**)}. Народное благо и народная воля — два наши священнейшие и неразрывно связанные принципы.

Б. 1) Вглядываясь в обстановку, среди которой приходится жить и действовать народу, мы видим, что народ находится в состоянии полного рабства экономического и политического. Как рабочий, он трудится исключительно для прокормления и содержания паразитных слоев; как гражданин, он лишен всяких прав; вся русская действительность не только не отвечает его воле, но он даже не смеет ее высказать и формулировать, он не имеет возможности даже думать о том, что для него хорошо и что дурно, и самая мысль о какой-то воле народа считается преступлением против существующего.

^{*)} Подчеркнуто нами. — Ф. К.

^{***)} Подчеркнуто в подлиннике. — Ф. К.

порядка. Опутанный со всех сторон, народ доводится до физического вырождения, до отупелости, забитости, нищенства—до рабства во всех отношениях.

2) Над закованным в цепи народом мы замечаем облегающие его слои эксплуататоров, создаваемых и защищаемых государством. Мы замечаем, что это государство составляет крупнейшую в стране капиталистическую силу, что оно же составляет единственного политического притеснителя народа, что благодаря ему только могут существовать мелкие хищники. Мы видим, что этот государственно-буржуазный нарост держится исключительно голым насилием: своей военной, полицейской и чиновничьей организацией, совершенно так же, как держались у нас монголы Чингис-Хана. Мы видим совершенное отсутствие народной санкции этой произвольной и насильственной власти, которая силою вводит и удерживает такие государственные и экономические принципы и формы, которые не имеют ничего общего с народными желаниями и идеалами.

3) В самом народе мы видим еще живыми, хотя всячески подавляемыми, его старые традиционные принципы: право народа на землю, общинное и местное самоуправление, зачатки федеративного устройства, свобода совести и слова. Эти принципы получили бы широкое развитие и дали бы совершенно новое направление в народном духе всей нашей истории, если бы только народ получил возможность жить и устраиваться так, как хочет, сообразно со своими собственными наклонностями.

В. 1) Поэтому мы полагаем, что, как социалисты и народники, мы должны поставить своей ближайшей задачей—снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу. Этим переворотом мы достигнем: во-первых, что развитие народа отныне будет идти самостоятельно, согласно его собственной воле и наклонностям; во-вторых, того, что в нашей русской жизни будут признаны и поддержаны многие чисто социалистические принципы, *общие нам и народу* *).

2) Мы полагаем, что народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов при инструк-

*) Подчеркнуто нами.— Ф. К.

циях избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли (как видим, „Народная воля“ не делала себе фетиша из Учредительного собрания), но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться именно на ней.

3) Таким образом, наша цель: отнять власть у существующего правительства и передать ее Учредительному собранию, составленному, как сейчас сказано, которое должно пересмотреть все наши государственные и общественные учреждения и перестроить их согласно инструкциям своих избирателей.

Г. Подчиняясь вполне народной воле, мы тем не менее, как партия, сочтем должным явиться перед народом со своей программой. Ее мы будем пропагандировать до переворота, ее мы будем рекомендовать во время избирательной агитации, ее будем защищать в Учредительном собрании. Эта программа следующая:

1) постоянное народное представительство, составленное, как выше сказано, и имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах;

2) широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа;

3) самостоятельность мира как экономической и административной единицы;

4) принадлежность земли народу;

5) система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики;

6) полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации;

7) всеобщее избирательное право без сословных и имущественных ограничений;

8) замена постоянной армии территориальной.

Мы будем проводить эту программу и полагаем, что в ней все пункты невозможны один без другого и только в совокупности обеспечивают политическую и экономическую свободу народа и правильное его развитие.

Д. В виду изложенных целей, деятельность партии располагается в следующих отделах:

1) Деятельность пропагандаторская и агитационная.

Пропаганда имеет своей целью популяризировать во всех слоях населения идею демократического политического переворота как средство социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии. Критика существующего строя, изложение и уяснение способов переворота и общественной реформы составляют сущность пропаганды.

Агитация должна стремиться к тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись в наивозможно широких размерах против существующего порядка требования реформ в духе партии, особенно же требование созыва Учредительного собрания. Формами протеста могут быть сходки, демонстрации, петиции, тенденциозные адреса, отказ от уплаты податей и пр.

2) Деятельность разрушительная и террористическая.

Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п., имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы.

3) Организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра.

Организация мелких тайных обществ со всевозможными революционными целями необходима как для исполнения многочисленных функций партии, так и для политической выработки ее членов. Но эти мелкие организации для более стройного ведения дела, особенно же при организации переворота, необходимо должны группироваться вокруг одного общего центра на началах полного слияния или федерального союза.

4) Приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе.

Для успешного исполнения всех функций партии в высшей степени важно прочное положение в различных слоях населения. По отношению к перевороту особенно важны администрация и войско. Не менее серьезное внимание партия должна обратить на народ. Главная задача партии в народе — подготовить его содействию перевороту и возможность успешной борьбы на выборах после переворота, — борьбы, имеющей

целью проведение чисто-народных депутатов. Партия должна приобрести себе сознательных сторонников в наиболее выдающейся части крестьянства, должна подготовить себе активное содействие масс в наиболее важных пунктах и среди наиболее восприимчивого населения. В виду этого каждый член партии в народе должен стремиться занять такое положение, чтобы иметь возможность защищать крестьянские интересы, помогать их нуждам, приобрести известность честного и благожелательного крестьянству человека и поддерживать в народе репутацию партии, защищать ее идеи и цели.

5) Организация и совершение переворота.

В виду придавленности народа, в виду того, что правительство частыми усмирениями может очень надолго сдерживать общее революционное движение, партия должна взять на себя почин самого переворота, а не дожидаться того момента, когда народ будет в состоянии обойтись без нее.

Своего взгляда на способы совершения переворота „Народная воля“, по конспиративным соображениям, не опубликовала.

„6) Избирательная агитация при созывании Учредительного собрания, каким бы путем ни произошел переворот — как результат самостоятельной революции или при помощи заговора — обязанность партии — способствовать немедленному созыву Учредительного собрания и передачи ему власти временного правительства, созданного революцией или заговором. При избирательной агитации партия должна всячески бороться против кандидатуры различных кулаков и всеми силами проводить чисто мирских людей.

Е. Руководящие принципы действий Исполнительного комитета (руководящего органа „Народной воли“) определяются отношением лиц и общественных отношений таким образом:

1) По отношению к правительству, как к врагу, цель оправдывает средства, т. е. всякое средство, ведущее к цели, мы считаем дозволительным.

2) Все оппозиционные элементы, даже не вошедшие с нами в союз, найдут в нас помощь и защиту.

3) Лица и общественные группы, стоящие вне нашей борьбы с правительством, признаются нейтральными: их личность и имущество — неприкосновенны.

В этой программе бросается в глаза одно. На Воронежском съезде вопрос об аграрном терроре был принят едино-

гласно, в программе же он совершенно не упоминается. Тов. Покровский указывает на Желябова, который рекомендовал „поменьше говорить об аграрном терроре и вообще об аграрной революции, поменьше писать об аграрном вопросе“, и связывает этот момент с материальной зависимостью „Народной воли“ от буржуазии, без материальной помощи которой не могли бы быть выполнены террористические акты, поглощавшие огромные материальные средства. Здесь мы наталкиваемся на то, о чем мы говорили в начале главы.

Субъективно, сознательно „Народная воля“ ради материальных средств, хотя бы для совершения важнейшего террористического акта, не изменяла своих взглядов. Нужно было знать романтиков-революционеров того времени, видевших величайшую красоту в жертвовании собою, чтобы отвергнуть это предположение. Дело, по нашему мнению, не в этом. Дело в отсутствии в то время классовых меж между отдельными социальными группами; дело в отсутствии базы в массах и в поисках этой базы, в силу тогдашних условий сталкивавших народовольцев с прежней народной базой.

„Союз с либералами тоже не страшен,— пишет Гроньяр-Михайловский в том же номере „Народной воли“, в котором напечатана программа,— если вы вступите в него честно и без лицемерия, объявите им свой святой девиз: „Земля и Воля“. Они к вам пристанут, а не вы к ним*). В практической борьбе безумно не пользоваться выгодами союзов, хотя бы случайных и временных. И признаюсь вам, я думаю, что многие либералы гораздо к вам ближе, чем вам кажется“. И дальше: „Я убежден, что словами „Земля и Воля“ исчерпывается для нашей интеллигенции единственно возможная программа и что вне ее интеллигенция осуждена на роль вечно политического недоноска“.

Но этот „политический недоносек“ гнул свою линию. „Народной воле“ политическая свобода нужна была для народных масс, для либералов, вступление с которыми в союз рекомендовал Михайловский; эти массы нужны были для того, чтобы при их помощи добыть политическую свободу для себя. В представлении „Народной воли“ удельный вес этого „недоноска“ был ничтожен, и она была уверена, что не она подчиняется ему, а он ей.

*) Подчеркнуто нами. — Ф. К.

„Сопоставление политической способности масс народных и других общественных классов,— читаем в № 3 „Листка Народной воли“,— обещает нашей демократии блестящую будущность. Мы видим, что крестьянство, несмотря на свое вековое рабство и множество других неблагоприятных условий, упорно отстаивало в течение столетий свое право на землю, самоуправление и заставило полновластных по закону помещиков держаться фактически в известных границах обычного права. В настоящее время, несмотря на то, что крайне усложнившиеся условия нередко сбивают мужика с толку, протест народный не ослабевает, масса возвышается даже до критики самого царизма. Остальные сословия, наиболее развитые, не могут идти в этом отношении ни в какое сравнение с крестьянством. Мы видели, как беспомощно уступило дворянство свои сословные права в 1861 году, как пассивно смотрело оно на свое уничтожение и разорение. В настоящее время с такою же дряблостью наше общество переносит самый возмутительный произвол администрации. Ни масса ссылок, ни нарушение личной и имущественной неприкосновенности, ни оскорбительное подчинение уряднику, городовому, дворнику не возбудило в обществе никакого коллективного отпора. Несколько жалких петиций, полных рабского унижения,— вот и все, на что хватило его сил. Мы не хотим сказать, чтобы общество состояло из людей глупых, не способных ни понимать, ни бороться. Нет, это общество производит самых отважных и на все готовых протестантов. Но в том-то и дело, что общество способно производить сколько угодно Кропоткиных, Лизогубов, Осинских, Соловьевых, но не находит сил отстоять даже самые ничтожные земские или дворянские права.

Как сословие, наши имущие и образованные классы себя, очевидно, не сознают, никакой идеи не имеют и к совместному действию поэтому не способны. Наш дворянин, купец, мещанин только формально связан со своим сословием; человек интеллигентный или рабочий одинаково или занимается каким-либо промыслом, не думая ни о каких общественных вопросах, или, если уже проявилась в них искра божья, одинаково делаются революционерами, социалистами, не хотят знать для себя другой святыни, кроме народа, его прав и интересов. Это относится даже к нашей нарождающейся бур-

жуазии. Конечно, со временем из нее может выработаться сословие, но теперь в чем проявляется ее сословная идея, солидарность, единство? Ровно ни в чем. Один народ—крестьянство, рабочие—составляет нечто действительно единое, имеющее определенные идеалы, понимающие не только, чего хочет Иван, Макар, Сидор, но и все они вместе взятые. В этом-то и состоит могучая нравственная сила масс, привлекающая к ним все энергичное и самоотверженное, нарождающееся где-бы то ни было, на бархате или на рогоже“.

Вот в этом взгляде на массы как на силу и на все другие элементы общества как на бессилие, в этом желании,—правильном или неправильном—это уже другой вопрос, но искреннем,—в интересах масс привлечь на сторону революции людей, „рождающихся на бархате“,—причина того, что „Народная воля“, руководившая в своей деятельности методом „ударности“, в определенные моменты снимала с порядка дня вопросы, могущие отпугнуть „рожденных на бархате“. На этот путь ее толкало сознание, что масса трудящихся, сознающая свое единство, сумеет ассимилировать этих союзников, выходцев из среды, не спаянной единством интересов.

При учете сил, могущих иметь значение для совершения переворота, „Народная воля“ этих „союзников“ совершенно игнорирует.

„Одна лишь социально-революционная партия, прочно укрепившись среди городского и фабричного населения и заняв удобные и многочисленные позиции в крестьянстве, может послужить тем ферментом, который необходим для возбуждения городского и деревенского движения. Но для полного ниспровержения существующего порядка необходимо единовременное и городское и деревенское восстание. Действительно, самое обширное крестьянское движение, при всех усилиях со стороны партии поддержать и организовать его, не в состоянии совладать с централизованным и прекрасно вооруженным врагом, если ему не будут нанесены тяжелые удары в центрах его материальной и военной силы, т. е. в столицах и больших городах; точно также даже временный успех восстания в городах не окончится победой, если крестьянство даже сочувственным встречным восстанием не поддержит дела городов и, таким образом, не раздробит силы

врага. Кроме того, необходимо для успеха, чтобы в момент восстания, хоть некоторая часть войска и казачества перешла на сторону народа, но кто сделает первый почин восстания—город или деревня? Судя по большей разновидности и подвижности городского населения, судя, наконец, по тому, что деятельность партии должна дать большие результаты в количественном отношении в городе, нежели в деревне, нужно думать, что не деревня, а город даст первый лозунг восстанию“*).

Из этого отрывка видно, как „Народная воля“ постепенно, но верно подходит к познанию тех социальных сил, которые самим ходом развития выдвигаются на историческую авансцену. При этом постепенно исчезает и традиционная вера в то, что основным двигателем революции является крестьянство. Первое место в этом отношении отводится не деревне, а городу, не крестьянству, а рабочему классу.

Для характеристики „Народной воли“ необходимо остановиться еще на одном моменте. Признавая все большее и большее усиление буржуазии, „Народная воля“ всегда противопоставляла ей силу трудящихся и на политическую борьбу смотрела как на органически спаянную с экономической, не отделяя политической свободы от экономического раскрепощения. Народовольцы, сами не сознавая этого и не употребляя этого термина, фактически веденную ими борьбу считали классовой, противопоставляя трудящиеся массы рабочих и крестьян одновременно царскому самодержавию и буржуазии. Такая постановка предreshала вопрос о деятельности среди рабочих масс.

Намечаемые партией цели могут быть достигнуты только единственным путем: рабочий класс (городской и сельский) должен постепенно объединяться и организовать общественную силу, объединенную общностью интересов и стремлений. Эта сила самим процессом своего объединения должна постепенно расшатывать существующий экономический и политический порядок; при помощи этой борьбы партия усиливает свою организацию и укрепляет свои силы для низвержения существующего строя.

Для характеристики „Народной воли“ эти положения имеют огромное значение. Не употребляя термина „классовая

*) Подчеркнуто нами.—Ф. К.

борьба“, быть может, даже не сознавая полностью ее значения, „Народная воля“ этими строками доказывает необходимость таковой. Мало того, борьбу за будущий строй „Народная воля“, как видно из вышеприведенных строк, уже понимает как борьбу одновременно и экономическую и политическую; она понимает, что борьба эта должна вестись постоянно, что каждый шаг в этой борьбе должен быть направлен одновременно и против политического и против экономического строя.

Само собою разумеется, что с того момента, как „Народной волей“ был поставлен вопрос об организации объединенной партии городских и сельских рабочих, ей необходимо было решить, как это осуществить. Ответ на этот вопрос мы находим в № 9 „Народной воли“, т. е. в то время, когда для всех уже было ясно, что дни ее сочтены. В настоящем задача партии сводится к подготовительной работе, к подготовке возможности создать такую организацию, которая будет необходима в момент революции, т. е. организацию, охватывающую и революционеров и значительные народные массы.

Для этого партией устанавливается связь с народными массами, — связь до некоторой степени организационного характера и в значительно большей — морального. Вот все, что достижимо для партии, пока существует современный строй. Всякие иллюзии на счет создания широкой массовой народной организации при существующих тогда условиях „Народная воля“ считала прямо вредными, находя, что необходима не широкая, а, наоборот, узкая, решительная революционная организация, что только такая организация в состоянии добиться чего-либо в деле борьбы с самодержавием.

Поэтому партия должна создать небольшие, но опытные группы в среде городских рабочих масс, с тем, чтобы эти группы заранее установили широкие связи со всей рабочей массой, а если удастся — и с крестьянами. Что касается последних, то, в силу необходимости, кроме этой связи, устанавливаемой при посредничестве рабочих, партия должна ограничиться лишь привлечением отдельных лиц, сознательно и систематически содействующих партии в осуществлении ее планов. Людей, годных для тайной революционной организации, так мало в крестьянской среде — и они разбросаны на

таком огромном пространстве, что об организации их в отдельные группы не может быть и речи. Кроме того, перед партией стоит еще другая весьма важная задача: пропаганда социалистических идей и задач партии, популяризация самой партии, или, короче говоря, установление между партией и массами моральной связи, которая в момент революции способствовала бы взаимному пониманию партии и масс.

Как видим, к осознанию того, что основным двигателем революции является пролетариат, революционеры подошли одновременно с двух концов. К этому подошли „чернопердельцы“ — будущие основоположники революционного марксизма, к этому подошли и народолюбцы: и те и другие — в силу объективных условий.

„Появление группы „Освобождение труда“ — первой русской марксистской социал-демократической организации восьмидесятых годов, — подчеркивает тов. Покровский, — вовсе не было каким-то внезапным фактом, объясняющимся исключительно литературными занятиями Плеханова и его друзей. Этот факт был подготовлен всей предшествующей историей русского революционного движения; он был подготовлен идеологическим переворотом, который произошел в Плеханове под влиянием наблюдения петербургских стачек; он был подготовлен и тем поворотом в ориентировке народолюбцев, который сказался в желябовской программе“ (о которой мы говорили выше).

К этому мы прибавим одно: он был подготовлен усиленным переходом России на путь капитализма, о чем подробнее нам придется еще говорить в следующих главах.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Перейдем к деятельности „Народной воли“.

Как мы уже отмечали выше, раскол на Воронежском съезде окончательно был вызван принятием решения о царевубийстве. К выполнению этого решения „Народная воля“ приступила немедленно, намечая воспользоваться обычной поездкой Александра II в Ливадию. Учитывая условия охраны царя, опасаясь, сверх того, неуспеха в результате какой-либо случайности, Исполнительный комитет „Народной воли“ постановил приступить одновременно к подготовке четырех подкопов:

1) на расстоянии 14 верст от Одессы; 2) в Одессе по Итальянской улице; 3) вблизи станции Александровское и 4) под Москвой по Курской железной дороге.

Александр II на обратном пути в Ливадии не заехал в Одессу, и вся работа по проведению первых двух подкопов пропала даром.

Подкоп под станцией Александровское велся под наблюдением Желябова, при участии здравствующей поныне Якимовой, Окладского, оказавшегося впоследствии предателем и осужденного уже советской властью к 10 годам тюремного заключения, и др. Для проведения подкопа был куплен участок земли якобы для постройки на нем кожевенного завода. Под рельсы была подведена очень сильная мина, соединенная с батареей, помещенной на телеге. Все было готово. Когда проходил царский поезд было произведено соединение, но взрыва не последовало. По всей вероятности, Окладский струсил в последний момент и перерезал проволоку. Оставался последний подкоп под Москвой. Для проведения этого подкопа в Рогожской части Москвы, на окраинах, где проживали по большей части сектанты, наняли домик молодые супруги. Роль мужа играл известный революционер Лев Гартман, жены — Софья Львовна Перовская. И Гартман и Перовская прекрасно знали все нравы и обычаи сектантов, выдавали себя тоже за староверов и так прекрасно разыгрывали свою роль, что в соседях не вызвали никакого подозрения. Наоборот, когда эти соседи заметили, что к супругам по ночам то приезжают какие-то люди, то исчезают таинственно, сектанты еще с большим почтением относились к ним, будучи уверены, что супруги свято придерживаются старой веры и по ночам собирают „братию“ на моления.

Проведение подкопа само по себе, при тех скудных технических средствах, какими располагала партия, представляло большие трудности, еще более осложнявшиеся тем, что все время приходилось быть на-чеку, так как в любой момент могла нагрянуть полиция для производства обыска. Перовская ни на один момент не расставалась с заряженным револьвером, с тем, чтобы, в случае вторжения полиции, выстрелить в стоявшую всегда на столе бутылку с нитроглицерином и взорвать на воздух весь домик вместе с собой и полицией. Несмотря на такие тяжелые условия, подкоп был блестяще проведен, мина

заложена и поезд взорван, но, как оказалось, не царский, который должен был в это время пройти, а другой, пущенный специально перед царским для проверки безопасности пути.

„Было ли 19 ноября (день покушения), — ставит вопрос „Народная воля“, — событием действительно непредвиденным? Конечно, нет. Время, место, способ действия были и не могли не быть неизвестными. Но самого события ожидали решительно все. Александр II, державший под гласным надзором весь Крым, переменяющий постоянно уже в течение полугода свои маршруты и поезда самым неожиданным образом (что, без сомнения, и было причиной его спасения), очевидно, ждал нового покушения. В обществе покушения не ждали только те его подонки, которым хочется верить в подавление революционного движения. Сами революционеры хорошо знали, что Исполнительный комитет не может оставить без возмездия кровавые деяния правительства. Этого ожидали все. В настоящее время прокламация Исполнительного комитета, недвусмысленно *сулящая новую попытку*, вероятно, устранила окончательно все недоразумения, ибо ясно показывает, что *смерть Александра II — дело решенное и что вопрос тут может быть только во времени, в способах, вообще в подробностях*“.

Это не были пустые слова, пустые угрозы. Неудача покушения, безрезультатность грандиозных усилий ни на секунду ни в ком из членов Исполнительного Комитета не вызвали сомнения в том, следует ли вновь приниматься за подготовку нового покушения. Этот вопрос был для „Народной воли“ пред-решен. Началась подготовка нового покушения, которое могло казаться прямо-таки безумным. Исполнительный комитет решил взорвать Зимний дворец. Самая активная роль в этом деле выпала на долю Степана Халтурина, основателя „Северного союза русских рабочих“, о котором мы уже говорили выше.

По профессии Халтурин был столяром, и для того, чтобы проникнуть во дворец, он вступил в дворцовую столярную артель. Для жилья ему было отведено помещение в подвале под так называемой „малой царской столовой“, в которой обыкновенно обедал Александр II.

Для взрыва дворца необходимо было большое количество динамита, который нужно было каким-либо путем пронести во дворец, охраняемый целой армией шпионов, жандармов и т. д. Но это не смутило Халтурина. По соглашению с Исполни-

тельным комитетом, решено было переносить динамит по частям. Квятковский приносил динамит, передавал его Халтурину, а Халтурин уже переносил и прятал... Но прятать было негде, и он клал его под подушку, на которой спал...

Перетаскивание динамита в охраняемый царский дворец продолжалось уже несколько дней, как вдруг Квятковский попадает в руки полиции, и при обыске у него находят план Зимнего дворца, причем на этом плане была отмечена крестом царская столовая. Полиция и жандармы всполошились. Весь Зимний дворец был обыскан снизу доверху, — весь за исключением помещения Халтурина. В этом же подвале жил для наблюдения за рабочими жандармский вахмистр. Халтурин — простой, как — ему казалось, деревенский парень, прекрасный мастер-столяр, ему настолько нравился, что он метил его в мужья для своей дочери. На обыскание постели такого простого парня вахмистр пожалел времени. Халтурин уцелел и... продолжал переносить динамит. Это длилось несколько месяцев. Несколько месяцев Халтурин из ночи в ночь спал на динамите... Накопилось три пуда. Халтурин предлагал еще подождать и скопить столько динамита, чтобы можно было взорвать весь дворец. Исполнительный комитет не согласился на это, опасаясь, что Халтурин, которому при этих условиях буквально приходилось дышать парами нитроглицерина, может отравиться. Желябов, сменивший Квятковского после его ареста в сношениях с Халтуриным, сообщил ему о решении Исполнительного комитета. Халтурин вернулся во дворец, поставил ящик с динамитом в углу подвала, выставил трубку с фитилем, поджег и преспокойным образом вышел из дворца. Это было 5 февраля 1880 г. Несколько минут спустя последовал страшный взрыв. Свет во дворце и на площади перед дворцом потух, 10 человек было убито, 58 — ранено, но Александр II уцелел. Случайно обед был отложен, так как к обеду прямо с поезда должен был приехать Александр Гаттенбургский. Герой этого покушения продолжал попрежнему работу, им же совершено было удачное покушение на Стрельникова. Арестованный в связи с этим, он был казнен, но жандармы тогда не знали, что гибнет на виселице тот, кто взрывал Зимний дворец.

Событие 5 февраля 1880 г. имело огромное значение. „Вечером 5 февраля в 6 час. 22 м., — сообщает „Листок Народной воли“ — произошел взрыв во дворце. Считаю необходимым кон-

статировать факт, что знаменитый столяр, о котором столько толкуют, действительно рабочий по происхождению и ремеслу. Как известно, он остается до сих пор неразысканным. Толки газет о его знатном будто бы происхождении, для него крайне неприятны, и он просил редакцию „Народной воли“ восстановить факт его чисто рабочего происхождения. С удальством выполняем эту просьбу. Мы не будем вдаваться в подробности события, известные из газет. Весь вечер 5 февраля по Петербургу ходят лишь смутные толки о событии.

Правительство, видимо, желало как-нибудь замолчать происшествие и свалить дело на газовые трубы. Но скрыть истину не было возможности: в числе свидетелей было слишком много местных и иностранных высочайших особ. 6 февраля утром появилось правительственное сообщение о новом злодейском покушении и приняты меры для принуждения к выражению верноподданнических чувств“.

И дальше: „Паника охватила многих. Курсы упали, дела на бирже пришли в застой, и очень многие стали выбираться из Петербурга со всем семейством“.

„Листок Народной воли“ не преувеличивал. Покушение на взрыв Зимнего дворца, несмотря на то, что царь уцелел, произвело во всем мире огромное впечатление уже одним тем, что самодержец всероссийский не в безопасности даже в собственном дворце, охраняемом целой сворой шпионов, полицейских и жандармов.

Исполнительный комитет немедленно же после покушения выпустил прокламацию, в которой объявлял, что и впредь он со всей решительностью будет практиковать по отношению к царю террор, разве, что царь даст требуемые реформы; зовет Учредительное собрание, отменит смертную казнь, объявит всеобщую амнистию для политических и т. д.

И самодержавие дрогнуло. Впервые всерьез заговорили о конституции. Все управление государством было передано „назначенному, по выражению „Народной воли“, вице-императором армянскому спасителю России — Лорис-Меликову“. Началась пресловутая „диктатура сердца“. Так называемое „общество“ возликовало.

„Графу — читаем в № 2 „Листка Народной воли“, — предшествовала смутная репутация умного и либерального человека, и сам он с первого же дня своего диктаторства стал мягко

и любезно пошевеливать лисьим хвостом. Прокламация к жителям столицы, призыв представителей города в комиссию, интеллигентные беседы с журналистами, правительственное сообщение о пересмотре дел административно-ссылных, — такова показная сторона первого периода диктатуры графа Лорис-Меликова. Каждый из этих взмахов лисьего хвоста приветствовался не только сам по себе, но и как задаток какого-то огромного подарка, который благородный граф сделает благодарной России. Чьи-то услужливые языки и перья муссировали каждое из этих событий, удешевляли их фактическое и принципиальное значение. Россия была накануне золотого века. Независимо от газетных восторгов, нам приходилось слышать, как старые, седые практики выражали полную уверенность в том, что в нее войдут представители других городов, земств, сословий. Мы слышали фантастический рассказ о тысячах, чуть ли даже не десятках тысяч, ссыльных, возвращенных семье, отечеству, науке. Мы слышали серьезные уверения, что III отделение собственной его величества канцелярии уничтожается. Открытая реакция наша жестокая и безумно кровавая печалилась. Она опустила бы голову еще ниже, если бы граф с первого же шага не показал, что у него есть не только лисий хвост, а также и волчий рот. Мы разумею казнь Милодецкого“.

На этой казни необходимо остановиться.

Лорис-Меликов открыл свою диктатуру обращением к обществу. „На поддержку общества смотрю как на главную силу, могущую содействовать вместе в возобновлении правильного течения государственной жизни“. А для того, чтобы разжечь надежды и упования этого общества, он решил использовать двадцатипятилетие царствования Александра II, который был приурочен к 19 февраля—дню освобождения крестьян. В массах были распространены слухи, будто бы в этот день будет издан царский манифест о передаче крестьянам всей земли. Общество ждало чуть ли не конституции... В памяти пишущего эти строки сохранилось распространенное тогда довольно неуклюжее четверостишие, обращенное к Лорис-Меликову:

Друзья порядка строгого,
Мы просим, граф, немногого:
Дайте нам хоть куцую,
Да только... конституцию.

Вместо всего этого, „манифест“ преподнес народным массам нищенскую подачку, не превышающую 10 миллионов, в то время, как продолжающиеся три дня торжества обошлись гораздо более этой суммы.

Общество все же продолжало уповать... Его не охладил даже выстрел Милодецкого.

„Покушение Милодецкого,—сообщает „Листок Народной воли“,—было задумано и выполнено им совершенно самостоятельно. По всей вероятности, празднество 19 февраля чересчур оскорбило демократическое чувство молодого героя, и он не в силах был сдержать накипевший протест“.

Милодецкий был тут же схвачен. Следствие было произведено в два часа, защитник не виделся с клиентом и пяти минут, суд так же быстро вынес приговор, и через 24 часа Милодецкий был казнен. „Таким образом, юбилей первого двадцатипятилетия был ознаменован виселицей“,—отмечает „Листок“. Эта виселица, повторяем, не привела в чувство уповавших, и диктатору пришлось самому окатить размечтавшихся либералов холодной водой...

„Не толкуйте, пожалуйста, о свободе и конституции,—объявил Лорис-Меликов приглашенным к нему журналистам,—я не призван дать ничего подобного, и вы меня ставите только в ложное положение“.

Увидев, какое это заявление произвело впечатление, диктатор, желая хоть сколько-нибудь сгладить его, тут же обратился к знаменитому сатирику Салтыкову-Щедрину со словами:

— Ну, Михаил Евграфович, под каким соусом вы меня теперь преподнесете публике?

— Мне теперь не до соусов,—отрезал сатирик,—не до соусов, ваше сиятельство.

Надежды либералов сменились разочарованием. Само собой разумеется, что „Народная воля“ никаких таких надежд не питала. Наоборот, она все время предупреждала общество и вскрывала лукавую политику Лорис-Меликова.

„Долго ли сумеет Лорис балансировать между двумя стульями? Пока же он занимается приведением административных сил к единству, слиянием разных сортов полиции, объединением действий губернаторов, жандармов и т. п. Параллельно с этим он старается разъединить оппозицию,

кокетничает с либералами и разными земцами и т. п. красивыми фразами о будущих вольностях и старается отрезать у конституционалистов всякую связь с радикалами. Вновь введенный официоз „Берег“ очень ловко поддерживает операцию главнокомандующего. Вместе с тем Лорис ловко эксплуатирует лакейское чувство разных газетчиков, милостиво допуская их до разговоров с собой: убытку ему—никакого, а газетчики млеют и рады на стену лезть за доброго барина. Отрывая от нас либеральную партию, Лорис намеревается то же сделать и относительно молодежи. Недавно вышедшее правительственное распоряжение сулит не только помилование, но даже полное возвращение прав ссыльным по студенческим историям. Со студенчеством Лорис заигрывает, и лично, призывая их „представителей“, обещает всякие льготы. То же распоряжение, очевидно, имеет целью внести разделение в ряды самой радикальной партии, открывая возможность отступления всякому изменнику, всякому слабому духом. Нужно думать, что в скором времени Лорис разделит радикалов на более и менее опасные фракции и начнет покровительствовать более мирным революционерам.

Что ж, политика не глупа. Сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передуть всех врагов порознь — не дурно. И заметьте, что всех этих воробьев предполагается объегорить исключительно на мякине, не поступившись ничем и даже, собственно говоря, никого не пощадив“.

Как видим, „Народная воля“ отдавала себе ясный отчет в политике так называемого „диктатора сердца“, но, несмотря на это, она приостановила террористические выступления. „Общество“ предавалось сладким мечтам, и „Народная воля“, в конечном итоге базировавшаяся на этом обществе, вынуждена была ждать, опасаясь, что лукавый диктатор, в случае какого-либо террористического акта, уцепится за него как за предлог для отказа в реформах. Но когда последовало объяснение Лориса с редакторами газет, и уповавшие упали духом, „Народная воля“ вновь принялась за дело.

На Садовой улице в Петербурге Богданович и Якимова, по паспорту супругов Кабазевых, открыли сырную лавку. Под полом этой лавки проводился подкоп, закладывались мины. В самый разгар работы нагрянула полиция под предлогом

санитарного осмотра. „Кобызевы“ не растерялись и показывая полицейским помещение, расспрашивали их, как уберечь лавку от сырости... Полиция, не найдя ничего подозрительного, ушла, и работа по проведению подкопа продолжалась. Но Исполнительный комитет, учитывая опыт прошлого, не ограничился этим подкопом, хотя главная надежда и возлагалась на него. На всякий случай готовилось еще другое покушение, под руководством Софьи Перовской. Рысаков, Гриневецкий, Емельянов, Тимофей Михайлов были расставлены по пути обычного проезда царя с бомбами. Тарков и другие вышли на улицу в качестве сигнальщиков. На деле оказалось, что только благодаря предусмотрительности Исполнительного комитета царю не удалось спастись. Из предосторожности он не поехал по Садовой, а повернул в сторону Екатерининского канала. Стоявший в этом месте Рысаков бросил бомбу. Коляска царская от взрыва разлетелась вдребезги, кучер был убит, один из казаков, сопровождавших царя, и какой-то случайно проходивший мальчик были тяжело ранены, но Александр II уцелел.

Сбежалась толпа. Кто-то из публики спросил: „Что с царем?“ Александр II сам ответил: „Слава богу“... На это уже схваченный толпой Рысаков заявил: „Еще неизвестно, слава ли богу“. В этот самый момент Перовская подала сигнал с балкона, из толпы выбежал Гриневецкий и, желая по возможности сократить число жертв, подбежал к самому царю и бросил бомбу себе же под ноги. Последовал второй взрыв, от которого погиб тут же на месте Гриневецкий, но погиб и царь.

„Народная воля“ победила.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

„1 марта,—пишет Л. П. Корба, бывшая тогда членом Исполнительного комитета,— часа в четыре пополудни, Исполнительный комитет собрался на конспиративной квартире у Вознесенского моста. Все были глубоко взволнованы важностью только-что совершившегося исторического события и тех задач, которые предстояло немедленно выполнить комитету. Предстояло тотчас же опубликовать извещение о факте 1 марта. Это извещение было тогда составлено Львом

Тихомировым, впоследствии изменившим революции и посвятившим свое перо защите самодержавия. На этом же собрании обсуждался вопрос о других воззваниях. За короткий промежуток времени—не более месяца—были изданы: 1) прокламация Исполнительного комитета по поводу события 1 (13) марта 1881 г., 2) прокламация Исполнительного комитета к европейскому обществу, 3) объявление к русским крестьянам, 4) открытое письмо Исполнительного комитета к Александру III и 5) прокламация Исполнительного комитета по поводу казней 3 апреля“.

В высшей степени характерно, что, несмотря на все более и более устанавливавшееся в рядах партии сознание роли пролетариата в революционном движении, несмотря на то, что за участие в событии 1 марта погиб на виселице рабочий Тимофей Михайлов,—в этот исторический момент Исполнительный комитет не обратился к рабочим с специальным воззванием.

Самым важным из этих документов для характеристики „Народной воли“ было несомненно „открытое письмо“ к Александру III, составленное Тихомировым и полностью одобренное Н. К. Михайловским. В виду того, что письмо обсуждалось и было утверждено Исполнительным комитетом, в состав которого входили тогда такие авторитетные лица, как Перовская, Суханов, Лебедева, Исаев, Грачевский, Фроленко, Тихомиров, Савелий Златопольский и Корба, этот документ приходится признавать отражением взглядов, господствовавших тогда в партии, независимо от того, было ли рассчитано на то, что царь примет призыву Исполнительного комитета, или же оно адресовалось царю, но имело в виду ознакомление общества с условиями, на которых партия готова отказаться от террористической борьбы. В высшей степени характерна деталь, сообщенная А. П. Корба: „Один экземпляр письма был особенно тщательно отпечатан на веленовой бумаге и вложен в конверт, на котором значились титул и имя Александра III. Письмо было опущено в почтовый ящик, находящийся у здания Думы по Невскому“.

В этом письме, написанном в весьма почтительном тоне,—причем Исполнительный комитет обращается к царю не иначе, как величая его полным титулом,—отмечается, что „кровавая трагедия“ 1 марта не была случайностью, она была неизбежной. И это прежде всего должен понять человек, поставлен-

ный волей судьбы во главе государства. Надо быть совершенно лишенным способности анализировать события, чтобы объяснить такие явления преступностью отдельных лиц или „шайки“. Далее указывается, что, несмотря на жесточайшие репрессии, революционное движение возрастало в течение 10 лет,—возрастало, несмотря на то, что умершим царем все ставилось на карту лишь бы его подавить: и свобода, и интересы всех классов, и интересы промышленности, и даже достоинство императорской власти. Все эти меры не давали результатов. Лучшие силы, самые энергичные и благородные люди, принимали участие в движении, и вот уже три года ведется партизанская борьба. Объясняется это тем, что революционное движение не зависит от воли отдельных лиц. Если бы правительству удалось захватить еще большее количество революционеров и уничтожить еще более могущественные организации,—все это ничему бы не помогло, так как революционеры создаются условиями: общим недовольством народа, стремлением России к новым общественным формам. Весь же народ нельзя уничтожить, а репрессии не в состоянии искоренить недовольство. Наоборот, репрессии только усиливают недовольство, на смену погибшим являются в еще большем количестве новые деятели, более энергичные, более опытные. Они создают и количественно и качественно более совершенную организацию. Движение усиливается, и окончательный взрыв неминуемо должен наступить и покончить с существующим старым порядком. Такая перспектива обуславливается тем, что в России нет настоящего правительства,—правительства, которое в принципе должно быть только выразителем народных стремлений, которое должно лишь воплощать в жизнь народную волю. А существующее правительство, гораздо более, чем Исполнительный комитет, заслуживающее название шайки захватчиков, довело Россию до того, что народные массы разорены, что даже домашний очаг людей находится под позорным наблюдением и надзором, что народные массы лишены самостоятельного решения даже своих общинных дел. Только эксплуататоры, только грабители пользуются опекой закона и правительства. Поэтому русское правительство не пользуется никаким нравственным влиянием, поэтому появляется столько революционеров, поэтому к царубийству относятся в России сочувственно. Из

этого положения—лишь два выхода: либо неизбежна революция, которую нельзя предотвратить никакими казнями, либо добровольное обращение верховной власти к народу. Исходя из этого, Исполнительный комитет, в интересах родины, желая избежать напрасной гибели сил и тех бедствий, которые неминуемо связаны с революцией, просит царя избрать этот второй путь. Как только царь вступит на этот путь, он смело может прогнать позорящих правительство шпионов, отправить в казармы оберегающих его солдат и сечь развращающие народ виселицы. Если это будет исполнено царем, Исполнительный комитет прекратит свою деятельность и направит организованные им силы на культурную работу, на благо народа. Мирная идейная борьба тогда заменит теперешние насилия, к которым принуждает революционеры печальная необходимость.

Подчеркнув, что он обращается к царю как к „гражданину и честному человеку“, который в этот момент должен подавить в себе чувство горечи и помнить, что он потерял только отца, но что революционеры теряли отцов, братьев, жен и детей,—Исполнительный комитет отмечает, что не он ставит эти условия, что условия превращения революционного движения в мирную деятельность созданы историей; Исполнительный комитет напоминает, что эти условия сводятся к двум пунктам: 1) всеобщая амнистия для всякого рода политических преступлений, так как это были не преступления, а выполнение обязанностей гражданина, и 2) созыв представителей всего русского народа для того, чтобы они изучили существующие формы государственной и общественной жизни и провели в них изменения в соответствии с желаниями народа. А для того, чтобы народное представительство отвечало действительному соотношению социальных сил в стране, необходимо, чтобы: 1) депутаты избирались без исключения всеми классами и сословиями пропорционально числу жителей; 2) не должно быть никаких ограничений ни для избирателей, ни для избираемых; 3) предвыборная агитация должна производиться без всяких ограничений, и поэтому правительство, еще до созыва народных представителей, должно ввести полную свободу прессы, слова, собраний и избирательных программ.

В заключение Исполнительный комитет заявляет, что, если эти условия будут соблюдены, то он торжественно обя-

зается перед лицом страны и всего мира, что партия „Народная воля“ всецело подчинится решению собрания представителей и в будущем не позволит себе прибегать к насилию по отношению к правительству, признанному этим собранием.

Если это письмо к Александру III сопоставить с заявлениями В. Н. Фигнер на суде о том, что вопрос о монархии или республике „Народной волей“ не ставился, Желябова (по воспоминаниям Аксельрода), что единственная задача партии это — „добиться демократической конституции“, и Якубовича-Мельшина на суде: „Наша формула — призыв народа с высоты трона, поколебленного ударами революционеров“, — то увидим, что письмо к Александру III полностью отражало политические требования „Народной воли“.

Тов. Покровский находит, что материальная „зависимость от буржуазии мало-по-малу привела к тому, что „Народная воля“ перестала быть практически социалистической партией.

Нам кажется, что такое объяснение смешивает следствие с причиной.

„Когда Александр II был убит террористами,— писал Ленин,— во главе движения стояли интеллигенты из среднего сословия. Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа. Но своей непосредственной цели — пробуждения народной революции — они не достигли, не могли достигнуть“.

Мы выше указывали на то, что „народовольцы“, несмотря на веденную ими путем террора политическую борьбу, оставались верными народничеству; сущность же народничества, по формулировке Ленина, „это — представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа“. В этом суть вопроса. Мелкая буржуазия может плестись в хвосте либо буржуазии, либо пролетариата. „Народная воля“, как правильно отмечает тов. Покровский, только на закате своего существования начала нащупывать действительно революционную силу в лице пролетариата. До этого она как мелкобуржуазная партия, в силу своей социальной сущности, *вынуждена* была идти на компромисс с теми социальными слоями, от которых надеялась получить если не

помощь, то поддержку. Вот почему письмо к Александру III было написано в таких тонах и ставило такие умеренные требования; вот почему Желябов рекомендовал, как сообщает Аксельрод, „избегать таких шагов, которые могли бы оттолкнуть от нас либеральные общественные круги“. „Soeculi vitia, non hominis“ — недостатки века, а не человека, не людей.

„Кружку корифеев, — писал Ленин, — в роде Алексева, Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса“.

Этого условия не было и поэтому „Народная воля“ не могла двинуть на улицу массы после совершенного ею акта 1 марта и... обратилась с письмом к Александру III, предполагая, что этим путем ей удастся вырвать хоть шерсти клоч.

Каковы были настроения так называемого „общества“, на которое в конечном счете ориентировалась „Народная воля“, видно из статьи, помещенной в „Листке Народной воли“ от 22 июля 1881 г.

„В начале нового царствования всякий совестливый человек, подавляемый массой нелепых до невероятности мероприятий и предначертаний, вращаясь среди так называемого общества и живя газетными толками и новостями, невольно падал духом, задыхался в полной атмосфере беззастенчивой лжи, полного забвения идеалов, попрания самого элементарного чувства порядочности. Дикая брань, фарисейское лицемерие, заведомая, сознательная клевета восстали на защиту престола. Газетные писакки конкурировали в нелепостях; один предлагает проект ношения верноподданными крестов, которые расплавлялись бы на груди крамольников; другой рекомендует городским жителям поголовно обратиться в шпионов друг за другом, за круговой порукой в благонамеренности, ссылаясь на народность такого порядка вещей; третий апеллирует к рыцарям Сенной площади и Охотного ряда. Славянсфил Самарин открывает причину народной нищеты и государственной безурядицы в избытке земли у мужика... Кажется, никогда еще рабыи инстинкты и холодское нахальство не выползало

на свет божий в такой омерзительной наготе, с таким свирепым бахвальством невежества. „Народная воля“ имела полное основание клеймить тогдашнее общество. У либеральнейших либералов не хватило мужества прямо и ясно формулировать требования. Все газеты рабски припадали к стопам самодержца. Газета „Порядок“ в номере от 3 марта 1881 года, указав на то, что репрессивные меры оказались безрезультатными, молит о том, чтобы дворяне-помещики, всегда верой и правдой служившие престолу, вместе с предками „его величества“ судившие и рядившие о делах, были им призваны на совет. Трудно предсказать, что они посоветуют, но, несомненно, они объединятся с царем в одном святом и глубоком чувстве — чувстве любви к России — чувстве, которое является лучшей гарантией будущего. Это заявление заканчивается мольбой дать возможность народу (!) высказать свои пожелания, а эти пожелания преследуют единственную цель — цель успокоения и развития России и славу царствования монарха“.

Сущность этой рабской мольбы сводится к верноподданническому ходатайству о созыве не Учредительного собрания, а Земского собора.

В том же духе писали газеты „Страна“ и „Голос“, оснащая свои подлые статьи такими словечками по адресу народовольцев, как „убийцы“, „преступники“, „фанатики“ „изуверы“ и т. д., что не мешало им попытаться использовать для себя результаты акта, совершенного этими „убийцами“.

Результаты этого рабского поведения были прямо противоположны тому, на что рассчитывали либералы. Убедившись в том, что революционеры не находят поддержки даже в самых либеральных слоях общества и что это общество не способно ни на что другое, кроме припадания к стопам в надежде на то, что в вознаграждение за преданность престолу ему будет брошена подачка, царское правительство ответило на все эти требования и мольбы манифестом о неизбежности самодержавного строя...

Остановимся еще на одном вопросе: на отношении к 1 марта 1881 года того крестьянства, на которое с самого начала движения возлагалось столько надежд революционерами.

„Результаты 1 марта далеко превзошли самые смелые наши ожидания, — пишет „Листок Народной воли“. — В народе

нарождаются и зреют новые настроения. Известно, с каким сочувствием было принято объявление Исполнительного комитета в значительной части крестьянства, рабочей среды и кое-где в войске. Сообщения, полученные нами из многих мест России, говорят о пробуждении народного сознания. Эти сведения, отчасти по неудобству огласки, отчасти по своей отрывочности, не могут еще составить целой картины, но дают нам право заключить, что близится время, когда народ выйдет из состояния глухого брожения, хронических надежд и разрозненных вспышек для совместной сознательной борьбы с ясно намеченным врагом. Победа 1 марта повышает активность народного характера, поднимает дух протеста. Народ начинает сознавать фикцию идеи царизма и заменяет ее то смутным пока представлением о какой-то другой силе, действующей в его интересах, то прямым признанием своей солидарности с социалистами“.

Так представлялось „Народной воле“ состояние и настроение крестьянских масс, но, судя по напечатанным в том же номере „Листка“ данным, дело обстояло гораздо хуже.

„Шли толки о самом факте (1 марта), из уст в уста передавалась масса вариаций. По одним рассказам, убийцы — паны, по другим — ляхи (поляки). Прислушиваясь к говору, присматриваясь к брожению, совершающемуся в народе, я приходил к убеждению, что в народном сознании отсутствует представление о способах добывания себе льгот, о форме, в которую должна вылиться его активность, отношение к окружающему злу. Он находился в ожидании чего-то, действия какой-то силы, вне его существующей. Словом, народ чувствовал себя в положении человека, готовящегося скорее наблюдать события, чем действовать“.

Дальше автор указывает, что те упования, которые раньше народ возлагал на царя, постепенно переносятся им на революционеров. „В народе сложилась уверенность в существовании людей, простых смертных, заботящихся о народном счастье. Это великая заслуга, которой может гордиться русский революционер, этой сложившейся в народе идее принадлежит в будущем великая роль, и степень ее распространения в народе, быть может, определит исход революционной борьбы“.

„Народ“, как видим, дальше ожиданий не шел, а его симпатии к революции, даже по отзывам народолюбцев, были

такие же, как раньше к царю: „Они добудут землю“. А сами народолюбцы, словно забыв один из основных своих принципов—„освобождение народа должно быть делом самого народа“,—этим симпатиям, этим чувствам, не претворяем м в дело хотя бы только в виде поддержки, придавали значение „великой роли“...

Отмечая это с целью подчеркнуть моменты, обусловившие не тот результат, какого ожидали народолюбцы, нельзя забывать, что и эта террористически-политическая деятельность „Народной воли“, эти удары, обрушившиеся один за другим на головы коронованного главы могущественнейшего государства, эта беспомощность и растерянность царской власти в борьбе с этой горстью героев, быть может, не прямо, а косвенно имели огромное значение, во многих будили мысль, будили волю к борьбе. Многие из старых членов ВКП(б) сами еще были членами „Народной воли“, очень многие впервые под влиянием славной борьбы народолюбцев сами стали на путь революции.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Террористическая борьба, какую вела „Народная воля“, до такой степени сосредоточивала на себе внимание всего мира, что на другие проявления деятельности этой партии, которой будут гордиться еще последующие поколения, было обращено слишком мало внимания. Поньне живущие старые народолюбцы на упреки, которые ставятся „Народной воле“ в том, что она игнорировала работу среди рабочих, могли бы ответить: „Моим же добром да мне же челом“.

Когда Плеханов указывает народолюбцам, что „сила и значение всякой политической партии обуславливается силой и значением того общественного класса, интересы которого она представляет и защищает“, он прав. Когда он упрекает народолюбцев, что „они не сумели возвыситься до понимания того, что наиболее революционная точка зрения нашего времени есть классовая точка зрения пролетариата“, он опять таки прав. Прав он равным образом, указывая, что вразрез с этим „Народная воля“ главные свои упования возлагала на интеллигенцию. Но не прав, когда говорит, что эта партия лишь „по временам заводила кое-какие связи с рабочими“.

Одно дело, какое содержание вкладывалось в пропаганду и агитацию среди рабочих, какая роль отводилась им, другое — устанавливались ли связи с рабочими, велась ли в среде рабочих пропаганда вообще.

Как бы ни интересна была террористическая деятельность „Народной воли“, число людей, вовлеченных в эту деятельность в силу самого характера ее, требовавшего строжайшего соблюдения конспирации, было весьма ограничено. В высшей степени характерно, что главнейшие покушения совершались одними и теми же деятелями: Желябовым, Перовской, В. Фигнер, Александром Михайловым, Кибальчичем, Фроленко, Халтуриним, Якимовой, Богдановичем и еще 20—30 лицами. Но ведь партия, имевшая свои разветвления во всех крупных городах России, насчитывала, по меньшей мере, в сто раз более членов. Лев Тихомиров, сделавшись уже ренегатом, в записке „К истории революционного движения в 1870—1880 г.г.“, представленной Александру III, говорит, что членов „Народной воли“ было 500. Само собой разумеется, что лишь десятая часть этого числа посвящала свои силы террору, остальные же были заняты другой деятельностью и, прежде всего, после безрезультатного опыта землевольцев, деятельностью не в деревне, среди крестьян, а в городе, среди рабочих и учащейся молодежи.

Рабочие кружки были организованы в Петербурге, Москве, Одессе, Киеве, Харькове, Саратове и т. д. Для обслуживания рабочих была основана „Рабочая Газета“. Руководителями рабочих кружков были Телалов, впоследствии приговоренный к пожизненной каторге, которую он отбывал в Шлиссельбурге, где и умер, Иван Калюжный, приговоренный к каторжным работам и отравившийся в 1889 г. на Каре во время протеста по поводу наказания розгами Надежды Сигиды; Чикоидзе, осужденный еще по процессу 50 на поселение в Сибири и бежавший оттуда, Смирницкая так же, как Калюжный, отравившаяся на Каре, Лев Коган-Бернштейн, впоследствии казненный в Якутске, шлиссельбуржец Панкратьев, Степан Халтурин, о котором мы уже говорили, и много других.

Для приема в кружок руководителей был установлен определенный ценз. Не принимались в этот кружок лица моложе 20 лет и не входившие в течение двух лет в состав организационных кружков, т. е. необходим был двухлетний кружковой

стаж. Для поступления в этот кружок требовалась определенная подготовка в области теории социализма и специально рабочего движения. Этот кружок руководителей состоял из 15 человек. У каждого из них было два ближайших помощника из числа наиболее подготовленных, которые, в случае ареста руководителя, должны были его заменить. Для этого кружка была выработана специальная инструкция. В ней указывалось на то, что отдельный рабочий совершенно беспомощен по отношению к объединенным силам капиталистов и правительства и потому рабочим необходимо организовываться для того, чтобы добиться от правительства политической свободы, без наличия которой, хотя и возможны стихийные вспышки, не дающие никаких результатов, но совершенно невозможна плановая борьба, преследующая определенную цель — социализм.

Этим же кружком руководителей издавались воззвания к рабочим для воздействия на массу в связи с текущими событиями. Плановости в издании этих воззваний не было. Но систематическая работа среди рабочих все же велась. Партия сначала установила связь с отдельными рабочими, а затем уже через этих рабочих и с массой. Партия рекомендовала агитаторам по возможности подробнее знакомиться с условиями труда рабочих и с рабочей массой. Для экономии сил рекомендовалось заботиться о привлечении в ряды партии по возможности рабочих, пользующихся в своей среде влиянием. Рабочие не использовались партией ни для какой другой работы. Они считались подлинным авангардом революции, который именно благодаря своему влиянию сможет в решительный момент повести за собой массы.

Такая постановка вопроса имела огромное значение еще в другом отношении. „Народная воля“, благодаря такой постановке вопроса, объединила под своим знаменем ряд деятелей, находившихся до этого времени вне организации и ведущих на свой лад и страх пропаганду среди рабочих. Они, несмотря на то, что были сторонниками „мирной деятельности“, начали принимать участие в пропагандистской работе, поняв, что благодаря организации эта работа может вестись более успешно.

В кружках читались для рабочих доклады по истории французской революции, по истории Парижской Коммуны,

о теории стоимости Маркса. Для облегчения рабочим усвоения тех или других предметов составлялись и издавались каталоги легальных книг, брошюр и журнальных статей по истории рабочего движения. В некоторых городах (не везде) организовывались кружки общеобразовательного характера, и таким образом, создавались группы солидно подготовленных и сознательных рабочих. „Народная воля“ продолжала оставаться верной своему „народничеству“; она рассчитывала на этих сознательных рабочих как на пионеров революционного движения в деревне. Дело в том, что в то время огромная масса рабочих еще была связана с деревней, летом большие массы рабочих отправлялись в деревню на летние работы. Эти отправляющиеся в деревню сознательные рабочие снабжались соответственной литературой, им давались указания, как вести работу. Таким путем „Народная воля“ пыталась достигнуть того, чего не удалось „землевольцам“. П. А. Лавров в „Календаре Народной воли“, изданном в конце 1883 года, сообщает, что первая рабочая группа партии „Народная воля“ была создана в Петербурге в конце 1879 г.; в следующем году она уже увеличилась в четыре раза, и члены ее не использовались ни для какой другой работы. Такие же группы были созданы в большом количестве и в других городах, в особенности на юге. Две южные рабочие группы вели очень деятельную агитацию по аграрному вопросу.

Насколько успешна была деятельность „Народной воли“ среди рабочих, свидетельствует тот факт, что после 1 марта в одном только Петербурге было арестовано более 90 рабочих. Если эту цифру сопоставим с данными, приведенными в № 4 „Народной воли“, об обвинявшихся в государственных преступлениях и привлеченных к суду за период с 1 января по 31 июня 1879 г., то разница буквально бьет в глаза. Тогда из 171 чел. подсудимых ремесленников было 33, чернорабочих — 20, а фабричных рабочих — всего 5.

Приведенные нами данные указывают, что говорить о том, будто „Народная воля“ лишь „по временам“ заводила „кое-какие“ связи с рабочими, — нельзя, что Плеханов в данном случае согрешил против объективизма.

Перейдем к обрисовке деятельности „Народной воли“ среди военных. Скончавшийся недавно шлиссельбуржец Ашен-

бреннер пишет в своих воспоминаниях: „В декабре 1881 г. приехал на юг лейтенант Александр Викентьевич Буцевич, и от него мы узнали о возникновении повсюду военных революционных кружков и о существовании центральной группы. Познакомившись с нашей программой, он нашел ее *недостаточной*“.

Эту программу южан Ашенбреннер характеризовал как „дружественный нейтралитет в пользу народа, протестантов, демонстрантов и восставших. В других местностях кружковые программы были весьма разнообразны, начиная от программы самообразования до террористической“; этой программе Буцевич противопоставлял военную программу „Народной воли“. Он доказывал, что „по смыслу своего существования, *военная организация должна носить боевой характер; что ее назначение — активное содействие партии „Народная воля“, и ее задача — готовиться к военному мятежу*“.

Южане возражали, указывая на то, что увлечь за собой единичных солдат не трудно; возмутить же целые роты, батальоны, батареи возможно только при общем народном восстании, что тогда не помешает даже и недостаточная подготовка; а общее народное восстание — праздная мечта; они говорили, что революционное движение в России до сих пор не имело массового характера, оно проявлялось лишь в виде частичных мятежных протестов; поэтому единая, практически осуществимая и достаточная задача — подготовить сначала отдельные части, затем (как предельное требование) целые гарнизоны к тому, чтобы они не поднимали оружия против народа и народных защитников ни в коем случае. Это — программа-минимум, и она исполнима, если не во всем объеме, то частично.

Другими словами, южане говорили то же, что говорил о военной организации „Народной Воли“ и т. Покровский: „Военное движение уже в начале восьмидесятых годов XIX века зависело от массового движения в стране, и именно температура этого массового движения определяла температуру движения военного“.

Буцевич, возражая южанам, считал, что эта программа-минимум — утопия, что смешно говорить о подготовке армий и гарнизонов, когда и одна рота, открыто ставшая на сторону восставших, может принести неисчислимые услуги: „за-

хватить арсеналы и передать оружие инсургентам, захватить пушки, пороховые погреба, обезоружить целые части, арестовать энергичных распорядителей, освободить политических заключенных и т. д.“.

„В результате этих совещаний было присоединение двух армейских кружков, а затем и морского кружка к партии „Народная воля“. Кружковые программы двух первых кружков были изменены так: задача кружков — активная поддержка протестующих и восставших; главенство Исполнительного комитета партии „Народная воля“; непосредственное подчинение по специальным делам авторитетному военному центральному кружку: обязательство явиться в распоряжение военного центра по первому требованию“.

В скором времени к армейским кружкам присоединился морской. Военная организация была по своему составу офицерской, офицеры же того времени, по определению Ашенбреннера, были отпрыском „русской бессословной интеллигенции“; отсюда понятно, что они в своей среде пытались проводить то, что в своей проводила гражданская бессословная интеллигенция.

„На общем собрании армейского и морского кружков,— сообщает Ашенбреннер,— был поставлен вопрос о пропаганде среди солдат и получил оригинальное решение: признали целесообразным поручить пропаганду рабочим и обратились с просьбой к В. Н. Фигнер прислать двух подходящих рабочих для пропаганды в двух городах. Решение далеко не оригинальное, а лишь копирующее по отношению к солдатам то, что „Народная воля“ делала по отношению к крестьянам, направляя в деревню рабочих в качестве агитаторов“.

„Офицеры должны были намечать и указывать рабочим более надежных и способных людей, оберегать свидания солдат с рабочими, выручать солдат от всяких домашних и внешних напастей и повышать по возможности их служебное положение и т. д. Пропаганда шла довольно успешно, особенно между моряками“.

О том, какое значение придавала „Народная воля“ военной организации, свидетельствует тот факт, что в состав центральной группы входили такие выдающиеся офицеры, как Рогачев, Суханов, Штромберг, а делегатами Исполнительного комитета в этой группе были Желябов и Колодкевич.

В начале 1881 г. в эту центральную группу вошли Бушевич, Пахитонов и Дегаев. Дегаев впоследствии сделался провокатором, и благодаря его деятельности военная организация „Народной воли“ была разгромлена.

В области военной работы „Народная воля“ проявила такую же энергию, как и в других областях. В скором времени были созданы военные кружки матросов, артиллеристов, армейцев в Кронштадте, в Петербурге во всех военных академиях, за исключением Академии генерального штаба, и в военных училищах. С течением времени были основаны кружки в Гельсингфорсе, в Прибалтике, в Литве, в центральных губерниях, в Поволжье, на Кавказе. Во всех этих кружках велись систематические занятия: читались доклады по экономическим и политическим вопросам, читались и обсуждались сочинения Прудона, Луи Блана, Лассаля, Родбертуса, Маркса, катедер-социалистов и т. д. Число кружков, а равно число распропагандированных офицеров и даже рядовых солдат и матросов возрастало; но, как мы уже упоминали, в центральной группе оказался провокатор, и вся эта работа, поглотившая огромное число жертв в лице расстрелянных, повешенных, замученных в Шлиссельбурге и в других каторжных тюрьмах офицеров, не дала заметных результатов.

Характеристика деятельности „Народной воли“ за этот период не была бы полной, если бы мы не остановились еще на одном моменте.

С 1879 г. по 1881 г. не только не заметно прежнего влияния эмиграции на деятелей России, но об эмиграции совершенно не было слышно, несмотря на то, что эмигрантская колония насчитывала в своей среде многих выдающихся революционеров. Эти деятели не были использованы, несмотря на то, что они могли информировать весь мир о действительном положении дел в России. Опровергая клеветническое освещение событий казенными царскими писателями, заграничная эмиграция могла оказать делу революционеров большую пользу. Это стало особенно важным после взрыва в Зимнем дворце. Учитывая это, Исполнительный комитет поручил В. Н. Фигнер обратиться к П. Л. Лаврову и Гартману (эмигрировавшему участнику покушения под Москвой) информировать за границу о событиях, сообщать подробно биографические сведения о казненных, разоблачать деятельность царского

самодержавия и т. д. и т. п. Это поручение было названными лицами принято; таким образом было положено начало революционной прессе за границей, существенно отличавшейся от прежних издававшихся там органов. „Колокол“, „Вперед“ и др. были органами эмиграции для России. Созданный впоследствии „Вестник Народной воли“ был органом действовавших в России революционеров, был органом партии, лишь в силу технических условий издававшимся за границей.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

В первое время после убийства Александра II в правительственных сферах была такая тревога, такая неуверенность в том, „что день грядущий им готовит“, что можно было ожидать со стороны самодержавия хоть каких-нибудь уступок. Уже через 10 дней после катастрофы Победоносцев наставлял Александра III: „Когда собираетесь ко сну, извольте запирать за собой двери не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной, осматривать все в спальне, заглядывать под мебель, проверять звонки и провода и надежность адъютантов“.

Мы уже знаем о настроениях в то время масс и пресловутого общества, оказавшегося неспособным ни на что, кроме жалкого рабского лепета. Ясно, что при таком настроении общества тревога придворных сфер долго продолжаться не могла. Так оно и случилось. Очнувшись от страха, новый самодержец „приступил к делу“: 3 апреля была совершена публичная казнь героев 1 марта: Желябова, Перовской, Кибальчича, Рысакова и Михайлова. 29 апреля был объявлен манифест о незыблемости самодержавия, но призрак убитого предшественника все же не переставал тревожить царя, и наряду с мерами предосторожности полицейского характера он предпринимает и другие весьма характерные меры. По поручению правительства, граф Воронцов-Дашков через третьи лица обратился к Исполнительному комитету с предложением указать условия, на которых „Народная воля“ согласилась бы прекратить террористическую деятельность и, в частности, гарантировать безопасность Александра III во время коронации. Исполнительный комитет „Народной воли“, — что в высшей степени характерно для момента, какой переживала, партия, и

что находится в определенной гармонии с тоном и содержанием „письма к Александру III“, — не отверг с места этого предложения, а указал на находившихся в эмиграции П.А. Лаврова и Оловянникову как на своих представителей, уполномоченных для ведения переговоров. Эти повторили те же требования, что были сформулированы в „письме к Александру III“, а в качестве гарантии выполнения самодержавием договоренных условий потребовали освобождения Чернышевского, что и было принято: Чернышевский был возвращен из ссылки. Вскоре после этого граф Воронцов-Дашков сообщил Лаврову и Оловяниковой, что он вынужден прервать переговоры, так как при дворе усилилось влияние графа Дмитрия Толстого и начинается реакция...

Весь этот эпизод, до сих пор весьма мало изученный, очень характерен, не только сам по себе, но и во всех подробностях. В № 1 „Листка Народной воли“, помеченном 20 июня 1883 г. и изданном в Петербурге, напечатано следующее:

„Широковещательные общания, которые расточались направо и налево нечестивыми устами придворных старателей и полицией (в видах предотвращения *непредполагавшегося* даже покушения) могли вводить в заблуждение разве только наивных людей да лишенных возможности ориентироваться в действительности наших заключенных товарищей, которых просили, даже умоляли убедить нас ничего не предпринимать по случаю коронации, которым давали обещания относительно всеобщей полигической амнистии и перемены политики в смысле простора для мирной социалистической деятельности.

Когда они нам писали об этом, мы отвечали им, что покушение все равно не предпринимается, но, что их тем не менее бессовестно обманывают, что падающий порядок до того расшатан, что прибегает ко лжи, что в действительности можно ожидать от правительства только того, что мы сказали в брошюре, выпущенной по случаю коронации, т.-е. ничего для мысли, свободы и чести и очень много для всего им противоположного. Так все это и случилось. Конечно, чиновники получили много чинов, орденов и наград; купечество — льготы и привилегии“.

Если Исполнительный комитет так трезво относился к „широковещательным“, обещаниям, то почему же он сразу не отверг предложения Дондукова-Корсакова? Одно из двух: или им

руководило желание доказать обществу, что виновником террора была не „Народная воля“, а царское самодержавие, не соглашающееся даже на минимальные уступки, или это была попытка маскировать последовавшее после 1 марта в связи с массовыми арестами истощение сил партии. И в том и в другом случае это был акт, продиктованный сознанием своей слабости. Будь у партии соответственные возможности, она приняла бы целый ряд новых террористических актов, этим усиливала бы тревогу в придворных сферах, и под влиянием страха самодержавие могло бы пойти на некоторые уступки, рассчитывая, как это было в 1905 году, при первом удобном случае взять их обратно.

Этого не случилось. Правительству была дана „передышка“, оно успело очнуться от страха и ориентироваться в положении, во всех отношениях для него выгодном. В самом деле, крестьянство в массе безмолствовало и продолжало уповать — часть на царя, что он все-таки даст землю, часть — на революционеров, что они заменят в этой роли царя; но дальнейшие ожидания и упования дело не шло. Не шло даже после того, как Александр III цинически порекомендовал собравшимся в Москве из всех концов России волостным старшинам: „слушаться *своих* (!) предводителей дворянства. Пролетариат, в то время еще не осознавший себя как класс и крайне малочисленный (нельзя забывать, что Россия тогда только начала вступать на путь капитализма), не был еще в состоянии своим выступлением хоть сколько-нибудь поддержать революционеров. Об обществе мы уже говорили выше. Это было учтено. Царское самодержавие поняло, что против него ведет борьбу не определенная социальная сила, не определенный класс, а горсточка героев-революционеров; правительство принялось душить революцию всеми находившимися в его распоряжении средствами, вместе с этим и руль государственного корабля был направлен в обратную сторону — назад, к крепостничеству, если не полностью, то по возможности ближе к этому благодатному времени.

В конце царствования Александра II правительство было вынуждено отменить акциз на соль, сократить размеры выкупных платежей за землю, отменить подушные подати, положить начало фабричному законодательству, устранить возбудившего своим ретроградством всеобщую ненависть министра

народного просвещения графа Дмитрия Толстого, прекратить хотя бы только на бумаге пресловутое „Третье отделение“, замененное впоследствии не менее знаменитой „охранкой“, наконец, предоставить некоторые льготы столичной прессе. Но когда обнаружилось, что у „Народной воли“ нет опоры ни в каком слое народа, правительство Александра III сделало соответствующие выводы: оно основывает дворянский банк, наделяет дворянство всевозможными благами, издает законы, направленные против рабочих, суживает и без того весьма ограниченную свободу прессы, существовавшую в то время, вводит институт „земских начальников“, ограничивает городское самоуправление и т. д. и т. п.

Народовольцы, которых Маркс еще в 1882 г. назвал авангардом всемирного революционного движения, несмотря на проявленную ими после 1 марта 1881 г. уступчивость, пытались возобновить борьбу. Кое-какие силы еще уцелели. Из вождей погибло на виселицах очень много самых дельных революционеров, много было брошено в Шлиссельбург, откуда, по выражению шефа жандармов Оржевского, „не выходят, а откуда выносят“... Выбыли из строя Квятковский, Ширяев, Александр Михайлов, Желябов, Перовская, Тригони, Кибальчич, Гриневицкий, Тимофей Михайлов, Рысаков, Саблин, Исаев, Гельфман, Фроленко, Морозов, Суханов, Штротберг, но продолжали оставаться на боевом посту Телалов, Оловянникова, Тихомиров, Богданович, Савелий Златопольский, Лянган С., Якимова, Галина Чернявская, Ивановская, Грачевский, Корба, Халтурин, В. Фигнер и много других, а затем и военная организация, о которой мы уже говорили, с Рогачевым, Пахитоновым, Ашенбреннером, Буцевичем и др. во главе.

В первое время все внимание партии было сосредоточено на издательской работе с целью более широкой популяризации акта 1 марта и требований, выдвинутых в связи с этим актом „Народной воли“.

Но правительство было на-чеку. В декабре 1881 г. в Петербурге был арестован Телалов, крупный оратор, пропагандист и организатор, одной из крупнейших заслуг которого является систематическая организация рабочих. Одновременно с ним было арестовано около 80 рабочих. В начале 1882 г. начался формальный разгром московской организации. 6 фе-

враля был арестован Стефанович, перешедший из „Черного передела“ в „Народную волю“, 10 марта — Богданович-Кобозев, в апреле — Савелий Златопольский и бежавший с поселения в Сибири Чикоидзе. 18 июня полиция захватывает тайную типографию, но хозяевам типографии — Ковалевой, Суровцеву и Галине Чернявской — удается скрыться. Летом 1882 г. происходит такой же разгром петербургской организации, которая готовила покушение на начальника охранки Судейкина и на министра внутренних дел Дмитрия Толстого. Были арестованы Александр и Роза Прибылевы, бывшие хозяевами квартиры, в которой изготовлялись бомбы, а затем Грачевский, Корба, Гринберг, Клименко, офицер Буцевич и др. Одновременно с этим в Одессе были арестованы Дегаев, Калюжная, Спандони, Суровцев.

Роковым был арест Дегаева, который, как мы уже упоминали, был членом центральной военной группы и в качестве какового в ноябре 1882 г. приехал на юг.

„Он, — пишет Ашенбреннер в своих воспоминаниях, — совершенно обворожил военных. Нам он казался человеком очень тонким, ловким, умным, изворотливым и предприимчивым. На севере военные его обожали; кажется, только один А. Э. Серебряков не поддавался общему увлечению. Он мне говорил, что Суханов относился к Дегаеву с большим недоверием. После первого ареста Дегаев был выпущен на поруки и скрылся. Летом 1882 г. он с женой жил в Тифлисе. С этого момента все предприятия, где он был главным деятелем, оканчивались полнейшей неудачей. В ноябре провалился в Тифлисе военный кружок Мингрельского полка. В декабре, — правда, после его отъезда, — провалилось горийское предприятие. В конце ноября он приехал в Одессу для устройства типографии, и 18 декабря ее открыла полиция. Дегаев с женой, Спандони, Суровцев и Калюжная были арестованы. В тюрьме он оставался очень недолго. На нашем суде читали очень интересное показание его жены. Ее потребовали в жандармское управление, и там она увидела такую картину: „Сидит Сережа с Судейкиным. На столе бутылка вина и пирожки. И т. д.“. Покушав пирожков с Судейкиным, Дегаев учинил фиктивный побег, явился к штабс-капитану Крапскому и, поведав ему, как он удачно ушел от жандармов, просил, не теряя минуты, отвезти его в Николаев и скрыть там на

некоторое время от розысков. Дело было зимой, и один из офицеров отвез его туда и поселил у одного семейного офицера, у которого бывали кружковые военные. Дегаев знал только трех офицеров, которых я вызывал по его желанию в Одессу, и хотел познакомиться вполне с положением дела и с кружковым составом в Николаеве. Затем он опять исчез, и начались аресты и провалы повсюду. 10 февраля 1883 г. была арестована в Харькове В. Н. Фигнер, 25 февраля там же — Чуйков и В. Иванов. 22 июня в Харькове обнаружена тайная типография и арестован старый знакомый Дегаева Немоловский. В марте 1883 г. в Киеве арестован поручик Тихонович, 6 марта — штабс-капитаны Рогачев и Пахитонов, в конце марта — Ашенбреннер, а весной и летом начались массовые аресты офицеров, пока не исчерпали почти всю военную организацию“.

Мы привели эти строки человека, непосредственно соприкасавшегося с Дегаевым и павшего жертвой его провокации, чтобы хоть сколько-нибудь выпукло обрисовать этого провокатора, всадившего нож в спину „Народной воли“.

Провокация была проведена в высшей степени ловко. Дегаев до ареста был очень деятельным. Побег еще более поднял его авторитет в глазах партии. Он прячется, его скрывают уже тогда, когда он был провокатором... После разгрома на юге Дегаев переезжает в Петербург, устраивает здесь типографию, организует новые революционные кружки и... все это предает жандармам.

В партии началась паника. Для всех стало ясно, что в организацию проник провокатор, но кто он, никто не знал. Одни подозревали одного, другие другого... Создалась тяжелая, душливая атмосфера взаимного недоверия... Прошло еще некоторое время, и подозрения сосредоточились на Дегаеве. Почин был сделан революционной молодежью, которая решила созвать собрание и вызвать Дегаева для объяснений. Он не явился на это собрание, но, зная, что после того, как подозрение пало на него, ему уже не сдобровать, он выехал в Париж. Здесь уже было известно о том, что он подозревается в провокаторстве, его начали допрашивать и постепенно довели его до того, что он сознался. Только тогда во всей своей подлости обнаружилась картина „мерзости и запустения“, как ее назвал Л. Тихомиров. Оказалось, что Судейкин

совратил Дегаева на путь провокации, преследуя при этом свои личные мерзкие цели. Он был недоволен тем скромным положением, какое он занимал, и собирался организовать фиктивное покушение на самого себя, допустить легкое ранение при этом покушении, после чего подать в отставку и этим устранить себя от дела и от ответственности за безопасность вверенных его охране царских сановников и самого царя. После его выхода в отставку Дегаев должен повлиять на революционеров, чтобы они устроили покушение на министра внутренних дел Дмитрия Толстого и на великого князя Владимира, намереваясь всеми находящимися в его распоряжении средствами содействовать им в этом. Ставка была сделана на то, что царское правительство, убедившись на деле, что с уходом Судейкина усилилась террористическая деятельность революционеров, будет настаивать на возвращении Судейкина на службу, и тогда он потребует, чтобы было создано специальное министерство полиции и чтобы ему был предоставлен пост министра.

Прижатый к стене, Дегаев сознался, что он был провокатором и агентом Судейкина; желая спасти свою жизнь, он, ранее предававший Судейкину революционеров, уличенный, предал Судейкина революционерам, предложив Исполнительному комитету содействовать его убийству. Состряпанный Судейкиным план фиктивного покушения на него был использован для того, чтобы фикцию превратить в действительность, и Судейкин был 16 декабря 1883 г. убит на конспиративной квартире, специально предназначенной для тайных свиданий Судейкина с Дегаевым. Убийство было совершено Канашевичем и Стародворским. Роль Дегаева в этом покушении была чисто пассивной. Он предварительно спрятал Канашевича и Стародворского на этой квартире.

Несмотря на то, что на ноги была поднята вся полиция и что правительство объявило 5.000 руб. награды за указание места, где скрывается Дегаев, и 10.000 рублей за содействие в его задержании, Дегаев был увезен Кунцким из Петербурга в Либаву, а оттуда Рахневским сплавлен за границу на пароходе. Здесь, по требованию революционеров, им был составлен список преданных им людей, уже попавших и еще не попавших в руки полиции. В этом списке было более тысячи фамилий...

Вся эта ужасная и мерзкая трагедия окончательно дезорганизовала партию. В силу необходимости приходилось при-

нять меры к реорганизации и привлечению новых сил на смену выбывшим из строя. Героизм первоапрельцев был еще у всех в памяти, ореол партии был еще в полном блеске, и вокруг уцелевших Сергея Иванова, Баха, Панкратова, Борисова и других начали собираться новые силы.

В 1884 году в Париже был созван съезд партии, на котором была избрана исполнительная комиссия, состоящая из трех человек — Германа Лопатина, Неонилы Саловой и Василия Сухомлина — для реорганизации партии и приведения в порядок ее боевых сил. Задача этой комиссии, которую возглавлял Лопатин, была далеко не легкой. В первую очередь было необходимо объединить все революционные силы, но три года, прошедшие после акта 1 марта, и определенное затишье после прежней бурной деятельности не прошли даром. В рядах партии появилась оппозиция, принявшая название „Молодой Народной воли“ во главе с прославившимся впоследствии поэтом П. Якубовичем - Мельшиным, Флеровым и Олесиновым. Эта группа считала необходимым усиление работы в массах, в частности среди рабочих, и введение в программу пунктов об аграрном фабричном терроре. Исполнительному комитету пришлось с этой группой считаться, ибо она успела создать свои организации и в других городах. Начались переговоры, приведшие к соглашению. Вопрос об усилении деятельности среди рабочих не вызвал разногласий, так как, как мы уже говорили, „старая“ „Народная воля“ и раньше вела работу в этом направлении. Что же касается вопроса об аграрном и фабричном терроре, то „молодые“ на нем не настаивали. Во время переговоров возник еще один вопрос — о том, что необходимо созывать периодические съезды местных групп, так как Исполнительного комитета фактически не существует. Это предложение также не встретило возражений. Соглашение было достигнуто, и в апреле 1884 г. было созвано совещание. На этом совещании было выработано заявление со стороны молодых, напечатанное впоследствии в № 10 „Народной воли“. Была также намечена программа дальнейшей деятельности: оборудовать типографию, издать № 10 „Народной воли“ и энергично приняться за террористическую деятельность, в первую очередь за подготовку покушения на самого крайнего реакционера — министра внутренних дел Дмитрия Толстого.

Работа закипела. Лопатин принялся за организацию новых сил в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Ростове, повсюду привлекая к партии рабочих, затем им была поставлена типография, собраны деньги, доставлено в Петербург некоторое количество динамита и издан № 10 „Народной воли“. В этом номере было напечатано извещение Исполнительного комитета о приведении в исполнение смертного приговора над Судейкиным, статья о задачах партии среди народа, программа польской социалистической революционной партии „Пролетариат“ (на ней мы остановимся в следующей главе) и содержание договора между „Народной волей“ и этой партией.

В виду того, что этот договор представляет весьма интересный материал для характеристики тогдашних взглядов народолюбцев на национальный вопрос, мы передаем некоторые его более характерные положения:

„Народная воля“, относясь с уважением к самостоятельности и свободному развитию каждого народа и учитывая существующее различие социальных отношений между русским народом и польским, отрицает возможность одинакового ведения подготовительной работы польскими и русскими революционерами. Исходя из этого, обе договаривавшиеся стороны пришли к заключению, что полное слияние „Народной воли“ с „Пролетариатом“ могло бы тормозить деятельность как польских, так и русских социалистов и препятствовать им в избрании самых целесообразных способов организации и борьбы. Исходя из этого, Исполнительный комитет, заключая союз с ЦК „Пролетариата“, полностью признает требование ЦК сохранить за „Пролетариатом“ полную независимость и ответственность за ведение всех дел в Польше. Исполнительный комитет даже не решился бы взять на себя ответственность за ведение дел в стране, столь многим отличающейся от России, и, в свою очередь, подчинить собственные дела влияниям не русской партии“.

Важен для характеристики „Народной воли“ еще один пункт. ЦК „Пролетариата“, признавая, что борьба с централизованным деспотизмом нуждается в ответственном руководстве и согласованности во всех деталях на протяжении всей территории, находящейся под одинаковым политическим гнетом, объединялся с Исполнительным комитетом на все

время борьбы до момента победы, оговариваясь, что с этого момента он сохраняет за собой полную самостоятельность. Против этого не только не возражал Исполнительный комитет, но вполне разделял этот взгляд, — другими словами, в этом вопросе проводился взгляд, впоследствии сформулированный большевиками: „право самоопределения вплоть до полного отделения“.

Стремление тогдашней исполнительной комиссии „Народной воли“ объединить все действующие на территории России революционные силы увенчались гораздо большим успехом, чем исполнительная комиссия могла мечтать. В первый раз с момента возникновения социалистического движения в России и в Польше революционеры обеих стран объединились для общей борьбы. Если мы к этому прибавим, что в основном „Пролетариатом“ за границей партийном органе „Walka Klas“ („Борьба классов“) сотрудничали русские революционеры с П. Л. Лавровым во главе и что в основном почти в это же время „Вестнике Народной воли“ принимали участие польские революционеры, что многие члены „Пролетариата“, работавшие в России, были одновременно с этим членами „Народной воли“, то убедимся, что этот союз не только морально, но и действительно поддержал эту партию.

Подводя итоги энергичной деятельности исполнительной комиссии, необходимо отметить, что ею была создана почва для полнейшего обновления партии. Мало того. В основном ею за границей „Вестнике Народной воли“ обещали свое сотрудничество Маркс и Энгельс. И действительно, в этом органе, издававшемся под редакцией Лаврова и Тихомирова, был напечатан целый ряд статей по научному социализму, что не мало содействовало углублению социалистической сознательности революционеров.

Все это как-будто открывало перед „Народной волей“ возможность плодотворной работы... Но период восстановления подпольной организации всегда являлся самым опасным для нее. Революционеры, возглавляющие организацию, для того, чтобы установить или восстановить связь, вынуждены сноситься и лично входить в контакт с очень многими лицами. В таких случаях не всегда возможно соблюсти все правила осторожности и конспирации, и почти всегда именно

в этот период бывали самые крупные провалы. Этой опасности подвергался на каждом шагу Герман Лопатин.

Устанавливая новые связи, Лопатин завел в Москве знакомство с неким Белино-Бржозовским, как оказалось впоследствии, весьма ловким провокатором. Из Москвы Лопатин отправился в Петербург; Белино-Бржозовский последовал за ним, указал на него полиции, и она его схватила, вопреки своему обыкновению днем, на улице, причем на такой оживленной улице, как Невский проспект. В момент ареста Лопатин пытался уничтожить имевшиеся у него 11 листов бумаги с адресами и разными пометками. Ему удалось дважды вырваться из рук жандармов, но каждый раз его хватали вновь и, в конце концов, отвели в жандармское управление. Уже здесь Лопатин пытался проглотить злополучные записки, но жандармы схватили его так за горло, что он лишился сознания, и роковые для партии листки попали в их руки.

Начался новый разгром. Сухомлин, Салова, Якубович-Мельшин, Добрускина и много других, в общем около 500 человек, оказались за решеткой...

Вся партия была разгромлена. Но... „можно арестовать еще сотню революционеров, — говорилось в „письме Исполнительного комитета к Александру III“, — можно дезорганизовать партию, но революционного движения удушить нельзя“.

Мало того... Революционеры больше чем кто-либо учатся на своих ошибках, на своих поражениях.

После этого массового провала на арену движения выступили новые силы, убежденные в необходимости продолжения борьбы и вновь и вновь подвергавшие проверке программу и тактику партии. В результате этого социалистическое движение приняло характер менее эффективный, менее интенсивный и менее агрессивный, но более широкий.

Волны этого движения прокатились в этот период по всей России, являясь как бы прелюдией грядущего массового движения. В январе 1885 г., между прочим, происходила знаменитая забастовка рабочих в Орехово-Зуеве, причем руководила забастовкой рабочая организация „Народной воли“. Возглавляли в то время организацию „Народной воли“ уцелевшие от погрома Сергей Иванов и Борис Оржих — будущие шлиссельбуржцы — и известный в настоящее время этнолог

Богораз-Тан. Перед ними стояла та же задача, какую пыталась решить исполнительная комиссия во главе с Лопатиным — восстановление организации. Сергей Иванов вскоре был арестован, и всю работу пришлось проводить оставшимся двум лицам.

Оржих в сентябре 1885 г. объехал весь юг и созвал съезд, на котором присутствовали представители одесской, харьковской, ростовской и екатеринославской групп и, кроме того, четыре нелегальных подпольщика. На этом съезде было принято решение окончательно направить все силы на работу среди рабочих масс. Постановления этого съезда были опубликованы в № 11—12 „Листка Народной воли“, отпечатанном в Таганроге. Одновременно с изданием этого номера партийного органа была издана программная брошюра, в которой партия окончательно похоронила витавшие в ее среде идеи о захвате власти, но попрежнему отстаивала террор как весьма целесообразное оружие в борьбе за конституцию.

Согласно постановлениям съезда, весь 1883 год был посвящен, с одной стороны, организационной работе, с другой — подготовке нового террористического акта. Вновь была организована лаборатория взрывчатых материалов, было даже изготовлено несколько бомб, но аресты Надежды Сигиды (впоследствии в каторге на Каре подвергнутой телесному наказанию и из-за этого отравившейся), Оржиха, Тринидатской и др. помешали выполнению покушения.

Попытки восстановления военной организации из-за арестов также не увенчались успехом.

Небольшого успеха добился Богораз, на которого была возложена такая же функция на севере, какую на юге выполнял Оржих. Едва ему удалось восстановить организацию в Москве, поставить типографию и издать номер „Листка Народной воли“ и несколько популярных брошюр для рабочих, как он был арестован и сослан административно на 10 лет в Колымск (в Якутской области на берегу Ледовитого океана). Оржих и Богораз — это, так сказать, последние могикане-народовольцы. После их ареста партия, как единая организация, руководствующаяся единой программой, прекратила свое существование. Исключая деятелей группы „Освобождение труда“, о которых мы будем говорить ниже, среди революционеров началась полная неразбериха. Возникает

группа „милитаристов“, возлагающих все надежды на агитацию среди военных, точнее — среди офицеров; воскресают группы народников — сторонников мирной пропаганды среди крестьян, и наряду с ними появляются группы сторонников исключительно террористической деятельности, усматривающих единственное спасение в цареубийстве, выдвигающих это цареубийство уже не как средство, а как цель.

Все эти группы и фракции, все эти оттенки, или, вернее, болезненные уклоны революционно-социалистической мысли, гибли прежде чем успевали развиться, и если мы о них упоминаем, то лишь с единственной целью показать, какой хаос воцарился после гибели славной „Народной воли“.

Но традиции этой партии еще были живы в среде революционной молодежи.

„Имена революционеров, уже сошедших со сцены, — пишет Л. Ананьина, — особенно деятелей 1 марта 1881 г., вспоминались с благоговением, с чувством почти религиозного преклонения и восторга. Как ни силен был гнет реакции, как ни душила власть всякую попытку уйти от ее заботливой опеки, жизнь оказывалась сильнее“.

Среди студенческой молодежи появились „землячества“, ставившие себе целью объединить молодежь путем устройства кружков самообразования, касс взаимопомощи, библиотек и т. п. В 1886 г. возник союз землячеств, поставивший себе задачу политически развить молодежь и сделавший попытку устроить демонстрацию в день двадцатипятилетия со дня смерти Добролюбова. Полиция не допустила демонстрантов до кладбища, демонстрация провалилась, но именно этот провал заставил молодежь задуматься над иными средствами борьбы. Это привело в конце 1886 г. к возникновению группы, принявшей название „террористической фракции „Народной воли“ и немедленно приступившей к подготовке покушения на Александра III.

„Центральную группу демонстрантов, — сообщает Ананьина, — составляли студенты петербургского университета: Шевырев, А. И. Ульянов (родной брат Владимира Ильича) и И. Лукашевич. К ним присоединяются В. Генералов, П. Андреюшкин и Осипанов. Желание ускорить дело, а отчасти и внешние условия вынуждают центральную группу обращаться к содействию людей случайных“.

Благодаря этому на роль сигнальщиков попали люди неопытные, слабые — студенты Канчер, Горкун и Волохов, после ареста выдавшие все, что знали. Покушение на царя сначала должно было произойти в конце февраля, но так как царь в эти дни не выезжал, а в день 1 марта он волей-неволей должен был присутствовать на панихиде по Александре II, то к этому дню и было приурочено покушение. Бомбы были изготовлены Ульяновым и Лукашевичем в виде книг. В назначенный день Генералов, Андреюшкин и Осипанов с бомбами вышли на улицу, но тут же были схвачены и арестованы. Покушение не удалось. Предательство Канчера, Горкуна и Волохова облегчило дело полиции, 15 человек были преданы суду и приговорены к смерти. По конфирмации 10 осужденным смертная казнь была заменена каторжными работами, 5 человек — Ульянов, Шевырев, Андреюшкин, Генералов и Осипанов — 8 мая 1887 г. были казнены в Шлиссельбурге.

„Как ни крепки, — пишет Ананьина, — были стены Шлиссельбурга, как ни суровы правила тюремного режима, тайны ее выносились за стены тюрьмы, на волю. Известны стали подробности смерти пяти юношей-революционеров. Они погибли так же героически, как гибли и раньше борцы за свободу России. Спокойно и мужественно шли они, и перед тем, как рука палача накинута на гордые головы страшные холщевые мешки, террористы успели еще послать последний привет грядущей свободе“.

В этом же году совершенно самостоятельно возникает в Петербурге и в некоторых других городах организация среди офицеров и юнкеров, но и эта организация продержалась всего несколько месяцев. И опять погибает в тюрьмах и в ссылке около 200 офицеров и юнкеров; организация гибнет окончательно.

Одновременно с этим возникает в Харькове террористическая организация. Цели ее уже более скромны — путем террора запугать уже чересчур разгулявшихся царских инквизиторов. Но и эта организация погибает под ударами жандармов.

Наконец, как последний гром некогда клокотавшей террористической бури, по инициативе Софии Гинсбург возникает небольшая группа террористов, которая в 1889 г. вновь ставит себе целью покушение на Александра III. И опять полиция

хватает всех раньше, чем они успели что-либо сделать. Стояновский (старший) умирает еще во время следствия в Петропавловской крепости, инициаторша и организаторша кружка — Гинсбург, приговоренная к пожизненной каторге, кончает самоубийством в Шлиссельбурге; Фрейфельд, Орочко, Михаил Стояновский ссылаются на каторгу и на поселение.

Это уже были последние народовольцы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Выше мы упоминали о союзе „Народной воли“ с польской социал-революционной партией „Пролетариат“. В виду происходившего взаимного воздействия русских революционеров на польских и польских на русских и в виду того, что деятельность „Пролетариата“ не оставалась без влияния и на русское движение, приходится остановиться на деятельности этой партии.

Польша, как известно, только в 1918 году стала вновь самостоятельным государством, до этого она была разделена между Россией, Австрией и Германией. Для Царства Польского, входившего в состав России, эта принадлежность к отсталому в промышленном отношении государству представляла в экономическом отношении определенные выгоды. Это особенно сказалось после последнего польского восстания 1861—1863 г. г.

Только-что освободившаяся от крепостного права Россия, переходившая в то время от натурального хозяйства к денежному, представляла для промышленной Польши богатейший рынок сбыта. На этом пути царское правительство не ставило польской буржуазии никаких препятствий. Обогащение буржуазии, принявшее в то время огромные размеры и бросавшееся в глаза рабочим массам, могло бы способствовать проникновению классового сознания в эти массы; но буржуазия сумела извлечь пользу и из подчинения страны чужому государству, ухитряясь направлять всякое недовольство рабочих в сторону царского правительства, сваливая на него всю ответственность за бедственное положение масс.

В связи с возрастающим в России спросом на товары, по всей Польше вырастали новые фабрики и заводы. Буржуазия блаженствовала. Она не учла лишь одного — что развитие

промышленности влечет за собой увеличение числа рабочих и сосредоточение их в большом количестве под одной фабричной крышей, где они, без различия национальности, подвергаются одному режиму, одинаковой эксплуатации. Вовлеченный в промышленность польский крестьянин, превратившись в пролетария, очутился в соседстве, у одного станка, с русским, еврейским и немецким рабочим и одинаково с ними эксплуатировался предпринимателем. С этого момента польский рабочий начинает сознавать общность своих интересов с пролетариями других национальностей и противоположность его интересов интересам предпринимателей, несмотря на то, что они поляки. Этим была создана почва для социалистической пропаганды.

Рост промышленности и рабочего класса Польши совпал с периодом „хождения в народ“ в России: польская революционная молодежь, воспитывавшаяся в России, тоже двинулась „в народ“, но в свой, польский. В этом „хождении в народ“ сказалась та разница в соотношении общественных сил, о которой упоминал Исполнительный комитет „Народной воли“, заключая договор с „Пролетариатом“.

В России шел спор: „город или деревня“ — и решился в пользу „деревни“. В Польше, где кадр рабочих был довольно значительный, прибывшая из России молодежь с погибшим впоследствии в Шлиссельбурге Людовиком Варыньским во главе без всяких споров начала пропаганду среди рабочих. Тогда-то появились первые рабочие кружки, возникли крохотные „кассы сопротивления“ — предшественники будущих профессиональных союзов.

С первых же шагов польским социалистам пришлось обратить внимание на явление, совершенно не существовавшее в России: это — использование буржуазией в своих классовых целях угнетенного положения страны. Буржуазия призывала все классы общества к объединению для спасения „отчизны“ и т. д. Поэтому-то борьба с национализмом, которая в других странах стала перед социалистами только во время империалистической войны, в Польше началась с самого начала движения. Тогда же пришлось столкнуться и с социал-патриотизмом, с течением, пытавшемся „во имя отечества“ вовлечь массы в национальную борьбу. Уже в 1881 году на международном конгрессе в Хур (Швейцария) столкнулись эти два

течения. Социал-патриоты заявляли: „В Польше под властью русского правительства национально-политический гнет должен толкать на путь насильственной революции и *восстания*“, а социалисты-интернационалисты возражали: „У польского пролетариата, вступившего на путь политической борьбы, другое впереди. Не к восстанию он должен готовиться, а к социальному перевороту. Что же касается национального угнетения, то это—подробность, деталь, которая будет разрешена, когда будет решен общий социальный вопрос“.

Несколько месяцев спустя уже оформившаяся группа „интернационалистов“ в своем обращении „к русским социалистам“ резко и отчетливо формулировала свое отношение к националистическому уклону:

„Национальный вопрос может производить отрицательное влияние как тормоз развития социалистического сознания среди рабочих масс“.

Если к сказанному нами до сих пор прибавить, что в то время, когда Варынский с товарищами вели эту энергичную борьбу со всеми патриотическими уклонами, в России велась отчаянная, приковывавшая внимание всего мира борьба „Народной воли“ с царизмом, что отголоски этой борьбы гулким эхом разносились по всей рабочей Польше, что еще ранее воззвания и программы халтуринского „Союза“ с большим сочувствием встречались польскими рабочими, то станет ясным, что почва для создания пролетарской партии созрела.

Эта партия, принявшая название „Пролетариат“, возникла в 1882 году. Она поставила перед собою две основные задачи: 1) распространение социалистических идей и 2) организацию рабочих масс. Под влиянием народофильской идеологии, партия, предусматривая те препятствия и затруднения, на которые движение неминуемо наткнется, стала на точку зрения необходимости применять террор по отношению к самым зловредным представителям правительства и смертную казнь по отношению к предателям и шпионам.

В отличие от прежних течений, апостольски проповедывавших социализм в будущем, но весьма мало обращавших внимание на злободневные боли и страдания рабочего класса, партия „Пролетариат“ ставила своей задачей откликаться на все текущие нужды пролетарских масс и активно выступать

против тех фабрикантов, которые особенно отличались хищническими приемами эксплуатации и третировали рабочих, как „рабочий скот“.

Для руководства всей организацией был избран Центральный комитет, в состав которого,— что для того времени весьма характерно,— вошли испытанные в бою рабочие, как рабочий-мыловар Генрих Дулемба. При ЦК находились две группы агентов—первой и второй степени, выполнявшие свои функции согласно указаниям ЦК и являвшиеся резервом для пополнения ЦК в случае арестов членов его.

В каждом фабричном центре существовал „рабочий комитет“, руководивший движением и в своем большинстве состоявший из рабочих. Программа партии была формулирована в изданном в Варшаве 1 сентября 1882 г. воззвании „рабочего комитета“.

Эта программа настолько характерна для того времени, что я привожу ее полностью в переводе за исключением § VI, который по конспиративным соображениям не был опубликован, и, насколько мне помнится, касался весьма важного политического вопроса, о котором придется сказать несколько слов отдельно.

Указанное воззвание гласило:

I. „Причиной нищеты и всякого гнета в современном обществе является неравенство и несправедливость при распределении всевозможных богатств между различными классами общества. И хотя богатства являются результатом труда, они не достаются тем, которые работали над их созданием. При нынешнем социальном строе привилегированные классы (владельцы классов), не работая производительно, захватывают большую часть богатств, добытых трудом, в то время, как рабочий класс (непривилегированный, невладельческий), класс *ограбленный, лишенный плодов своего труда**, вынужден переносить нищету и унижение. Такое взаимоотношение этих двух классов, основанное на *эксплуатации трудящихся*, существует в обществах с давних времен и только внешне, от времени до времени, меняет свою форму. Начало такого положения следует искать в тех отдаленных временах, когда более сильные личности или группы, основываясь на силе кулака, насилием или обманом захватывали землю и всевоз-

*) Повсюду подчеркнуто в подлиннике.— Ф. К.

можные орудия труда; экспропрированный таким образом земледелец вынужден был не только уступить грабителю часть продуктов своего труда, но и отречься от личной свободы. Он сделался рабом, честь и жизнь которого всецело зависят от произвола „господина“. *Рабство*, а затем *крепостная* и *цеховая* зависимость рабочего продолжались до конца XVIII столетия, когда Великая французская революция, уничтожив средневековые привилегии, открыла период *буржуазно-капиталистического* развития общества. Освободившись от уз средневекового крепостничества и цеха, рабочий внешне стал независимым, в сущности же его отношение к владеющим классам в основе осталось прежним. Вчерашний раб стал именоваться *свободным рабочим*: прежнее *принуждение* получило название *свободного найма*; как рабы или крепостной вынужден был повиноваться приказаниям „барина“ из опасения перед кнутом, так и теперь свободный рабочий, покорно *вынужденный к этому голодом, который постоянно угрожает ему и его семье*, принимает условия, какие ему ставит капиталист. Таким образом, *эксплоатация* изменила форму, но *осталась основной* нормой отношений между классами современного общества — между владеющим классом и экспропрированным, между пролетарием и капиталистом.

Многовековой продолжительностью этого гнета и эксплуатации общество более всего обязано *несознательности эксплуатируемых масс*, которые, не понимая, в чем состоит причина их несчастий, до сих пор не сумели объединить своих сил для согласованной борьбы с общим врагом. В настоящее время, однако, эта сознательность начинает, наконец, просыпаться: рабочие начинают все более и более понимать, что нет свободы там, где господствует экономическая зависимость, где земля и орудия труда составляют частную собственность привилегированных и дают возможность эксплуатировать трудящиеся массы.

Благодаря углублению сознательности, современный пролетариат, объединяясь в одно органическое (классовое) целое, во все большем и большем количестве выступает на борьбу, *требуя полного экономического, политического и морального освобождения*.

II. Наша страна *не составляет исключения* в общем развитии европейских обществ: как в прошлом, так и в настоя-

щем этот строй, основанный на эксплуатации и гнете, не дает ничего нашему рабочему, кроме нищеты и унижения. Наше общество отличается всеми чертами буржуазно-капиталистического строя, хотя отсутствие политической свободы придает ему болезненный и истощенный вид. Но существа вопроса это не изменяет. У нас есть привилегированные эксплуататоры чужого труда, запроданная их интересам наука и пресса, огромная нищета трудящегося класса, проституция, унижительная зависимость женщины и т. д. и т. д. А сверх того, ни в угнетенных массах, ни в крохотном числе эксплуататоров не развито даже чувство личного достоинства. В то время, как первые, привыкнув к ярму повиновения более сильным, терпеливо переносят унижение, другие, карабкаясь все выше и выше, смотрят с презрением на все, что ниже их, и лакействуют перед более сильными, заискивают перед правительством и деспотом. Золото и чувственные удовольствия, — вот в настоящее время единственная цель жизни наших господствующих классов; нищета, гнет и темнота, — вот содержание жизни польского рабочего.

Угнетаемый слоем оподлившихся и погруженных в апатию паразитов, лишенный права голоса в делах страны, угнетаемый правительством и эксплуататорами, польский пролетариат дольше других был погружен в спячку. Кроме экономических и политических условий общего характера, этому немало способствовала *национально-политическая зависимость нашей страны от порабитителей*. Национальные движения и восстания, призывая всех поляков к единству и к общей борьбе против внешних угнетателей, *убивали в нашем обществе классовое сознание вообще и классовое сознание трудящихся в особенности*. Рабочему классу не была дана возможность уразуметь противоречия между интересами и стремлениями эксплуатируемых и эксплуатирующих, наоборот, делались попытки убедить общество, что этот антагонизм вызывается искусственно внешним гнетом и что он исчезнет в момент восстановления „национальной независимости“. Именно эта „независимость“, выдвигаемая, как универсальное средство против всех социальных несчастий и призывающая к солидарности и единству всех классов, отвлекла внимание рабочего от действительных причин его нищеты и гнета. И в то самое время, как этим путем сторонники „не-

зависимости“, призывая к фиктивному согласию, убивали всякое классовое движение, единственно нормальное в современном обществе, враг использовал существующие отношения другим способом, но с огромнейшим вредом для трудящихся классов. В то время, как ослепленные национально-религиозной ненавистью городские рабочие шли, не помня о своих классовых интересах, под знамена привилегированных, сельское население позволило обмануть себя правительству, которое лицемерно выступило сторонником его классовых интересов. Надевая его „милостиво“ крохами прав, оно всеми силами стремилось распространить среди наших крестьян убеждение, что именно оно заботится об их интересах и стремится улучшить их судьбу, задерживая этим пробуждение в них классовой сознательности.

Такое положение долгие продолжаться не может. *Нравственное освобождение* польского пролетариата от враждебных его классовым интересам *влияний привилегированных классов, правительств и национальных традиций* должно неукоснительно предшествовать всякому движению, по праву причисляющему себя к числу современных народных движений.

III. Принимая во внимание, что интересы эксплуатируемых не могут быть примирены с интересами эксплуататоров и ни в коем случае не могут идти по одному пути во имя фиктивного национального единства, принимая во внимание, что, наоборот, интересы городских рабочих и трудящегося люда в деревне общи, *польский пролетариат полностью отделяет себя от привилегированных классов и выступает на борьбу с ними, как самостоятельный класс, совершенно обособленный в своих экономических, политических и нравственных стремлениях.*

Принимая затем во внимание, что судьба польского рабочего зависит от положения рабочих и в других странах, так как гонимые нуждой рабочие, эмигрируя из своей страны в другие, конкурируют с рабочими тех стран и понижают всюду заработную плату; принимая во внимание, что борьба трудящихся классов одного общества находит отклик в других; принимая во внимание, что победа одних улучшает судьбу всех, а каждое поражение влияет отрицательно на весь пролетариат,— принимая все это во внимание, *польский пролетариат, эксплуатируемый как класс, солидаризуется на*

почве борьбы с эксплуататорами со всеми эксплуатируемыми без различия национальности.

IV. Свои стремления и цели польский пролетариат формулирует следующим образом:

1. *В экономическом отношении, согласно с принципами социализма, принятыми пролетариатом всех стран на всех международных конгрессах, мы требуем: 1) чтобы земля и орудия производства перешли из частных рук в общую собственность трудящихся, в собственность социалистического государства; 2) чтобы наемный труд был заменен коллективным трудом, организованным в фабричных, ремесленных и земледельческих обществах; 3) чтобы каждый человек имел право пользоваться плодами общественного труда, в зависимости от вложенного им труда и общих ресурсов государства.*

2. В области политической мы будем добиваться максимальных политических свобод и будем бороться со всяким правительством, независимо от его национальности, до тех пор, пока эти свободы не будут завоеваны. Мы решительно осуждаем отсутствие свободы совести, языка, собраний, обществ, слова и печати, так как все это ставит крупные преграды развитию сознательности рабочего, то возбуждая религиозно-национальную ненависть и фанатизм, то парализуя пропаганду и организацию масс, единственно способную воздвигнуть фундамент будущей организации социалистического строя.

Наши политические требования следующие:

1. *Полное самоуправление политических групп.*
2. *Участие всех в законодательстве.*
3. *Избираемость всех чиновников.*
4. *Полная свобода слова, печати, собраний, сообществ и т. д. и т. п.*
5. *Полное равноправие женщин.*
6. *Полное равноправие вероисповеданий и национальностей.*
7. *Международная солидарность как гарантия всеобщего мира.*

8. В области *нравственной жизни* польский пролетариат должен устранить предрассудки, темноту и все, что способствует моральному гнету, и на этой почве он будет бороться со всеми, кто для сохранения за собою перевеса над народом держит его в состоянии умственного детства.

Нравственные отношения должны базироваться на свободе совести, чувств, мысли и знания.

V. Освобождение рабочего класса из экономического, политико-социального и нравственного гнета должно быть делом самих рабочих. Эту великую задачу социального переворота сможет провести польский пролетариат, только подготовившись соответственно к этой роли, какую ему назначила история. Поэтому подготовительный труд, имеющий целью объединение всех рабочих сил нашей страны в одно органическое целое, сознающее свои интересы и стремящееся осуществить вышенамеченную программу, является одной из первых задач нашего рабочего движения. Эту задачу выполнит *социально-революционная организация „Пролетариат“*, руководство которой в экономической борьбе и над организацией принял на себя „Рабочий комитет“. В виду существующих условий при царизме, нашей тактикой должна быть исключительно *систематическая борьба* во всех областях общественной жизни (экономической, политической и моральной) *со всем тем, что задерживает рабочий переворот*. Тем не менее, признавая, что основой общественных отношений являются экономические условия и, следовательно, что все другие проявления общественной жизни подчинены этим условиям, признавая далее, что в экономической области ярче всего проявляется обособленность интересов пролетариата как эксплуатируемого класса, *мы в нашей борьбе более всего будем иметь в виду именно экономические отношения*.

Что же касается гнета, то мы будем бороться против него, то отражая, то наступая, прежде всего не допуская изменений к худшему, а затем уже добиваясь улучшения нынешних условий быта пролетариата в русском государстве.

Применяясь к существующим у нас политическим условиям, мы вынуждены вести свою работу тайно, выступая явно лишь в соответственные моменты, организуя массовые выступления, программа которых будет строго приурочена к потребностям места и времени.

VI. (Не была опубликована).

VII. С лежащей на нем огромной задачей „Рабочий комитет“ сможет справиться лишь в том случае, если он объединит в одну сильную организацию все силы, какими располагает дело освобождения пролетариата в нашей стране. Выну-

жденный политическими условиями к подпольной деятельности, он явно выступит как представитель и защитник пролетариата в момент движения.

Мы призываем всех рабочих города и деревни к участию в нашей работе“.

§ VI, повторяю, поскольку мне память не изменяет, касался щекотливого вопроса о границах будущей Польской республики и вообще государств; этот пункт отвергал „исторические права“ и все политические вопросы ставил в зависимость исключительно от той выгоды или пользы, какие то или другое решение может предоставить рабочему классу в его борьбе за освобождение. Вопрос о границах в виду этого оставался открытым не только в момент возникновения „Пролетариата“, но и впоследствии, когда был заключен договор между „Пролетариатом“ и „Народной волей“; обе договаривающиеся стороны решил его оставить нерешенным.

Этот же пункт касался и тактики и, в частности, вопроса о терроре.

Прежде чем перейти к характеристике деятельности „Пролетариата“, отметим основные черты программы этой партии, так как состоявшееся соглашение с „Народной волей“ и признание террора обеими партиями способствовало установлению мнения, будто программа „Пролетариата“ являлась лишь польским изданием программы „Народной воли“.

Это совершенно не отвечает действительности.

1. „Пролетариат“ прежде всего был классовой партией пролетариата и резко подчеркивал свой классовый характер. Официальный орган „Пролетариата“ за границей носил название „Walka klas“ („Борьба классов“).

2. Как классовая пролетарская партия, „Пролетариат“ решительно выдвигал знамя международной солидарности рабочих, отгораживаясь от всяких национальных течений.

3. „Пролетариат“ в принципе отвергал теорию инициативного меньшинства“, резко подчеркивая, что освобождение рабочего класса может быть делом только рабочего класса.

4. „Пролетариат“, хотя и с определенными уклонами, но стоял на почве революционного марксизма.

5. Уклон в сторону „бланкизма“ был вызван, с одной стороны, тем полицейским режимом, какой царил в то время в Польше, с другой — обаянием „Народной воли“, деятельность

которой, увенчанная актом 1 марта 1881 года, вызывала и в рабочих массах Польши неописуемый энтузиазм.

б. „Пролетариат“ не игнорировал крестьянства и подчеркивал общность интересов пролетариата и крестьянства.

Таковы основные черты программы.

Одним из первых проявлений деятельности „Пролетариата“ было воззвание к крестьянам, основным моментом которого был лозунг: „Земля должна принадлежать тем, кто ее вспахивает, фабрики тем, кто в них работает“.

Крестьянство в целом не откликнулось на призыв партии, и к ней примкнули лишь более выдающиеся одиночки.

Иначе обстояло дело с рабочими. Во всех промышленных центрах — в Варшаве, Лодзи, Эгерске, Пабианицах, Тимашове, Жирардове, Белостоке и т. п. — были кружки, были местные комитеты. Не было лишь связи с массой, и все усилия партии были направлены на установление этой связи. Энергичную поддержку в этом отношении, по обыкновению, оказали партии правительство и буржуазия.

В феврале 1883 г. варшавской полицией было отдано распоряжение о санитарном периодическом освидетельствовании всех женщин, работающих на фабриках и заводах. Трудящиеся женщины приравнивались к публичным женщинам.

Партия решила действовать. Было издано пламенное воззвание, в котором подчеркивалось: „Ваших жен, дочерей и сестер, чья судьба обрекла на труд, закон причисляет к торгующим своим телом публичным женщинам. Неужели вы разрешите подлым агентам издеваться над более слабой половиной вашего рабочего класса? Отрадите нападение, хотя бы пришлось поплатиться за это кровью“.

И рабочая масса так откликнулась на этот призыв, что правительство струсило и отменило распоряжение. Эту первую победу решено было использовать. Было издано воззвание к работницам, указывавшее на то, что, благодаря солидарному отклику рабочих на призыв партии, они избежали позорного освидетельствования, после чего следовал призыв вступать в ряды партии.

С этого момента „Пролетариат“ обрел почву в массах. Органически еще не связанная с ними партия уже пользовалась их сочувствием и симпатией.

Это способствовало необыкновенно быстрому росту партии, возрастала связь с фабриками, партия становилась в курсе всей жизни рабочих и по мере сил реагировала на каждое событие, посылая предостережения и угрозы фабрикантам, особенно плохо относившимся к рабочим. Мощь партии еще более укрепилась, когда начал выходить орган партии под названием „Пролетариат“ (всего вышло пять номеров).

Все более и более развивавшаяся деятельность партии поставила на ноги полицию. На фабрики были посланы шпионы и провокаторы. Несколько человек из них было убито. Но все же многие рабочие были арестованы. При допросе их запугивали и заставляли расписываться под составленными на основании агентурных сведений протоколами. В связи с этим партия готовилась ко взрыву камеры прокурора, чтобы уничтожить подделанные протоколы.

Эти акты самообороны были лишь приводящим моментом в деятельности „Пролетариата“. Главной же задачей партии была социалистическая пропаганда и организация масс. В Варшаве была устроена подпольная типография, в которой было напечатано пять номеров „Пролетариата“, несколько десятков воззваний и несколько брошюр. Независимо от этого, из-за границы привозились брошюры и книги агитационного и пропагандистского содержания. Учитывая то, что в „Пролетариате“ могли затрагиваться, главным образом, лишь текущие вопросы, партией издавались за границей два органа: „Przedświt“ („Заря“) и „Walka klas“ („Борьба классов“), в которых разрабатывались принципиальные и тактические вопросы.

Для характеристики основного органа „Борьба классов“ мы приводим в переводе отрывки из первого выпуска этого органа за 1888 г. об отношении к войне, до сих пор в России не печатавшиеся:

„По отношению к войне социалистические партии отделяются „констатированием факта, материалистическим объяснением его и заявлением, что социализм — против войны. А затем приводится целый ряд „принимая во внимание“, на основании которых война осуждается. Но дело ведь не в этом. Есть только две возможности: или мы в состоянии воспрепятствовать войне, или только предвидеть ее неизбежность. В первом случае необходимо немедленно приступить к делу, во втором — определить свое отношение к войне, — отноше-

ние не социологическое, а политическое, отношение партии, которая может, желает и умеет действовать“.

После этого „Борьба классов“ останавливается на целом ряде уверток, к которым оппортунисты прибегают для того, чтобы оправдать свое содействие войне или, в лучшем случае, бездействие, и приходит к выводу, что „социалистические организации должны подготовиться к немедленному выступлению с тем, чтобы использовать международную войну и продолжать ее как гражданскую“.

К такому выводу партия „Пролетариат“ пришла за 20 лет до того, как Штутгартским конгрессом II Интернационала была принята в таком же духе резолюция, впоследствии не применявшаяся на деле.

По мере того, как развивалась деятельность „Пролетариата“, необходимость совместной борьбы с русскими революционерами, направленной против самодержавия, становилась все более и более очевидной, и в 1884 г. был заключен союз с „Народной волей“, о котором мы говорили выше.

В первое время жандармам, несмотря на все их усилия, удавалось выхватить из рядов революционеров лишь отдельные личности. Но по мере развития деятельности в партию проникали слабые, невыдержанные люди и провокаторы, и в половине 1884 г. весь актив партии оказался в руках жандармов.

Следствие продолжалось полтора года. В результате из тысячи слишком арестованных—160 человек было подвергнуто административному наказанию, а 29 предано военному суду, из них 4 казнено: Куницкий, Бордовский, Петрусинский и Осовский, двое—Янович и Варынский—заключены в Шлиссельбург, 3 сосланы на поселение, остальные—на каторгу на Кару и Сахалин.

В сентябре 1885 года последовали новые аресты, опять-таки вызванные провокацией; эта провокация, в свою очередь, вызвала покушение революционеров на провокатора. Опять арест, опять суд и опять виселица и каторга... и фактически „Пролетариат“ перестал существовать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

После разгрома „Народной воли“ перед революционным миром России встал мучительный вопрос: почему так плохо

всходят семена социализма на русской почве, которая,—как, по крайней мере, казалось в начале первым пионерам социалистического движения,—должна бы быть самой подходящей? Именно в России существовали, по их мнению, зародыши коммунизма в виде рабочих артелей и общинного владения землей. Ответ, что самодержавие тормозит и душит рост социализма в стране, не решал вопроса; отсюда можно было сделать лишь один вывод—что режим самодержавия должен быть низвергнут. В этом ответе не было указания на силу, которая в состоянии свергнуть царизм, после того, как героические усилия „Народной воли“ не в состоянии были с ним справиться.

На вопрос о силе, которая может сыграть решающую роль в борьбе с самодержавием, давала ответ Западная Европа, где, несмотря на жестокие репрессии и преследования, несмотря на издаваемые в некоторых странах исключительные законы против социалистов, рабочие организации выросли, окрепли и стали силой, с которой капиталистам приходилось серьезно считаться.

И как-раз в том же 1889 г., когда последние могикане народовольчества гибли, усилившим свою мощь западно-европейским пролетариатом был созван в Париже международный конгресс воскресшего вновь Интернационала—знаменитый конгресс для подведения итогов достигнутого и намечения пути дальнейшей борьбы,—конгресс, установивший праздник 1 мая.

Итог, который пришлось подвести на этом конгрессе представителю народовольцев, П. Л. Лаврову, был трагичен:

„Революционной социалистической партии,—сообщал он конгрессу,—борющейся и продолжающей (?) бороться за изменение существующих в России политических условий, нанесены тяжелые удары, путь ее борьбы усеян муками и страданиями, в ее рядах оказались отщепенцы, ее организация расшатана и переживает жестокий кризис“.

На этом же конгрессе Плеханов, уже как представитель социал-демократов, указал на пролетариат как на ту силу которая совершит то, чего не удалось совершить народовольцам, указал и на причины, почему усилия народовольцев должны были оказаться безрезультатными.

„Старые хозяйственные основы России,—сказал он в своей речи,—находятся в процессе полного разложения. Наша сель-

ская община, столь любезная некогда даже некоторым социалистам, а на деле составлявшая главную опору нашего абсолютизма, все более и более делается в руках сельской буржуазии орудием для эксплуатации большинства земледельческого населения. Беднейшая часть крестьянства вынуждена переселиться в города и в промышленные центры; а одновременно с этим крупная фабричная промышленность растет, поглощая процветающую некогда кустарную промышленность в деревнях. Побуждаемые нуждой в деньгах, наше самодержавное правительство всеми силами содействует этому процессу развития капитализма в России. Нам, социалистам, эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие, потому что этим путем оно само копает себе яму. *Пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию.* Если оно, несмотря на героические усилия революционеров, до сих пор не побеждено в России, то это объясняется изолированностью революционеров от народной массы. *Силы и самоотвержение наших революционных идеологов могут быть достаточны для борьбы против царей, но их слишком мало для победы над царизмом как политической системой.* Задача нашей революционной интеллигенции сводится поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: *она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих.* Другого выхода у нас нет и быть не может“.

Отметим мимоходом, что когда был казнен Александр Ильич Ульянов, в то время семнадцатилетний Ленин, как сообщила М. И. Ульянова, заявил, что он пойдет по другому пути, чем шел его старший брат; Ленин уже тогда рассматривал пролетариат как движущую силу революции. Само собой разумеется, что и Плеханов и Ленин были лишь выразителями уже сложившихся тогда классовых отношений. Форсирование правительством Александра III развития промышленности и торговли при активном участии иностранных капиталов; спекулянтская деятельность как государственного, так и дворянского и крестьянского банков; введение золотой валюты, раздутый го-

сударственный бюджет, огромные расходы на армию, флот и железные дороги,— все это окончательно толкнуло Россию на путь капитализма, создало и сосредоточило в крупных промышленных центрах сотни тысяч рабочих. Образовался и вырос рабочий класс.

Таким образом, само правительство с момента решительного вступления России на путь капитализма давало ответ революционерам на мучительный вопрос: „Что делать?“. Скопление большого количества рабочих в центрах показывало революционерам ту силу, которая должна стать могильщиком самодержавия.

Мы уже указывали на то, что сама жизнь толкала революционеров из лагеря как „Черного передела“ так и „Народной воли“ в сторону деятельности среди пролетариата, несмотря на то, что они попрежнему оставались „народниками“, т. е. усматривали не в пролетариате, а в крестьянстве основную движущую силу революции. Другими словами,— практика жизни находилась в противоречии с проповедуемыми идеями.

Из этого противоречия первыми попытались выйти пять эмигрантов: Плеханов, Дейч, Засулич, Аксельрод и Игнатъев. Ими в 1883 г. была основана группа „Освобождение труда“. Выработанная этой группой и опубликованная в 1885 году первая программа включает пункты, составляющие как бы мост, соединяющий эту группу с прошлым:

„Группа „Освобождение труда“ ни мало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России. Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитый слой этого населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большей надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что распределение сил наших социалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение, и что даже в настоящее время люди, находящиеся

в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа „Освобождение труда“ не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старание, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы“.

Как видим, прошлое продолжало тяготеть над переходящими в стан марксизма народниками.

Но в программе 1885 г. группы „Освобождение труда“, признающей „великие принципы бывшей „Международной ассоциации рабочих“ (I Интернационала), мы находим не только это отступление от основных понятий научного социализма, пропаганду которого группа „Освобождение труда“ признавало своей главной задачей.

„Одним из важнейших следствий,— читаем мы в этой программе,— отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя инициативу борьбы с абсолютизмом. Социалистической интеллигенции пришлось поэтому стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, причем социалисты со своей стороны должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России“.

Интеллигенция, как видим, фигурирует в этой программе как самостоятельная социальная сила, могущая что-то доставить пролетариату...

Мы не останавливаемся на целом ряде других погрешностей, но не можем не отметить еще одного в высшей степени характерного пункта:

„Группа „Освобождение труда“ задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению; этой цели она и посвящает все свои силы, призывая нашу революционную молодежь к помощи и содействию.

Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа „Освобождение труда“ в то же время признает необходимость террористической борьбы*) против абсолют-

*) Подчеркнуто нами.—Ф. К.

ного правительства и расходится с партией „Народной воли“ лишь (!) по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов среди рабочего класса*).

Несмотря на эти „уклоны“, возникновение группы „Освобождение труда“ имело огромное значение. Этой группой впервые выдвинут лозунг классовой борьбы. Признавая за классовой борьбой одновременно и политический характер, а отказ от активной борьбы с самодержавием—за фактическую поддержку этого самодержавия, группа „Освобождение труда“ подчеркивала, что успех всякой классовой борьбы, в особенности же классовой борьбы рабочих, требует единства рабочего класса и осознания им его собственных экономических интересов; что борьба классов является фактором, вызывающим изменения форм общества; что борьба классов не может не быть политической борьбой, что целью этой борьбы является и не может не являться, завоевание пролетариатом власти,—иначе говоря: „диктатура пролетариата“. Но в то время, как другие классы стремятся к власти для того, чтобы усилить свое могущество, пролетариат как класс борется за власть для того, что уничтожить всякое деление общества на классы, он стремится к замене капиталистического строя социалистическим.

Два года спустя группа „Освобождение труда“ в опубликованном „проекте программы русских социал-демократов“ уже отказывается от многих прежних уклонов в сторону народничества:

„Практические задачи, а следовательно и программа социал-демократов, естественно, должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться как переходных ступеней таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени крепост-

*) Подчеркнуто в подлиннике.

ного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются: община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплуатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда неустойчивость политических воззрений, а временами и уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем, как *идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие**, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общегития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он

*) Подчеркнуто нами.— Ф. К.

может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие. Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей“.

В этой программе затронут вопрос и о терроре, но, если в проекте программы 1885 г. говорилось о „необходимости террористической борьбы“, то в этом проекте уже нет речи о „необходимости“.

„Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей и революционных организаций.“

Тесно связанные между собой в одно целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему решительному на него нападению, причем не *остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы“*.

Необходимо остановиться еще на одном пункте первой программы. В ней указывалось на разногласие с „Народной волей“ по вопросу о захвате власти.

С того момента, как „Народная воля“ изверилась в том, что „на созданный земский собор явятся истинные представители народа, ею был выдвинут вопрос о захвате власти временным правительством“.

„Мы не принадлежим,— пишет Плеханов в статье под заглавием „Социализм и политическая борьба“, написанной в 1884 г.,— к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собой последний и притом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую на известной ступени общественного развития должен начать всякий класс, стремящийся к своему освобождению. Достиг-

ший политического господства, революционный класс только тогда и сохраняет за собой это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти.

Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является в настоящее время не только разрушение политического господства непродуцируемых классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно понимание этой задачи предполагает развитый рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. Решение же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но такой пролетариат и не позволит захватить власть даже самым искренним благожелателям, — не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельным деятелем на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного опекуна к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что такая опека была бы вредной, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен каково-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее „железный канцлер“ (Бисмарк) или революционная организация. Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки с тем, чтобы, покончивши со своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не анархии, конечно, которая принесла бы ему новые бед-

ствия, но панархии (господство всех), которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда сомнителен“.

То, что мы цитировали, писалось за 33 года до революции. Группа „Освобождение труда“ точно предсказала пути революции. Когда в 1917 г. вспыхнула революция в России, пролетариат „не позволил“ никому распоряжаться судьбами страны и, не позволив, установил свою диктатуру.

Необходимо остановиться еще на одном моменте, имеющем крупнейшее значение.

Народники и народолюбцы в первой стадии своего существования базировались на крестьянстве, считая его основным двигателем революции; группа „Освобождение труда“, как мы выше указывали, ударила в другую крайность; она даже неорганизованность и политическую инертность буржуазии ставила в вину крестьянству, своей отсталостью тормозившему ход развития, и этот взгляд унаследовали и блюдут до настоящего времени меньшевики; только ленинизм вывел синтез:

„Русский рабочий, — писал Ленин в 1894 г., — единственный естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России. Когда передовые представители пролетариата усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной политической революции“.

Когда грянул гром первой русской революции, когда пролетариат от слов перешел к делу, от критики как оружия к критике оружием, — Ленин напоминал:

„Низвержение царизма в России, героически начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара. И пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы и *всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплуатируемых, всего народа против общего врага*“.

А год спустя Ленин уж прямо указывал:

„Все наши помыслы, все усилия, всю нашу пропагандистскую, агитационную, организационную и непосредственно практическую работу мы должны направить на то, чтобы пролетариат и *крестьянство* оказались более подготовленными к новой борьбе“.

Мы остановились на этих моментах, имевших *впоследствии* огромное значение, но это все же не умаляет той роли, какую сыграла программа группы „Освобождение труда“.

Об этой программе Ленин писал в 1900 г. и указал на основные ее пункты, легшие впоследствии в основу программы партии.

„Несмотря на то, что она издана 15 лет тому назад, она в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории. В этом проекте точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм — рабочий класс, промышленный пролетариат, — указана та цель, которую должен себе ставить этот класс — „переход всех средств и предметов производства в общественную собственность“, „устранение товарного производства“ и „замена его новой системой общественного производства“ — „коммунистическая революция“; указано „неизбежное предварительное условие“ „переустройства общественных отношений“, „захват рабочим классом политической власти“; указана международная солидарность пролетариата и необходимость „элемента разнообразия в программах социал-демократов различных государств согласно общественным условиям каждого из них в отдельности“; указана особенность России.

„где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства“; указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) „нового класса промышленного пролетариата, более восприимчивого, подвижного и развитого“; указана необходимость образования „революционной рабочей партии“, и ее „первая революционная задача“ — „низвержение абсолютизма“; указаны средства политической борьбы и выставлены ее основные требования.

Все эти элементы программы, по нашему мнению, совершенно необходимы в программе социал-демократической рабочей партии, все они выставляют такие тезисы, которые с тех пор получили все новые и новые подтверждения как в развитии социалистической теории, так и в развитии рабочего движения всех стран, в частности, в развитии русской общественной мысли и русского рабочего движения. В виду этого русские соц.-демократы могут и должны, по нашему мнению, положить в основу программы русской социал-демократической рабочей партии именно проект группы „Освобождение труда“ — проект, нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях“.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Опыт жизни, как мы указывали уже выше, постепенно толкал революционеров в сторону деятельности среди пролетариата; когда же основатели группы „Освобождение труда“ познакомились с марксизмом и с опытом социалистических партий Запада, путь был найден. В высшей степени характерно, что возникновение группы „Освобождение труда“ по времени совпало и с расцветом деятельности среди рабочего класса польской партии „Пролетариат“, и с поворотом „Народной воли“ в сторону работы среди пролетариата, и с бунтом „Молодой народной воли“, настаивавшей на более интенсивной работе в рабочей среде. Это не случайность. Почва в России уже созрела... Рабочие массы уже давали знать о себе на каждом шагу. „В восьмидесятые годы, — пишет В. Невский, собравший весьма много данных по этому вопросу, — стачечное движение принимает постоянный характер, — это

не случайное явление, а неизбежный спутник капиталистического уклада России. В течение 1884 г. движение охватывает все больший и больший круг рабочих". Напомним, что в январе 1885 г. происходила знаменитая „Морозовская стачка“ на Никольской мануфактуре Морозова; одним из главных руководителей этой стачки был Петр Моисеенко, уже до этого побывавший в ссылке. В высшей степени характерно, что даже самые крайние реакционеры почуяли уже в это время приближение пролетарской грозы. Дело обвиняемых в этой стачке было искусственно разделено на две части. По одному привлекалось 19 рабочих, и это дело слушалось не судом присяжных, а коронным судом, и 17 человек было приговорено к аресту от 10 дней до 3 месяцев. Второе дело с участием присяжных заседателей кончилось оправданием всех подсудимых. По поводу этого оправдательного приговора реакционные „Московские Ведомости“ взвыли: „Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса“.

Почва, как видим, была подготовлена. Остановка была за пахарями. Группа „Освобождение труда“ лишь впоследствии могла стать таким пахарем. В первое время она состояла исключительно из эмигрантов, которые могли лишь формулировать программу, издавать брошюры. Эти брошюры еще нужно было контрабандным путем отправить в Россию. Это было поручено Дейчу, но он в Германии был арестован и выдан России, и благодаря этому транспорт этих брошюр не дошел по назначению.

Но эти пахари явились и в России. Зимой 1883/84 г. образовался так называемый „Благоевский кружок“, основанный недавно умершим в Болгарии членом болгарской коммунистической партии, а тогда студентом петербургского университета Дмитрием Николаевичем Благоевым.

Мировоззрение Благоева в высшей степени показательно для характеристики мировоззрения революционеров того времени. Тов. Ольминский, принадлежавший в то время к группе народовольцев, вспоминает: „Насколько помню, в этой пропаганде Благоева и его кружка мы не видели особого принципиального греха; поэтому все время шел разговор о слиянии благоевского и народовольческого кружков; ведущих занятия с рабочими, так как в этой „специальной“ области между

нами, дескать, нет разногласий. Благоевцы от переговоров не отказывались, но от слияния уклонялись. В работе обособление не было строго проведено“.

Это сближение объясняется тем, что „Народная воля“ уже не была тем, чем была раньше, а благоевцы, как мы это увидим из приводимых нами ниже следующих отрывков их программы, еще окончательно не стали на путь научного социализма и во многом еще не отрешились от народнической идеологии:

„В настоящее время среди русского народа революционные элементы уже существуют и растут; это безземельный пролетариат. Благодаря прогрессивному развитию кулачества и капитализма, пролетариат будет необходимо расти и умножаться; с другой стороны, затруднения для развития русской промышленности, закрывая ему поле труда, будут вызывать в его среде постоянное брожение. Нельзя еще предсказать, в какие формы выльется это народное движение, но наше дело — урегулировать, по мере возможности, ход революции, направить ее материальную силу путем наиболее продуктивным, путем сочетания крестьянской революции с политическим движением рабочих и интеллигенции в центрах*).

Главную массу населения составляет у нас крестьянство. В его среде существует взгляд на землю как на достояние государства (земля божья да царская), и идет аграрное движение в смысле борьбы с частным землевладением. Общая цель нашей работы в данной среде должна заключаться в том, чтобы внести свет и понимание в социальное движение народа, указать ему наиболее разумные и практические формы требований, которые он должен предъявить государству, и те пути, которыми должна идти борьба.

Отрицая возможность широкой боевой организации в крестьянской среде, мы видим свою ближайшую задачу в том, чтобы упрочить *связь интеллигенции социализма с народом*. Это возможно лишь путем организации *местных групп из интеллигенции и подготовленных к этому в городах рабочих* с целью привлечения к себе наиболее подходящих элементов из крестьян и *постановки на ноги самостоятельной народной пропаганды*“.

„В армии пропаганда среди солдат возможна лишь в ограниченных размерах путем проникновения в их среду подго-

*) Подчеркнуто нами. — Ф. К.

товленных рабочих и путем воздействия офицеров на отдельные приближенные личности из солдат. Но большое внимание должно быть обращено на самих офицеров в том расчете, что они своим нравственным влиянием и властью даже без предварительной пропаганды в момент действия окажут давление в желательную сторону“.

Из этой программы, озаглавленной „Программа партии русских социал-демократов“, можно было бы привести еще целый ряд отрывков, свидетельствующих о том, как прошлое тяготело над настоящим; но эта дань прошлому отнюдь не может затушевать того гигантского шага вперед, какой был сделан благоевцами в сторону марксизма. Хотя и здесь замечаются серьезные уклоны, но в общем обоснование программы Благоева—марксистское.

Благоевская группа развила большую работу, организовала несколько кружков, поставила типографию, пользовалась для распространения литературы гектографом, установила связь с эмигрантами и начала издавать журнал „Рабочий“. Статьи этого журнала грешат тем же, что и программы благоевской группы. Многие статьи проникнуты народнической идеологией, но все же наряду с ними в этом журнале появилась статья Плеханова, которому была послана программа группы—о „современных задачах русских рабочих“—совершенно другого характера.

Указав на то, что „в России, как везде и всюду, социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей“, что „наша революционная интеллигенция должна идти с рабочими, а наше крестьянство должно идти за ними“*), Плеханов доказывает, что „задачи русской социал-демократии“ должны быть построены „на твердом фундаменте действительности“. Действительное же положение рабочих обусловлено тем, что они, во-первых, рабочие и, во-вторых, обыватели русского государства. Как рабочие, они эксплуатируются, всякое же сопротивление самой бесшабашной эксплуатации рассматривается как „бунт“, и они, как „бунтующие“ русские обыватели, подвергаются со стороны самодержавия всевозможным репрессиям. Из этого следует, что эти „задачи также должны иметь две стороны“: Рабочие „должны бороться: 1) ради своего освобождения от

*) Подчеркнуто в подлиннике.—Ф. К.

экономической эксплуатации, 2) „ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из бесправных обывателей свободных граждан свободной страны“. „Без экономической независимости вы (рабочие) никогда не будете в состоянии воспользоваться во всей полноте вашими политическими правами; без политических прав вы никогда не добьетесь экономической независимости“. „Только разрешивши обе задачи, он (рабочий класс) достигнет своего социального (общественного) освобождения, т. е. создаст новый общественный строй, удовлетворяющий все его потребности и не противоречащий никаким его интересам“.

Эти задачи „могут быть разрешены только силой“. „Сила рабочего класса зависит от трех условий: 1) от его сознательности, 2) от его сплоченности и 3) от его тактики“.

Недостаточную сознательность рабочей массы необходимо устранить пропагандой социализма: эту пропаганду нужно вести путем распространения социалистических книг, брошюр и воззваний, для чего следует организовать как можно больше социалистических кружков.

„Когда столичные организации войдут в постоянные сношения с кружками в провинциях, когда будут многочисленны эти провинциальные кружки, тогда вы станете такой прочной революционной силой, какой у нас еще никогда не бывало, тогда у нас будет много частных успехов и недалеко будет общий успех—первая в высшей степени важная победа над нашими врагами“. Сила обуславливается умением пользоваться успехом. Упомянув о том, что успех в организации рабочих кружков даст возможность вести пропаганду и агитацию, Плеханов указывает, что в настоящее время могут существовать лишь тайные кружки, что тормозит эту пропаганду и агитацию и навлекает на кружки и их участников репрессии. Шире и глубже можно было бы развить деятельность, если бы эти кружки были легальными. „Представьте себе,—говорит дальше Плеханов,—кроме того, что у вас есть не только эти „отрицательные“ права, что вас не только не преследуют за вашу пропаганду и агитацию, но что вы имеете также положительное право участвовать через ваших представителей в законодательстве, что вы свободно выбираете этих представителей, обсуждаете действия правительства и т. д.

Из союза тайных рабочих кружков вы превратились бы тоже в открытую рабочую социал-демократическую партию". „Для достижения этой цели необходимо воспользоваться силами своей тайной организации. Как? Реакционная политика самодержавия вредит интересам дела высших классов, и „они хотят ограничить царскую власть". Это случится. „Абсолютная монархия уступит место монархии ограниченной". „Этот раздор в лагере наших врагов, эта необходимость ограничения царской власти и облегчит вам завоевание политических прав и политической свободы. Придет время, когда сами высшие классы будут просить вашей помощи в борьбе с царем, но вы должны начать эту борьбу на свой собственный страх и для достижения своих собственных целей. В политике нет благодарности. Если вы не будете думать сами о себе, то другие будут думать о вас лишь до тех пор, пока им нужно будет пользоваться вашей силой, но как только дело дойдет до выгод, принесенных борьбой, то высшие классы будут помнить только о себе да разве еще о том, чтобы держать вас в узде и в повиновении. Но если вы будете сильны и сплочены, вы тогда для всех вас, т.-е. для всех крестьян и рабочих, завоюете политические права и политическую свободу. Опираясь на завоеванные вами права, вы сумеете также хоть немного улучшить свое материальное положение", добившись от законодательного собрания целого ряда экономических реформ. Серьезных реформ от собрания, в котором большинство будет состоять из представителей высших классов, добиться нельзя будет, но упорство этих классов в вопросе об удовлетворении требований рабочих возбудит неудовольствие масс, отчего увеличатся ряды революционеров, а затем „послужит новым, самым убедительным доводом в пользу того, что полное освобождение трудящегося класса возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит всю государственную власть в свои руки и провозгласит республику социальную и демократическую".

Мы остановились подробнее на этой статье, так как ею группа „Освобождение труда" в лице Плеханова уже воздействовала непосредственно на рабочих, тогда как другие издания группы „Освобождение труда" в то время такого непосредственного влияния не имели. Результаты сказались очень быстро. В том же номере „Рабочего", где была поме-

щена эта статья, было напечатано заявление редакции, в котором сообщалось о „пересмотре" и об „изменении" в частностях опубликованной раньше программы. Марксизм, как видим, все шире и глубже пробивал себе дорогу в рабочие массы.

Само собою разумеется, что „благоевцев" при существовании полицейского режима не могла не постигнуть та же участь, что все революционные организации того времени. Кружки были разгромлены, но идеи, постепенно проникающие в рабочую среду, убить нельзя.

Вскоре образовалась новая группа, известная под именем „брусневской", названной так по имени ее основателя и руководителя М. И. Бруснева; к этой группе принадлежал Л. Б. Красин, бывший в то время студентом технологического института. Эта группа в своей программе в одном из пунктов ее формулировала свои взгляды следующим образом:

„Признавая рабочий пролетариат как экономическую категорию верховным носителем идей социализма, мы приложим все старания к возможно более широкой постановке пропаганды и агитации среди фабрично-заводских рабочих с целью непосредственного создания элементов будущей рабочей партии".

Но эта постановка вопроса не предоохранила брусневскую группу от уклонов в сторону прежнего народолюбия. „Рабочий пролетариат,—гласит § 11 программы,—идя рука об руку с демократической интеллигенцией, может и должен в ближайшем будущем бороться за свое освобождение путем политического террора", причем, как видно из § 12, этот политический террор признается „главным орудием борьбы с самодержавием".

И опять-таки, несмотря на такие уклоны, несмотря на то, что указания Плеханова, сформулированные им во втором номере броевского „Рабочего", не были учтены,—несмотря на все это, брусневская группа, как будто унаследовавшая народолюбческую активность, сыграла огромную роль уже одним тем, что будила в самих рабочих мысль о задачах рабочего класса, о борьбе, какую ему приходилось вести. „Рабочая стихия,—метко отмечает т. Невский,—выправляла путаную линию руководителей, а контакт с рабочими заставлял их глубже вникать в жизнь рабочего класса, осознавать их

нужды и, если не возглавлять, то, по крайней мере, идти в ногу с рабочим классом в его повседневной борьбе. И „брусневцы“ принимают активное участие в двух забастовках в Петербурге: у Торнтонна и в порту, выпускают воззвания по поводу этих забастовок, организуют сборы в пользу стачечников, хотя и не умеют распределить между ними собранные деньги, выпускают даже *рукописную газету*“.

К этому времени относится и принявшее широкую огласку публичное выступление рабочих, напоминающее несколько „Казанскую демонстрацию“, о которой мы говорили в начале книги. Как тогда, так и теперь сами рабочие настаивали на демонстрации, в то время, как часть руководителей-интеллигентов была против нее, часть же лишь подчинилась требованию рабочих. Демонстрация, или, вернее, две демонстрации, были связаны с болезнью и смертью публициста Шелгунова, клеймившего буржуазию в лице „восьмидесятников“, замкнувшуюся, в противоположность шестидесятникам, в скорлупу только своих интересов. Наряду с этим Шелгунов один из немногих затрагивал в своих знаменитых „Очерках русской мысли“, печатавшихся в журнале „Русская Мысль“, редактированном Гольцевым, рабочий вопрос.

Для характеристики уровня развития петербургских рабочих того времени важно, что верхушка этих рабочих следила за ними, училась на них. И когда Шелгунов заболел, ему был поднесен рабочими адрес, когда же он умер, рабочие демонстративно явились на его похороны и возложили на гроб венок с надписью: „Указателю пути к свободе и братству“.

Ко времени деятельности брусневской группы относится и празднование в первый раз в России дня 1 мая.

Когда на первом конгрессе II Интернационала в 1889 г. было принято решение о первомайском празднике, оба представителя России—Г. В. Плеханов и П. А. Лавров—вынуждены были заявить, что они не смогут поставить на карту судьбу организации ради празднования 1 мая и поэтому просят учесть существующие в их стране политические условия и не ставить им в вину, если они не организуют первомайской манифестации. В 1890 г. в первый первомайский праздник—за исключением Варшавы—пролетариат России ничем не выразил своей солидарности с рабочим классом всего мира. На следующий год, по мнению тогдашних вождей, должна была по-

вториться такая же мертвечина. Г. В. Плеханов в изданной им тогда брошюре: „Ежегодный всемирный праздник рабочих“ выражал скромное пожелание:

„Очень полезно было бы русским рабочим принимать участие во всемирном рабочем празднике... Выходить на улицу, делать демонстрацию пока не стоит: слишком много потеряли бы мы людей; но не ходить на работу в день 19 апреля (по старому стилю) вполне возможно. Наконец, все понимающие дело рабочие должны хоть на тайных собраниях праздновать великий день“.

Но и это скромное пожелание не сбылось. Рабочие в этот день пошли на работу. Но зато в другом отношении рабочие превзошли все ожидания тогдашних руководителей. В первое воскресенье после 1 мая в Ленинграде состоялось тайное собрание, на котором собрались представители рабочих кружков со всех концов города, по одним сообщениям около 100, по другим—около 200 человек. На этом собрании самими рабочими были произнесены речи, свидетельствовавшие о том, что уже не за горами то время, когда озаренный классовым сознанием пролетариат России выступит на арену политической деятельности:

„Стоит нам только вооружить себя сильным оружием,— читаем мы в речи рабочего Н. Д. Богданова,—а это оружие есть знание исторических законов развития человечества,— нам стоит только этим вооружить себя, тогда мы всюду победим врага. Никакие его притеснения и высылки на родину, заточения нас в тюрьмы и даже высылки в Сибирь не отнимут от нас этого оружия. Мы всюду найдем поле победы, всюду будем передавать свое знание: на родине своим крестьянам, а в тюрьмах будем объяснять арестантам, что они тоже люди и имеют человеческие права, чтобы они, сознавши эти права, передавали свое знание другим и организовали их в группы“.

Другой рабочий—Владимир Прошин—в речи указал на то, что „русские рабочие так же, как и иностранные, страдают от произвольной кулаческой эксплуатации, почти ничем не сдерживаемой, потому что наши рабочие, по старанию правительства и фабрикантов находясь в забитом состоянии и полном невежестве, не могут дать отпора произвольному грабежу, чем и дают повод к большей наглости безжалостным хищникам“. Но рабочие „молчат и терпят, потому что не

знают выхода из этого положения, и потому на нас, как на более развитых рабочих, лежит обязанность выяснить рабочим причины, по которым они находятся в таком скверном положении и указать выход из него.

К чести нашей, я могу сказать, что мы действительно сознали свои обязанности и, несмотря на все препятствия и угрозы нашего подлого правительства, мы стараемся по мере своих сил и способностей развивать окружающих нас рабочих“.

Третий оратор — не то Диннер, не то Федор Афанасьев — подошел ближе к делу и заявил, что рабочим „необходимо прежде всего составить такую *организационную силу из рабочих*, сознательно стремящихся к улучшению своего положения, которая могла бы принудить правительство уступить ей *политические права*, лишь только при получении которых мы будем иметь возможность заняться переделкой существующего экономического строя“.

Четвертый, говоривший на этом собрании рабочий — Егор Афанасьев, — своим энтузиазмом придал определенную окраску всему этому собранию:

„Товарищи! Вы сами видите, что у нас во всех концах России царят страшные экономические нужды как у промышленных, так и у земледельческих рабочих. Только и слышен один стон вопиющий.

„Этот стон у нас песней зовется, — говорит Некрасов“. И впрямь: везде недостаток, голод, произвол станových, нищета, болезни, преждевременные смерти наших жен, детей наших. Как пьявки, сосут они нашу кровь, делают они из нас каких-то людей другого рода — бледных, зеленых, хилых, а все это для чего? Для того, чтобы кучке фабрикантов, помещиков, чиновников да царю было возможно жить в роскоши, пьянстве и разврате. И вот во имя этих скотских похотей они весь народ, сто миллионов, сковали в позорные холопские, рабские цепи, в которых нам нет возможности подняться, пикнуть и вздохнуть.

...Всю жизнь они тиранились над нами, не дают они нам возможности взглянуть пошире на несправедливую общественную жизнь нашу; только и потчуют нас которую уже сотню лет терпением да надеждой на царствие божие, чтобы было возможно спокойно жить им и пить нашу кровь. Нет, в эти сказки плохо верится. Сознание говорит, что мы тоже люди.

пока мы все еще бесправные рабы русского царя с пят-

ном возложенного на нас позора. Так будем же добиваться себе прав, которыми мы должны пользоваться во имя своего человеческого достоинства, чтобы было возможно жить, как людям, думать, говорить, собираться, обсуждать свои общественные дела без всяких для нас препятствий со стороны шпионов и подлой полиции“.

Это собрание является как бы поворотным пунктом в жизни пролетариата России. Оно свидетельствует о том, что из самой гущи русской пролетарской массы начали подниматься осененные лучами классового сознания рабочие. Они становились во главе этой массы и делали все, чтобы повести ее за собою на борьбу.

В настоящее время очень трудно оценить значение этого явления. Ранее, в 70-х и 80-х годах, интеллигенция отрывалась, по выражению Некрасова, „от ликующих, праздно болтающих“ и шла „в стан погибающих“, в 90-х годах этот „стан погибающих“ сам выделил из своей среды вождей и борцов.

„Речи, произнесенные на этом собрании рабочими ораторами, — говорит Плеханов, — составят эпоху в истории русского революционного движения“. И это предсказание оправдалось. Прав был покойный Георгий Валентинович, когда писал:

„В наиболее развитых кружках русских рабочих сознание задач рабочего класса теперь уже приняло настолько определенные формы, что нашему брату, революционеру-интеллигенту, остается лишь принять их к сведению и руководству, навсегда прекратив свои многолетние искания самой лучшей из всех возможных программ“.

Нельзя не упомянуть, что к этому времени „наш брат революционер-интеллигент“ уже в разных пунктах России вел среди рабочих пропаганду марксизма: в Одессе ее вел Рязанов при содействии Стеклова, в Харькове — Перазич, в Казани один из самых выдающихся рабочих-революционеров — Федосеев... В Самаре и Казани уже принимался за работу и Владимир Ильич Ленин.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

„Девяностые годы, — пишет М. Балабанов, — отмечены настоящей промышленной революцией в России, и с этого времени наша страна вступает в новый период своего существо-

вания, вместе с чем совершенно новые формы и размах принимает революционное движение.

Предшествующий период произвел глубокие изменения в социально-экономическом строе России. Время первоначального капиталистического накопления с его жестокой эксплуатацией труда привело к увеличению обрабатываемого в промышленности и торговле капитала, который, естественно, искал все нового приложения с целью извлечения всей большей прибыли. Наши „чумазные фабриканты“ начали сознавать себя экономической силой, которая требует большего простора для своего развития и может стать прочно на ноги, перейдя к более совершенным промышленным формам. В то же время процесс экономического развития в его ранней стадии, поскольку он захватывал сельское хозяйство, приводил, с одной стороны, к разорению „дворянских гнезд“, с другой — к хищническим формам капиталистически земледельческого хозяйства. Когда-то обширные дворянские поместья закладывались и распродавались, переходя частью в руки крестьян, частью к купеческому капиталу. Крупное сельское хозяйство только в виде исключения прогрессировало, переходило к более совершенным приемам обработки земли и эксплуатации земледельческих продуктов; в большинстве случаев оно одновременно покоилось на хищническом истощении почвы и столь же хищнической эксплуатации наемного крестьянского труда. Но наиболее сильно предшествующее капиталистическое развитие сказалось на крестьянском хозяйстве. Втянутое в капиталистические отношения крестьянство не только расслаивалось на „крепких“ хозяев и бедноту, но в подавляющей массе своей разорялось, нищало. Малоземельные, непосильные подати, необходимость сбывать хлеб кулакам и скупщикам, техническая примитивность земледельческого хозяйства, невозможность, по недостатку скота, даже унаваживать землю и т. п., все это подрывало силы крестьянского хозяйства, увеличивало число не только безземельных и безлошадных, но и малопосевных хозяйств, не только пролетаризировало крестьянство, но и разрушало земледельческое хозяйство. В итоге, к началу 90-х годов народное хозяйство в России оказалось на переломе. В промышленности рост капитализма происходил еще на хищнической основе, не переходя в высшие формы господства крупного и технически совершенного производства,

в сельском хозяйстве разрушительные силы преобладали над созидательными. Оставаясь, главным образом, земледельческой страной, Россия в сельском хозяйстве теряла опору для дальнейшего роста производительных сил“.

Постигший Россию в то время голод еще более усилил этот процесс, и такой тонкий наблюдатель, как Энгельс, уже в 1892 году отметил: „Я решительно не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались чем-нибудь от того, что мы видим или видали в Англии, Германии, Америке“.

К чести тогдашних русских марксистов, необходимо отметить, что и ими было своевременно замечено это усиление темпа развития капитализма в России и было учтено, что, — как пишет один из первых пионеров революционного марксизма в России, Г. М. Кржижановский, — капитализм „несет новый метод мышления, новые отношения к действительности и новый класс, на долю которого выпадают все муки созидательного трудового процесса и жестокие пинки за минимальнейшую попытку предъявления „человеческих прав“.

„В 90-е годы в крупнейших центрах городской и промышленной России можно было встретить группы людей, которые чувствовали себя своеобразными отщепенцами в тогдашней социальной среде. Доктрина научного социализма учения Маркса и Энгельса была их путеводительной звездой, а российский пролетариат — той стихией, от движения которой, по их глубочайшему убеждению, всецело зависела будущая судьба великой страны“.

На эту рать революционных марксистов, кроме величайшей задачи внедрения начал революционного марксизма в рабочие массы, о чем нам придется говорить ниже, легла в то время еще другая задача: борьба с той частью буржуазии, которая признавала марксистское учение о законах развития капиталистического общества и звала „пойти на выучку к капитализму“, но в то же время отвергала неизбежность падения капиталистического строя, отвергала миссию пролетариата как могильщика капитализма, — другими словами, отрицала самое существенное в марксизме — его революционную сущность. Наряду с этим первым пионерам марксизма предстояло провести последний и решительный бой с народничеством, вконец измельчавшимся после падения „Народной воли“.

Самую выдающуюся роль в выполнении этих задач сыграл В. И. Ленин. В этот период впервые появляется в России целый ряд марксистских изданий; вскоре начинает выходить журнал марксистского направления „Новое Слово“; в этом журнале печатались статьи Плеханова, Засулич, Ленина, Потресова, Мартова, Горького, а вместе с тем и статьи Струве, Туган-Барановского и Булгакова. Последние три выбросили лозунг: „признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму“. Борясь против народничества и применяя в этой борьбе методы марксизма, эти три идеолога буржуазного развития совершенно игнорировали революционные выводы марксизма. Почувяв чуждые марксизму оппортунистические нотки в выступлениях Струве (Струве впоследствии скатился постепенно в грязь самого махрового монархизма, возглавляемого пресловутым великим князем Николаем Николаевичем), Ленин в статье „Экономическое содержание народничества и его критика в книге П. Струве“, поддерживая автора в той части, где он критикует народничество, клеймит попытки Струве исказить революционный марксизм и стать проводником буржуазного влияния на пролетариат. Ленин,—говорит тов. Зиновьев,—первый почувствовал, что этот самый Струве завтра будет сторонником буржуазии, что завтра он будет превозносить уже не прогрессивные стороны капитализма, а станет прямо прославлять капиталистов, что завтра он просто продается капиталистам. Ленин первый подчеркнул это, первый резко отмежевал подлинный революционный марксизм от „легального марксизма“. Эта задача отмежевания при тогдашних условиях была тем труднее, что „легальные марксисты“ были соратниками „революционных“ в борьбе с народничеством.

Из всего сказанного нами ранее известно, как глубоко коренились народнические взгляды в умах тогдашней революционной молодежи, с каким трудом прокладывали себе дорогу идеи революционного марксизма и как часто многие, выбившиеся на настоящий путь, вновь уклонялись в сторону, подчиняясь обаянию славных деятелей „Народной воли“, погибших на эшафоте. Весьма часто упускалось из виду, что народничество начала 90-х годов, не только в связи с радикально изменившимися условиями в России, стало анархизмом, но и носители идей народничества измельчали. Не го-

воря уже о таких, как Юзов-Каблиц, но даже Н. К. Михайловский в начале 90-х годов уже был далеко не тем, чем был в 70-х и в начале 80-х годов.

„Русский крестьянский социализм 70-х годов,—говорит Ленин,—фыркавший на свободу ради ее буржуазности, борющийся с „яснолобыми“ либералами, усиленно замазывавшими антагонистичность русской жизни, и мечтавший о крестьянской революции, совершенно разложился и породил тот пошлый мещанский либерализм, который усматривает „бодрящие впечатления“ в прогрессивных течениях крестьянского хозяйства, забывая, что они сопровождаются и обуславливаются массовой экспроприацией крестьянства“.

И Ленин, разоблачая этих народников новой формации, с негодованием восклицает:

„И подобные господа, толкуют об „идеалах отцов“, претендуют на то, что они, именно они хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского...“

Да вы пачкаете эти идеалы. В самом деле, в чем состояли эти идеалы у первых русских социалистов, социалистов той эпохи, которую так метко охарактеризовал Каутский словами: „Когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом?“

Вера в особый уклад, в общественный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции, — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на героическую борьбу с правительством. И вы не сможете упрекнуть социал-демократов в том, что они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти. Но я спрашиваю вас: где же она теперь эта вера?“

Этой веры уже не было. Капитализм сделал свое. Деревня раскололась, „выделяя, с одной стороны, массу пролетариата, с другой — кучку „кулаков“, держащих под своей пятой остальное население“. „Вместе с тем,—отмечает Ленин,—раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, с другой — выродившись в полный мещанский радикализм. Из доктрины об особом укладе крестьянской жизни, о совершенно само-

бытных путях нашего развития вырос какой-то жиденький эклектизм, который не может уже отрицать, что товарное хозяйство стало основой экономического развития, что оно переросло в капитализм, и который не хочет видеть только буржуазного характера всех производственных отношений, не хочет видеть необходимости классовой борьбы при этом строе. Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества* *), выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, „улучшить“ положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*“.

Это новое „народничество“, по существу своему контр-революционное и тем не менее маскировавшееся прежними революционными лозунгами, действовало разлагающе и на рабочих и на молодежь; первым пионерам революционного марксизма приходилось сорвать с него маску и раз навсегда отмежеваться от него. Эту межу решительно и резко тогда же провел Владимир Ильич:

„Пора общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое (как это было, например, в эпоху Чернышевского), безвозвратно кануло в вечность. Теперь нет уже решительно никакой почвы для той идеи, которая и до сих пор продолжает еще кое-где держаться среди русских социалистов—крайне вредно отзываясь и на их теории и на их практике—будто в России нет глубокого качественного различия между идеями демократов и социалистов.

Совсем напротив: между этими идеями лежит целая пропасть, и русским социалистам давно бы пора понять это, понять *неизбежность и настоятельную необходимость полного и окончательного разрыва с идеями демократов*“.

И этот разрыв, этот резко очерченный водораздел был проведен, и прежние „народники“ стали под знаменем „Народного права“ (о котором придется говорить ниже), в то время, как революционные марксисты начали пользоваться все большим и большим влиянием на пролетариат. Это влия-

* В примечании Ленин указывает, что все прежние революционные программы, начиная бакунистами и кончая народолюбцами, ставили себе целью поднять крестьянство на социалистическую революцию против современного общества.

ние сказалось на праздновании 1 мая. В 1893 и 1894 г. г. в движении принимают участие все новые и новые города. В частности, в Вильне были устроены собрания по отдельным профессиональным союзам. В них участвовало около 400 человек, главным образом, евреев. Мы отмечаем это, так как в следующем году эти первые начинания еврейских рабочих дали большие результаты: в праздновании 1 мая приняли участие еврейские рабочие в Вильне, Минске, Варшаве и в ряде других менее крупных городов. Хотя эти собрания происходили под лозунгом борьбы „за десятичасовой (!) рабочий день, повышение рабочей платы и за лучшее обращение“, но на них в речах ораторов повсюду затрагивался вопрос о политической борьбе, весьма сочувственно встречаемый собравшимися. Тогда же была намечена цель действовавших среди еврейских рабочих социал-демократов: создать организацию, „которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение“.

Так зародилась еврейская рабочая партия „Бунд“.

Уже в этом определении целей „Бунда“ слышны новые нотки. Еще сильнее и резче они были сформулированы в этом же году в тогдашнем Петербурге. Здесь уже сказалось мощное влияние Ленина, который в 1896 году в первомайском воззвании, написанном им в тюрьме, указывал на то, что 1 мая, „это—праздник борьбы с эксплуататорами и притеснителями всех стран и названий, праздник борьбы, который рано или поздно станет праздником победы“. „Ежегодно перед 1 мая проникаются трепетом наши враги, начиная с мелких фабрикантов и кончая могущественными царями. Они сознают, что их господству скоро конец, они чувствуют, что ежегодные празднования 1 мая—словно смотря и маневры рабочих батальонов; это удары топора, подрубающего сук, на котором они сидят; это стук молотка, заколачивающего крышку их гроба“.

Какое огромное значение имели эти первые проявления сочетания рабочими экономических лозунгов с политическими, мы увидим ниже, когда нам придется говорить о той исторической роли, какую сыграли Плеханов и Ленин в борьбе против так называемого „экономизма“, проповедуемого получившими уже после Октября 1917 года громкую известность

Прокоповичем и Кусковой, договорившимися до отрицания необходимости для рабочих борьбы с самодержавием. То, что было в первой фазе движения печальной необходимостью, было ими возведено до высот принципа.

До тех пор, пока первые революционные марксисты могли вести только кружковую работу, приходилось, как правильно замечает т. Зиновьев, „подходить к рабочим через элементарные, чисто азбучные вопросы, ибо только так можно было разбудить спавшего беспробудным сном массовика-рабочего, который в значительной мере был непривыкшим к протесту и организованности“. Для Кусковых и Прокоповичей эта первоначальная стадия движения стала не только альфой, но и омегой их деятельности. Вся работа в этой стадии, с ясно намеченной линией перехода в следующую, когда будут уже сдвинуты массы с мертвой точки, легла на основанный в Петербурге „Союз борьбы за освобождение рабочего класса“, во главе которого стоял Ленин. Владимир Ильич следующим образом формулировал задачи „Союза“:

„Социалистическая работа русских социал-демократов состоит в пропаганде учений научного социализма, в распространении среди рабочих правильного понятия о современном общественно-экономическом строе, его основаниях и его развитии, о различных классах русского общества, об их взаимоотношении, о борьбе этих классов между собою, о роли рабочего класса в этой борьбе, его отношении к падающим и развивающимся классам, к прошлому и будущему капитализма, об исторической задаче международной социал-демократии и русского рабочего класса. В неразрывной связи с пропагандой стоит агитация среди рабочих, выдвигаясь, естественно, на первый план при современных политических условиях России и при уровне развития рабочих масс. Агитация среди рабочих состоит в том, что социал-демократы принимают участие во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами из-за рабочего дня, рабочей платы, условий труда и пр. и пр. Наша задача — слить свою деятельность с практическими, бытовыми вопросами рабочей жизни, помогать рабочим разбираться в этих вопросах, обращать внимание рабочих на важнейшие злоупотребления, помогать им формулировать точнее и практичнее свои требования к хозяевам,

развивать в рабочих сознание своей солидарности, сознание общих интересов и общего дела всех русских рабочих как единого рабочего класса, составляющего часть всемирной армии пролетариата... Наряду с пропагандой научного социализма русские социал-демократы ставят своей задачей пропаганду в рабочих массах и демократических идей, распространять понятия об абсолютизме во всех его жизненных проявлениях, о его классовом содержании, о необходимости свержения его, о невозможности успешной борьбы за рабочее дело без достижения политической свободы и демократизации политического и общественного строя России. Агитируя среди рабочих на почве ближайших экономических требований, социал-демократы неразрывно связывают с этим агитацию на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса; агитацию против полицейского гнета, проявляющегося в каждой стачке, в каждом столкновении рабочих с капиталистами; агитацию против стеснения прав рабочих как русских граждан вообще и как наиболее угнетенного и наиболее бесправного класса в частности; агитацию против каждого выдающегося представителя и лакея абсолютизма, приходящего в ближайшее соприкосновение с рабочим и наглядно показывающего рабочему классу его политическое рабство... И экономическая и политическая агитация равно необходимы для развития классового самосознания пролетариата, и экономическая и политическая агитация равно необходимы как руководство классовой борьбы русских рабочих, ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая“.

„Возникновение петербургского Союза борьбы“, — сообщает Н. Ангорский, — по временам совпадает с началом агитационного периода в истории петербургского рабочего движения. Переход к новым методам борьбы — к печатной агитации и пропаганде на почве насущных интересов и требований рабочих — обнаружился еще зимой 1894 г. после беспорядков на Семяниковском заводе, стачки в порту и забастовки на бумагопрядильне Воронина. Этот переход к агитации почти одновременно совершался и в Москве, и в Нижнем, и в Западном крае и в других промышленных центрах.

В Москве на первомаяском собрании 1895 г., где присутствовало свыше 250 организованных рабочих, решено было

немедленно создать широкую организацию, устав которой являлся как бы прототипом будущей партийной организации“.

Осенью 1895 г. „Союз“, получив через т. Кржижановского сведения о положении рабочих на фабрике Торнтон, на которой царил полный произвол, — двенадцатичасовой рабочий день, штрафы, обманы при расценке и т. п., — выпускает прокламацию, составленную Г. М. Кржижановским, формулирующую требования рабочих, а затем вторую, составленную Лениным с призывом к солидарности.

С этого момента „Союз“ на каждую стачку откликается листками и воззваниями.

„Наряду с агитацией, — сообщает дальше т. Ангорский, — на почве конкретных требований рабочих, центральная организационная группа приступила к политической агитации и пропаганде, для чего было решено издавать журнал „Рабочее Дело“. Материал для первого номера был совершенно готов и сдан в набор, когда в ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. разразился провал почти всей организации. Было арестовано более 100 человек и в том числе почти вся центральная организационная группа: В. И. Ульянов, Г. М. Кржижановский, А. Радченко, П. Запорожец, А. Ванеев, В. Старков“.

Уцелевшие от ареста во главе с Л. Мартовым продолжают работу. Рабочий И. В. Бабушкин составляет листок: „Что такое социалист и политический преступник“, а затем „Союз“ издает написанное Лениным первомайское воззвание, отрывок из которого мы привели выше.

Все эти листки и воззвания, издаваемые в момент, когда рабочие, доведенные до крайности, реагировали забастовками на эксплуатацию, гнет и произвол, вносили элемент классовый сознательности в эти выступления, вносили бодрость и поощряли к дальнейшей борьбе.

„Стачка питерских ткачей, — пишет т. Ангорский, — в которой приняло участие до 40.000 рабочих, возникла, конечно, стихийно, но „Союз“ оформил движение и сконцентрировал его вокруг требований сокращения рабочего времени и повышения расценок.

„Союз борьбы“ за время этой стачки проявил огромную деятельность — им за это время было выпущено 58 листков. О характере этих листков можно заключить из следующего

листка, написанного Лениным и изданного в ноябре 1896 года и подводющего итоги стачечной борьбе:

„Царскому правительству.“

В настоящем 1896 году русское правительство вот уже два раза обращалось к публике с сообщением о борьбе рабочих против фабрикантов. В других государствах такие сообщения не в редкость, — там не прячут того, что происходит в государстве, и газеты свободно печатают известия о стачках. Но в России правительство пуше огня боится огласки фабричных порядков и происшествий: оно запретило писать в газетах о стачках, оно запретило фабричным инспекторам печатать свои отчеты, оно даже перестало разбирать дела о стачках в обыкновенных судах, открытых для публики, — одним словом, оно приняло все меры, чтобы сохранить в строгой тайне все, что делается на фабриках и среди рабочих. И вдруг все эти полицейские ухищрения разлетаются, как мыльный пузырь, и правительство само вынуждено открыто говорить о том, что рабочие ведут борьбу с фабрикантами. Чем вызвана такая перемена? В 1895 году было особенно много рабочих стачек. Да, но стачки бывали и прежде, и, однако, правительство умело не нарушать тайны, и эти стачки проходили безгласно для всей массы рабочих. Нынешние стачки были гораздо сильнее предыдущих и сосредоточены в одном месте. Да, но и прежде бывали не менее сильные стачки, например, в 1885—1886 г. г. в Московской и Владимирской губ. Но правительство все-таки еще крепилось и не заговаривало о борьбе рабочих с фабрикантами. Отчего же на этот раз оно заговорило? Оттого, что на этот раз на помощь рабочим пришли социалисты, которые помогли рабочим разъяснить дело, огласить его повсюду, и среди рабочих и в обществе, изложить точно требования рабочих, показать всем недобросовестность и дикие насилия правительства. Правительство увидело, что становится совсем глупо молчать, когда все знают о стачках, и оно тоже потянулось за всеми. Листки социалистов потребовали правительство к ответу, и правительство явилось и дало ответ.

Посмотрим, каков был ответ.

Сначала правительство пыталось уклониться от гласного и публичного ответа. Один из министров, министр финансов

Витте, разослал циркуляр фабричным инспекторам и в этом циркуляре обзывает рабочих и социалистов „злейшими врагами общественного порядка“, советовал фабричным инспекторам запугивать рабочих, уверять их, что правительство запретит фабрикантам делать уступки, указывать им на хорошие побуждения и благородный помысел фабрикантов, говорить о том, как фабриканты заботятся о рабочих и их нуждах, как фабриканты полны „хороших чувств“. О самых стачках правительство не говорило, оно не сказала ни слова о том, из-за чего были стачки, в чем состояли безобразные притеснения фабрикантов и нарушения закона; чего добивались рабочие; одним словом, оно прямо-таки изолгало все бывшие летом и осенью 1895 года стачки, попыталось отделаться избитыми казенными фразами о насильственных и „противозаконных“ действиях рабочих, хотя рабочие не делали насилий: насильничала одна только полиция. Министр хотел оставить этот циркуляр в тайне, но сами чиновники, которым он вверил ее, не сдержали тайны, и циркуляр пошел гулять в публике. Затем его напечатали социалисты. Тогда правительство, видя себя, по обыкновению, одураченным со своими всем известными „тайнами“, напечатало его в газетах. Это было, как мы уже сказали, ответом на летние и осенние стачки 1895 года.

Но вот весной 1896 года стачки повторились еще гораздо сильнее. К слухам о них присоединились листки социалистов. Правительство сначала трусливо молчало, выжидая, как кончится дело, и затем, когда уже восстание рабочих улеглось, оно выступило задним числом со своей канцелярской мудростью, как с запоздалым полицейским протоколом. На этот раз пришлось уже выступить открыто и притом всему правительству целиком. Его сообщение было напечатано в номере 158 „Правительственного Вестника“. На этот раз не удалось уже по-прежнему лгать на рабочие стачки. Пришлось рассказать, как было дело, в чем состояли притеснения фабрикантов, чего требовали рабочие; пришлось признать, что рабочие вели себя „чинно“. Таким образом, рабочие отучили правительство от гнусной полицейской лжи, они заставили его признать правду, когда поднялись массой, когда воспользовались листками для оглашения дела. Это большой успех. Рабочие будут знать теперь, в чем состоит единственное средство добиться публичного заявления своих нужд, оповещения о борьбе рабочих

всей России. Рабочие будут знать теперь, что ложь правительства опровергается только соединенной борьбой самих рабочих и их сознательным отношением — добиться своего права. Рассказавши, в чем было дело, министры стали придумывать отговорки, они стали уверять в своем сообщении, что стачки вызваны были только „особенностями бумагопрядильного и ниточного производства“. Вот как?! А не особенностями всего русского производства, не особенностями ли русских государственных порядков, позволяющих полиции травить и хватать мирных рабочих, которые защищают себя от притеснений? Отчего же, добрые г. г. министры, рабочие читали нарасхват и требовали листки, в которые говорилось совсем не о бумаге и нитках, а о бесправии русских граждан и о диком произволе правительства, прислуживающегося к капиталистам? Нет, это новая отговорка чуть ли еще не хуже, гнусней той, которой отделялся в своем циркуляре министр финансов Витте, валивший все на „подстрекателей“. Министр Витте рассуждает о стачке так же, как рассуждает о ней любой полицейский чиновник, получающий подачки от фабрикантов: пришли подстрекатели, явилась стачка. Теперь, увидев стачку 30 тысяч рабочих, все министры вместе принялись думать и додумались, наконец, что не от того бывает стачка, что являются подстрекатели-социалисты, а от того являются социалисты, что начинаются стачки, начинается борьба рабочих против капиталистов. Министры уверяют теперь, что социалисты потом „примкнули“ к стачкам. Это хороший урок для министра финансов Витте.

Смотрите же, господин Витте, учитесь хорошенько! Учитесь разбирать вперед, из-за чего вышла стачка, учитесь смотреть на требования рабочих, а не на донесения ваших полицейских крыс, которым вы сами ведь ни на грош не верите!

Г. г. министры уверяют публику, что это только „злонамеренные личности“ пытались придать стачкам „преступный политический характер“, или, как они говорят в одном месте, — „социальный характер“. Г. г. министры хотели сказать „социалистический“, но, по безграмотности или по канцелярской трусости, сказали „социальный“, и вышла бессмыслица: социалистический — значит поддерживающий рабочих в борьбе с капиталом, а социальный — значит просто общественный. Как же можно стачке придать общественный характер? Ведь это

все равно, что придать министрам министерский чин. Вот это забавно. Социалисты придают стачкам политический характер. Да само правительство прежде всяких социалистов приняло все меры, чтобы придать стачкам политический характер. Не оно ли стало хватать мирных рабочих, точно преступников, арестовывать и высылать? Не оно ли разослало повсюду шпионов и провокаторов? Не оно ли забирало всех, кто попадет под руку? Не оно ли обещало оказать помощь фабрикантам, чтобы они не уступали? Не оно ли преследовало рабочих за простые сборы денег в пользу стачечников? Правительство само лучше всех разъяснило рабочим, что война их с фабрикантами в то же время неизбежно должна быть войною с правительством. Социалистам осталось только подтвердить это и опубликовать в листках. Вот и все.

Но русское правительство прошло уже огонь и воду в искусстве лицемерить, и министры постарались промолчать о том, какими средствами правительство „придавало политический характер стачкам“, оно рассказало публике, какими числами были помечены листки социалистов, отчего не рассказало оно, какими числами были помечены приказы градоначальника и прочих башибузуков об аресте мирных рабочих, о вооружении войска, о посылке шпионов и провокаторов? Они перечисляли публике, сколько было листков социалистов, отчего не перечислили они, сколько было схвачено рабочих и социалистов, сколько разоренных семей, сколько высланных и заключенных без суда в тюрьмы? Отчего? Да оттого, что даже русские министры, при всем их бесстыдстве, остерегаются говорить публично о таких разбойничьих подвигах. На мирных рабочих, восставших за свои права, защищавших себя от произвола фабрикантов, обрушилась вся сила государственной власти с полицией и войском, жандармами и прокурорами; против рабочих, державшихся на свои гроши и гроши их товарищей, английских, польских, немецких и австрийских рабочих, выступила вся сила государственной казны, обещав поддержку беднякам-фабрикантам.

Рабочие были не объединены. Им нельзя было устроить сбор денег, привлечь другие города и других рабочих, их травил повсюду, они должны были уступить перед всей силой государственной власти. Господа министры ликуют, что правительство победило.

Хороша победа! Против 30 тысяч мирных рабочих, не имеющих денег, вся сила власти, все богатства капиталистов. Министры поступили бы умнее, подождав хвастаться такой победой, а то их хвастовство очень уж напоминает хвастовство полицейского солдата, который похвастается тем, что ушел со стачки не битым.

„Наушения „социалистов не имели успехов,“ — торжественно объявляет правительство, успокаивая капиталистов. Да, никакие наушения, — ответим и мы на это, — не могли бы произвести и сотой доли того впечатления, которое произведено на всех петербургских рабочих поведением правительства в этом деле. Рабочие увидели ясно политику правительства — замолчать рабочие стачки и изолгать их. Рабочие увидели, как их соединенная борьба заставила отбросить полицейскую лицемерную ложь. Они увидели, чьи интересы оберегает правительство, которое обещало поддержку фабрикантам. Они поняли, кто их настоящий враг, когда на них, не нарушающих закона и порядка, точно на неприятелей, послали войско и полицию. Сколько бы ни толковали министры о безуспешности борьбы, но рабочие видят, как присмирели везде фабриканты, и знают, что правительство созывает уже фабричных инспекторов совещаться о том, какие уступки надо сделать рабочим, ибо оно видит, что уступки необходимы.

Стачки 1895 — 1896 годов не прошли даром. Они сослужили громадную службу русским рабочим, они показали, как им следует вести борьбу за свои интересы. Они научили их понимать политическое положение и политические нужды рабочего класса.

„Союз борьбы за освобождение рабочего класса“. Ноябрь 1896 года“.

„Пока Владимир Ильич сидел, — пишет в своих воспоминаниях Н. К. Крупская, — работа на воле разрасталась, стихийно росло рабочее движение. После ареста Мартова, Ляховского и др. силы группы еще более ослабели“, и когда Надежда Константиновна вскоре после этого была выпущена на свободу, она „застала организацию в самом плачевном состоянии“. Жандармы очистили поле для Кусковых и Прокоповичей.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Грандиозное стачечное движение рабочих не только в Петербурге, но и в целом ряде других городов не могло остаться без влияния на внепролетарские слои населения и прежде всего на студенческую молодежь и интеллигенцию. Уже самый факт, что в царстве кнута и нагайки рабочая масса сумела заставить правительство считаться с ее требованиями, не мог не повлиять на них, не мог не побудить их попытаться со своей стороны нажать на правительство.

Первыми очнулись от продолжительной дремоты старые революционеры Натансон, Тютчев, Геденовский и другие. — Бывшие землевольцы и народовольцы, возлагавшие сначала все свои упования на крестьянство и его „коммунистические“ традиции, затем на „общество“, разуверившись и в крестьянстве и в обществе, ставили карту на „объединение всех оппозиционных элементов“. Не „Земля и Воля“ была положена в основу организованной ими партии и не „Народная воля“, а народное право. Приняв название „Народное право“, партия в историческую годовщину — 19 февраля — в 1894 г. выступила с „Манифестом“, в котором указывала, что единственный выход из существующего положения это — „решительный поворот в сторону политики народных прав и интересов, что может быть достигнуто только путем непосредственного участия страны в делах управления, т. е. заменою самодержавия установлением свободных представительных учреждений.

По мнению партии, понятие о народном праве включает в себя как понятие о политической свободе, так и понятие о праве народа на обеспечение его материальных интересов на началах организации народного производства... Гарантиями этого права служат представительное управление на началах всеобщего голосования и политические свободы, необходимым условием которых является признание права на политическое самоопределение за всеми национальностями и областями, входящими в состав России.

Партия ставит своей задачей объединение всех оппозиционных элементов страны и организацию такой активной силы, которая всеми доступными ей моральными и материальными средствами добилась бы освобождения от современного

политического гнета самодержавия и обеспечила бы за всеми права человека и гражданина“.

В „Манифесте“ авторы избегают всего, что могло бы отпугнуть трусливого российского обывателя. Своего рода шедевром является формулировка: „обеспечение материальных интересов народа на началах организации народного производства...“ Для этой же цели (*не отпугивания*) вопросы тактики „Манифестом“ совершенно не затрагиваются. Результат не заставил себя долго ждать. Трусливых обывательских зайцев „Народное право“ не заманило в свои ряды, а рабочие самым решительным образом отгородились от „объединителей оппозиции“.

На „Манифест“ следующим образом откликнулась „Группа южно-русских рабочих“:

„Мы, южно-русские рабочие, думаем, что наше экономическое положение улучшится только тогда, когда земля и орудия производства будут государственными; кроме политических требований, мы считаем необходимым, чтобы конституция обеспечивала за народом и социально-экономические требования нашей программы, для проведения которой мы, *отдельные группы рабочих*, будем организовываться в партию и, когда она будет достаточно сильна, *с оружием в руках* потребуем проведения нашей программы в жизнь“.

Достаточно сопоставить эти два документа, и станет понятным, что уже в то время выяснилось, кто может быть и будет гегемоном в борьбе с самодержавием. Этот ответ рабочих был издан в 1895 г., т. е. за *десять лет* до революции 1905 г., когда не только Прокоповичи и Кусковы, но и их правопреемники — меньшевики — усматривали не в пролетариате, а в буржуазии руководителя этой борьбы.

В высшей степени характерно, что старые и испытанные борцы революции, возглавляемые М. А. Натансоном, революционным инстинктом почувствовали эту выступающую на политическую арену силу, но прошлое, тяготевшее над ними, не позволило им сделать соответствующих выводов. В издаваемом „Народным правом“ журнале „Наше Время“ появилась статья о забастовках, „которые кое-кому могут казаться совершенно не интересными... Все одно и то же: уменьшение заработной платы, злоупотребления, гнет, борьба за копеечную прибавку, забастовка. В результате—или гро-

шовые уступки рабочим, или поражение и мрачное возвращение на работу на прежних условиях. И в самом деле. Все это однообразно, серо, малоэффектно. Серо и не эффективно, как вся наша жизнь, как вся наша деятельность. Но самая обыкновенная, самая обыденная забастовка, скучная, когда рассказываешь о ней, имеет огромное значение для ее участников и... не только для них. Кто жил в Петербурге, кто видел и слышал, что происходило и что говорилось на улицах во время всеобщей забастовки текстильных рабочих, не может не согласиться с этим. Лица, озаренные лучами мысли, возбужденный тон людей, привыкших работать молча... Громкие заявления, что они не уступят, пока не добьются своего. Все сознают, что даже в самом забитом совершенно случайном участнике этой толпы проснулся человек. Среди долгого молчания раздается единственный голос протеста — голос рабочего. Эта речь еще неясная, простая. До сих пор говорится еще исключительно о прямых потребностях, затрагиваются одни лишь „грубые“ материальные интересы. Но об этом уже говорят люди, а не рабы. Дело свободы сдвинуто с мертвой точки и растет. А какое влияние производят эти события на другие слои, нетрудно заметить на улице. Самая скромная, самая невзрачная забастовка является чем-то великим“.

Но, подметив „это великое“, „народоправцы“, как мы уже указывали выше, не сделали из этого соответствующих выводов относительно роли в революции выступавшего на борьбу пролетариата.

В сознание революционных марксистов того времени все более проникали сказанные Плехановым на первом конгрессе II Интернационала слова: „революция в России восторжествует как рабочее движение“. Для этого торжества, для того, чтобы рабочий класс мог сыграть роль гегемона в пролетарской борьбе, нужно было прежде всего объединить разрозненные и разбросанные силы, отдельные кружки „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“ и другие отдельные группы в единую социал-демократическую партию. Этот вопрос был поставлен В. И. Лениным в изданной в 1897 г. брошюре „Задачи русских социал-демократов“, и 14 марта 1898 года партия была создана.

Начался новый период в истории революционного движения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Глава первая	3
„ вторая	23
„ третья	33
„ четвертая	54
„ пятая	76
„ шестая	92
„ седьмая	99
„ восьмая	111
„ девятая	127
„ десятая	135
„ одиннадцатая	143
„ двенадцатая	150
„ тринадцатая	164
„ четырнадцатая	176
„ пятнадцатая	187
„ шестнадцатая	197
„ семнадцатая	212